

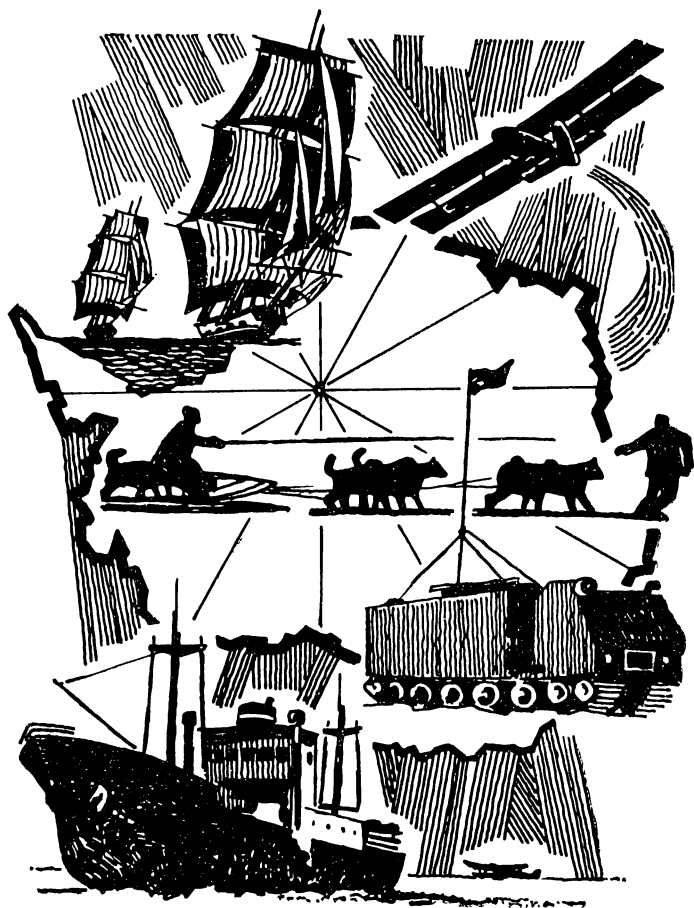
ПАВЕЛ КУТУЗОВ

**АНТАРКТИЧЕСКИЙ
ДНЕВНИК**

Москва
„Молодая гвардия“
1973

ПАВЕЛ КУТУЗОВ

**АНТАРКТИЧЕСКИЙ
ДНЕВНИК**

ДНЕВНИКИ МОЛОДОГО УЧЕНОГО
ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
Ю. КАЛЕЩУК

Кутузов Павел Степанович

К95 Антарктический дневник. (Подготовил к печати Ю. Калешук.) М., «Молодая гвардия», 1973.

168 с. с илл. + 8 вкл. (Бригантина). 100 000 экз. 35 к.

Автор книги — комсомолец, участник 5-й антарктической экспедиции, описывает работу советских исследователей в Мирном, Лазареве, на острове Дригальского.

91(99)

7-3-2

№ 208 1972 г.

Комментарии Ю. Калешука

Редактор С. Митрохина

Художник Б. Федотов

Художественный редактор Л. Белов

Технический редактор Е. Брауде

Корректоры А. Долидзе, К. Пипикова

Сдано в набор 25/VII 1972 г. Подписано к печати 31/I 1973 г. А00315. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 5,25 (усл. 7,35) + + 8 вкл. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 100 000 экз. Цена 35 к. Т. П. 1972 г. № 208. Заказ 1145.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Автор этих антарктических записок еще и сегодня был бы моложе многих из нас.

Тогда, в 1960-м, Павлу Кутузову было двадцать пять лет.

Позади был Ленинградский политехнический институт (курс по специальности: экспериментальная ядерная физика), несостоявшееся назначение в Академгородок (которого еще не было); впереди — работа в Физико-техническом институте Академии наук СССР (группа оптических исследований астрофизического отдела).

Тогда, отчаянной зимой 1960-го, в занесенном снегами Мирном и в трепещущей под яростными ветрами палатке на острове Дригальского это «впереди» казалось и далеким, и ясным, и трудным, и бесконечным...

Он готовил себя к такой жизни, трудной и бесконечной, ее не дано переписать набело, зачеркнуть слова, фразы, абзацы, заменить восклицательные знаки на вопросительные, а решительные, бескомпромиссные точки — на полные сомнений многоточия; и только рискованная ясность прожитого дня была обещанием, что главная цель достижима, ибо все зависит от того, насколько напряженным и полным будет каждый из этих дней.

Это был сильный, храбрый и добрый человек.

Он не знал, что такое бездеятельность, его тренированный ум (тусклые зимние дни в лабораториях, длинные зимние вечера в библиотеке, беспощадные ночные споры в студенческом общежитии), его тренированные мышцы (летние велопробеги по стране и волейбол круглый год, штурм горных вершин на Кавказе, Памире и прыжки с парашютом) всегда были заняты делом.

Неизвестность (в крови каждого уважающего себя молодого человека бурлит страсть к приключению), жажда откры-

тий (не только научных, но исследование собственных возможностей), работа (она и есть смысл существования, сущность характера) привели Павла Кутузова в Антарктиду.

К той поре со времени открытия ледового континента прошло сто сорок лет, и все же подлинное изучение материка только что начиналось...

Каждый, кто побывал в Антарктиде, увидел ее по-своему.

Во всяком случае, те, кто написал об этом материке, написали о нем по-своему.

Когда перечитываешь дневники, книги полярных путешественников, то кажется, что есть не одна, а несколько Антарктид

Величавая, неподвластная, вечная Антарктида Карстена Борхгревинка, азартная, коварная Антарктида Эрнста Шеклтона, трагический материк Роберта Скотта, Антарктида Дугласа Моусона и Ричарда Бэрда, Алексея Трешникова и Юхана Смуула...

Рядовой участник 5-й КАЭ — комплексной антарктической экспедиции — Павел Кутузов привез с белого материка три тетради в клеенчатых переплетах, заполненные торопливым, летящим почерком...

Это — Антарктида Павла Кутузова.

**ТЕТРАДЬ
ПЕРВАЯ**

1959 год,
22 декабря

Сейчас три часа ночи, только что на вездеходе вернулся с Лазарева *. Перед сном (завтра с 12 часов дня опята работа) решил уделить дневнику полчаса.

Как только корабль встал у причала, мы высыпали на лед размяться, вытащили мяч и начали играть в футбол, воротами служили выброшенные на лед бочки. Это был, пожалуй, самый южный в нашей стране матч. Играла команда «Оби» против экспедиции. Победили, конечно, мы. Зрителями были пингины. Очень интересные существа. Крайне любопытны. Увидев человека, бегут к нему и, встав в круг, рассматривают. Футбольный мяч отчего-то они невзлюбили. Шипели и бросались на него, когда он приближался.

В середине дня вертолетом я был заброшен на станцию Лазарев. Внешний вид ее: радиомачта с флагом, измерительные площадки, аэродром, обозначенный пустыми бочками. И все. При детальном осмотре наибольший сугроб оказывался жилым домом, занесенным выше крыши.

* По одним лишь названиям, нанесенным на карту Антарктиды, можно изучать историю ее освоения.

Честь открытия Южного материка выпала на долю русских мореплавателей Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В январе 1820 года парусные шлюпы «Восток» и «Мирный» подошли к берегам Антарктиды. «16-го генваря, — писал Лазарев, — достигли мы широты 60°23' S, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря с саленгу, простирался оный так далеко, как могло только досягать зрение; но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурило и пошел по обыновению снег. Это было в долготе 2°35' от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали ледяной материк, не доходя 70°».

Советская антарктическая станция Лазарев была основана в феврале 1959 года на шельфовом леднике, к северу от горного района Земли Королевы Мод.

Весь этот день работал с сейсмиками. Первый результат не обрадовал: на глубине пяти метров был оставлен один из двух имеющихся у нас буров. Копать бесполезно, фирн* очень твердый, и ниже 50 сантиметров лопата его не берет. Если будет время, попытаемся взорвать. В целом для экспедиции день окончился плачевно: один из лазаревских тракторов влетел в трещину, и достать его невозможно. Это не удивительно, в районе станции около 30 тысяч трещин. Был у трещины: ширина около трех метров, глубину не определить; приятный, но зловещий ультрамариновый цвет (толщина шельфа** 150 метров, глубина океана в этой части ~ 1000 метров). По счастью, никто не пострадал, все успели распрыгаться в разные стороны.

Словом, материк выпускает коготки.

Ночевали на станции, а не на корабле. Было тесновато, но терпимо. В два часа ночи смотрели «Жюльетту». Это подходило к нашему настроению.

Утром, позавтракав на станции, вертолетом вернулись на корабль. Началась разгрузка. Работаем по 12 часов. Погода резко ухудшилась.

23 декабря

Вот уже два дня сидим на корабле: пурга. Выгрузка остановлена, все, что успели снять с борта судна, под-

* Плотный, слежавшийся снег, переполненный зернами льда; промежуточная стадия между рыхлым, рассыпающимся снегом и льдом ледника.

** Традиционно этот термин означает материковую отмель, прибрежную область морского дна, окаймляющую материк; известный исследователь Антарктиды О. Норденшельд предложил термин «шельфовый ледник» (у автора дневника — просто «шельф») для обозначения ледяного образования, спускающегося в море с материка и продолжающегося дальше в виде обширного материкового льда.

нято назад. Ветер сравнительно небольшой, до 30 м/сек, но у многих свежи в памяти воспоминания о мартовской стоянке у Лазарева, когда только ставили станцию. Буквально за полчаса, пока команда пила чай, штиль сменился ветром ураганной силы. Его порывы доходили до 60 м/сек, судно могло удержаться, лишь включив все четыре дизеля на полную мощность. Напор был так велик, что выгруженные на припай* гусеничные тракторы скользили по льду.

Такая буйная погода не редкость в этом месте. (Причем почему-то именно здесь. Зимовщики рассказывают, что часто, когда у них сильнейший ветер, в 70 километрах отсюда — полный штиль.) За период с марта этого года было 125 дней со штормовым ветром свыше 15 м/сек, а в апреле на 25 ветреных дней — 16 дней со скоростями ветра до 65 м/сек (что это значит, можно легко представить, если вспомнить, что примерно такова скорость потока, обтекающего самолет, летящий со скоростью 300 км/ч).

Но, вероятно, завтра все равно будет разгрузка, время не терпит.

Вчерашний вечер и даже часть сегодняшнего дня prospорил, доказывая, что у современных подлодок подводная скорость выше надводной.

28 декабря

Только что отошел от стоянки корабль, еще и сейчас с палубы можно видеть на льдине хлопцев. Наш курс на

* Неподвижный морской лед, примерзший к берегам.

Мирный *, предполагаем быть там через 10 дней (с заходом на японскую и австралийскую базы). Экспедиция сейчас уменьшилась более чем наполовину.

В Лазареве оставили 27 человек, это зимовщики станции (их 11), геологический отряд, почти весь авиационный, и состав санно-тракторного поезда. Всего полтора месяца были вместе, а как жаль расставаться с хлопцами. С ними мы должны увидеться в феврале. «Обь» отошла под звуки «Голубки» и «Букета цветов из Ниццы».

Эх, черт, хотелось бы быть сейчас в Лазареве, но надо плыть дальше. Ну ничего, полетим на Восток!

16 декабря 1957 года, за два года до описываемых в дневнике Павла Кутузова событий, тридцать три советских полярника во главе с начальником 2-й КАЭ Алексеем Федоровичем Трешниковым, преодолев 1410 километров ледяной пустыни, впервые в истории покорения Антарктиды достигли района Южного геомагнитного полюса.

«В девять часов тридцать минут вечера все мы выстроились возле главной мачты, — писал спецкор «Правды» А. Введенский, участник этого похода. — Прозвучала команда: — Начальнику станции «Восток» поднять Государственный флаг Советского Союза!

Едва флаг на мгновение замер, как Алексей Федорович провозгласил:

— Советскую южнополярную станцию «Восток» на Южном геомагнитном полюсе объявляю открытой! Коллективу станции приступить к регулярным научным наблюдениям в соответствии с программой Международного геофизического года...»

Этому мгновению, когда на высоте 3488 метров над уровнем моря, в глубине таинственного материка взвился алый стяг нашей страны, предшествовала длительная, упорная работа. Два санно-тракторных поезда, отправившихся в поход в условиях полярной ночи, когда температура в глубине кон-

* Первая советская научная станция в Антарктиде; открыта 13 февраля 1956 года на Берегу Правды. Начиналась подготовка к проведению Международного геофизического года (МГГ). Советские полярные исследователи делали первые шаги на Антарктическом континенте.

тинента упала до минус 70 градусов, не смогли пробиться к цели; но их усилиями были созданы две промежуточные станции — «Комсомольская» и «Восток-1». Весенний поход, тщательно подготовленный, был победным.

Но исследование Антарктиды продолжалось. И конечно, Павлу Кутузову хотелось побывать в самых труднодоступных районах ледового материка...

*1960 год,
1 января*

Вот и прошел Новый год! И опять будни.

Вчера устроили банкет. Было много поздравительных радиogramм: от Всесоюзного радио, Севморпути, ААНИИ*, различных газет, атомохода «Ленин», разных кораблей, АН СССР, от начальника Антарктического комитета США (какого-то адмирала) и т. д. Выпили за прошлый, 1959 год (ведь, в общем, он был неплох), затем за родных и близких.

Может, и меня кто вспомнил в эту минуту (но не будем обольщаться, ведь у всех свои дела и интересы за праздничным столом). Я получил несколько рдо**. Очень обрадовала от Юрки (успеет ли он получить мою, ведь я послал ее почти «на деревню дедушке»). Пришли рдо хлопцы, оставшиеся в Лазареве. К сожалению, ответил только сегодня. Поздравила Люда.

А сегодня уже без торжеств. Все как обычно. (Даже эхолот заработал; вчера, видимо, ради праздников он не писал, ему мешал лед. Сегодня опять лед, но эхолот начал писать.)

* Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт.

** Радиogramма (принятое на судах и в экспедициях сокращение — рдо).

Около четырех дня встретились с легендарным японским ледокольным судном «Сойя». Вместе с ним сейчас идем к станции Сёва *. Он плетется у нас в хвосте. Легендарный, потому что ему постоянно оказывают помощь, даже «Обь» уже дважды выводила его из льдов. «Сойя» — небольшое (но с довольно мощной для его размеров машиной) красивое судно с вертолетом на корме.

2 января

День не очень удачный. Пытались пробиться к Сёве, но встретили такой монолитный лед с могучими торосами, что остановились в 80 километрах от станции. Решено горючее забрасывать туда на вертолете, он уже сделал несколько рейсов. Чтобы забросить нужные 30 тонн бензина (с каждым рейсом он может взять только одну тонну), вертолет сожжет 18 тонн бензина. Грузчиками на станцию отправились командиры отрядов экспедиции, так что нам, простым смертным, навряд ли удастся осмотреть станцию.

В 70 метрах от нас стоит «Сойя». Для японцев положение хуже: если «Обь» не смогла, «Сойя» не сможет тем более, а ей ведь это совершенно необходимо. Пока японцы также пользуются вертолетами (еще один прилетел со станции). Под вечер вышел на лед, играл в волейбол. Кажется, у нас состоится международная волейбольная встреча с японцами (через сетку, на льду, по всем правилам), и я вхожу в сборную.

Потом отправился знакомиться с японцами. Очень

* Японская антарктическая станция, расположенная на острове в заливе Лютцов-Хольм.

долго беседовал с одним из них (забыл имя и фамилию, мудреные какие-то, ну да завтра опять увидимся). Он метеоролог, офицер, 27 лет. Спросил, где родился и учился. Он ответил. Потом японцы и мы фотографировались. Они очень милые, дружелюбные люди. Дружелюбные и, по-видимому, без всяких задних мыслей. Надали мы им сувениров, показали корабль. Завтра продолжим знакомство.

4 января

День заполнен, как автоматная обойма.

Гости, гости, гости. Язык устал от английского. Доходишь до того, что в русскую речь непроизвольно вставляешь английские слова. Нет, японцы нравятся мне все больше и больше. А главное — это общий дух, дух дружелюбия и равенства, я бы сказал, даже братства. Тут своими глазами начинаешь видеть, что значит подлинное международное сотрудничество ученых. И такое трудно понять, даже прочувствовать тем, кто не видел всего этого...

В период МГГ Антарктида стала местом обширных научных наблюдений двенадцати стран, а в 1959 году с подписанием Международного договора об Антарктиде превратилась в первый континент, на котором запрещена всяческая военная деятельность. Сотрудничество, взаимодействие, взаимопомощь — закон полярных исследований. Изучение Антарктики явилось плодотворным примером международного сотрудничества в мирных целях.

А. Ф. Трешников в своей книге «Вокруг Антарктиды» рассказывает такую историю: «В конце 1962 года советские летчики вывели со станции Моусон тяжелобольного австралийского полярника, жизнь которого была в большой опасности, доставили его в Мирный, а затем на американскую станцию Мак-Мёрдо. Из Мак-Мёрдо больной был переправлен в Новую Зеландию американцами. Жизнь австралийца была спасена. Невольно вспоминаются при этом популярная со-

ветская песня и известный фильм «Если бы парни всей земли...».

Вечером, во время ужина, мне передали очень лестный для меня приказ лететь на Сёву. До сих пор из наших ста душ от силы с десятков побывало там. Кинулся заряжать фотоаппарат и переодеваться. Но полет перенесен на завтра...

6 января

Вчера с утра вертолет пытался пробиться на Сёву, но из-за плохой видимости должен был вернуться назад. Решили отправиться в гости на «Сойю», благо приглашение было.

На корабле встретили нас радушно. Один японец пошел показывать свое хозяйство, лабораторию по регистрации космических лучей. Изъяснялся из всех нас только я, ибо тема для меня знакомая, да и язык я лучше других понимал. Что поразило — отлично сделанные радиосхемы усилителя, дискриминатора. Кроме того, у них удачнее решен вопрос с записью измерений: прямо на ленту потенциометра. У нас же, в Мирном, излишне сложное хозяйство с фотоаппаратами, прожекторами и т. д. (что, кстати, здорово затрудняет обработку результатов).

Затем этот же японец провел нас в другие лаборатории: аэрологов, геомагнитчиков, метеорологов и т. д. С этими отраслями я знаком мало, но, по мнению других наших хлопцев, оснащение на должной высоте. У магнитчиков, for example*, для определения Н земли используется ядерный магнитный резонанс. В дальнейшем осмотрели и прочее геофизическое оборудование:

* Например (англ.).

для регистрации полярных сияний (polar auroга), свечения неба и т. д.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры «Сойи», вся ее полезная площадь используется на 100 процентов. Всюду приборы, грузы. Даже места отдыха (офицерская кают-компания, столовая и т. д.) здорово уплотнены. Нет такого простора, как у нас. Всюду я вынужден был ходить согнувшись пополам. Посидели в каютах гостей, они нас угостили своими специями и сакэ. Затем мы разошлись.

После вечернего чая на корабле французский фильм. Бокс. Куцая идея: женщина и бокс — два исключаяющие друг друга понятия. Вечером погода прояснилась, и вертолет полетел на Сёву.

Японская станция Сёва расположена на берегу бухты, окруженной холмами. Сейчас все эти холмы оттаяли, обнажив потрескавшийся, обожженный морозами камень. Ни клочка столь привычной для нас почвы. Кругом камень, большой и малый.

Подошли к станции. Это несколько красных домиков, тесно приткнувшихся друг к другу. Кругом ящики, тюки (у них сейчас смена состава и выгрузка). Вошли. За длинным столом сидят обитатели станции (старая смена), многие из которых здорово обросли (особенно один, кок), и наши. Пьют японское виски и сакэ, курят сигареты, закусывают местными деликатесами, ведут застольные беседы. Хозяева сразу же пригласили и нас к столу.

Затем мы разбились по специальностям. Интересно было поговорить с японцем, который здесь занимался тем, чем мне придется в будущем. В частности,

This is a density distribution of snow*.

Большинство из присутствующих гостей изучают русский язык, а один уже что-то говорит по-русски.

На прощание они подарили японские палочки для еды, а кок преподнес по куску специального антарктического сыра. Проводить нас вышло все население (14 человек). Через 40 минут мы прилетели на «Обь»...

Итак, на Сёву горячее выгружено, и этой ночью мы вышли из залива Лютцов-Хольм, держа курс на станцию Моусон**. Сзади идет «Соя».

10 января

Седьмого января в 7.00 «Соя» дала прощальный гудок и попыталась обогнать нас. Мы ответили ей гудками, но прибавили ход. Она шла следом за нами еще полчаса, затем пошла в сторону. Экипаж высыпал на палубу, они прощались, махали руками...

В эти дни наш корабль шел в чистой воде, лишь изредка попадались айсберги. Даже чуть покачало. Пошли разговоры, что в Моусон сейчас заходить не будем, ибо «Кооперация» уже там, у припая. Все это окончилось ничем, вчера подошли к Моусону. Это очень красивое место, горы (больше 1000 метров). Сейчас, то есть в 6.00, полетим вчетвером на Моусон работать.

11 января

Четыре часа утра. Сажу на эхолотной вахте, ем мятые австралийские конфеты, пишу дневник.

* Это распределение плотностей снега.

** Австралийская антарктическая станция, расположена на Берегу Моусона. Основана в 1954 году и названа в честь из-

Итак, все по порядку.

На материк улетели первым вертолетом. Нас трое. Высадили на аэродром, находящийся на плато. Плато расположено ~ в двух километрах от станции Моусон (Mawson). Наша задача сгрузить бочки с бензином для самолетов. Вертолет привозит сразу пять бочек, если не везет пассажиров. Прилетает через 15 минут, так что у нас есть время осмотреться.

Станции не видно, она под горой. Зато хорошо видны припай с застрявшей в нем «Обью», море и много причудливых айсбергов. Красивая панорама. Но не очень-то ею полюбуешься. Дует холодный стоковый ветер*.

Спешим в укрытие, на аэродроме имеется балок**, поставленный на сани (к нему прицеплена небольшая крытая мастерская). Заходим в балок. Там тепло. Ветер, конечно, не продувает. Имеются радиостанция, два стола, два стула, этажерка, две кровати с матрацами, сделанными из пенопласта (очень мягкие, к тому же с «20-year guaranty»***). Располагаемся с удобством. За-

вестного исследователя Антарктиды Дугласа Моусона, возглавлявшего в 1911—1914 годах Австралийскую антарктическую экспедицию (изучению ледового континента Д. Моусон отдал более полувека).

* По свидетельству авторов монографии «География Антарктиды», антарктические ветры «по своему генезису разделяются на стоковые, переходные и циклонические. Стоковые ветры образуются в результате интенсивного выхолаживания воздуха в глубине материка, повышения его плотности и скольжения вниз по ледниковому склону под воздействием силы тяжести. Известно, что выхолаживание занесенного во время адвекции (перенос воздуха в горизонтальном направлении) в глубь Антарктиды воздуха будет происходить до тех пор, пока не наступит лучистое равновесие, то есть пока длинноволновое излучение поверхности снега и атмосферы не выровняется и радиационный баланс не будет равен нулю. Следовательно, сила стоковых ветров зависит от степени радиационного выхолаживания, протяженности и направления склона, а скорость — от крутизны последнего».

** Вагончик, оборудованный для жилья.

*** С 20-летней гарантией (англ.).

хотелось есть (ведь мы не завтракали). Еды — целый угол, разрешение имеется. Останавливаемся на шоколаде, сушеном инжире, конфетах. Витька еще на сгущенке.

Упаковка продуктов тщательно продумана. Многие вещи специально антарктического заказа. Заметно сотрудничество стран в экипировке экспедиции. Вещи имеют австралийское, британское, канадское, американское, французское, итальянское клейма.

После нашего завтрака очередным рейсом вертолета нам привозят горячий кофе и бутерброды. Мы польщены, но уже сыты.

Бочки наконец разгружены (за четыре часа мы разгрузили 56 бочек, на Сёве для этого же понадобилось около четырех суток).

На вертолете нас забрасывают на станцию.

Осмотрелись. Изумительное место для антарктической станции. Кругом обнаженные (без снега) гранитные холмы. Станция стоит на ровном гранитном ложе. Это единый, не потрескавшийся, чисто выметенный ветром монолит. Благодаря этому станцию не заметает даже зимой (все сдувает ветер). При небольших же ветрах в этой котловине совсем тихо. Станция состоит из 15—20 домиков, обитых светлой жостью.

Коллектив зимовщиков невелик (всего 23 человека). Наше предположение, что все они улетели на «Обь», почти полностью оправдалось: осталось всего два зимовщика, из коих один спал. Стали знакомиться со станцией самостоятельно. Научные павильоны расположены отдельно от жилых домиков (жилых всего три: два по семь человек, один — шесть), оснащены современной автоматической аппаратурой: хозяев нет, а все работает, и результаты записываются.

Незадолго перед приходом «Оби» станцию постигло два несчастья. Первое — сгорела электростанция. Пожар был очень сильный. Мы видели фото и место пожа-

ра. Сейчас на Моусоне работает временная электростанция. Второе — подул ураганный ветер. Скорость достигала 100 км/ч. Особенно много вреда он принес самолетам: оторвал крылья, погнуты даже винты.

13 января

Ровно два месяца назад началось наше плавание, а с ним — целая полоса в моей жизни. Сколько перевидано и пережито за эти 60 дней! Независимо от того, как кончится мое путешествие, я твердо уверен, что предпринято оно не зря. На суше человек за годы может не узнать и не увидеть всего этого.

А путешествие только начиналось, и все было еще впереди.

Пока записи в дневнике — калейдоскоп каждодневно сменяемых впечатлений, впечатлений первых, ярких, но сторонних.

Пока Антарктида лишь коснулась Павла Кутузова, не задела его непосредственно. Пока не началась работа. Пока не начинался быт, жестокий антарктический быт.

Но все это тоже еще впереди.

Сегодня, в крайнем случае завтра утром прибудем в Мирный. Каким-то он окажется! Ведь в нем жить и работать. В обычных условиях (на Большой земле) для срока в 1,5 года место не очень важно. Ну а здесь даже мой маленький опыт показывает, что от расположения станции зависит, по крайней мере, 50 процентов бодрости духа.

Получил радиограмму без подписи — Люда больна. Что с ней?

13 января
(вечер)

Ну вот, идут последние мили путешествия к Мирному. Предполагается встать к припаю через час. Еще днем был гость с материка: из Мирного к кораблю прилетел ИЛ-12, сделал несколько приветственных кругов.

Получено распоряжение: не дожидаясь, пока «Обь» пробьется к припаю, снять нас всех вместе с личными вещами вертолетом на материк... Так что это, по-видимому, последняя ночь на борту судна. Уже уложился, осталась сушая мелочь. За время плавания вещи как-то разбухли, не хотят вмещаться в положенную им тару.

Что и говорить: привязались мы за эти два месяца к кораблю. И хотя я не раз набивал шишки в здешних коридорах, проклиная корабль и его габариты, расстаться с кораблем как-то жаль. Уже привык к суровому распорядку, он кажется самым необходимым, привык к тому, что палуба дрожит под ногами, а ночью у нас в твиндеке всё: полки, стены, кровати, стулья — гудит, но как-то не мешает «слушать подводную лодку». И все мелкости быта полностью искупаются морем. Я могу сказать твердо: за два месяца плавания море мне не надоело. Ведь каждый день (и даже не раз в день) оно новое. Его можно смотреть почти как кино, причем очень живое, ненадоедающее...

Спрятал тетрадь в чемодан, а судно остановилось. Вышел посмотреть: в пяти метрах от «Оби», параллельно борту, стоит белоснежная «Кооперация» Вот так сюрприз!

Сразу выяснили, что «Кооперация» взяла в Кейптауне письма и что ее совершенно не качало (даже зыбью!) в морях и океанах. Везет! Ну а нам будет что вспомнить!

Пишу эти строки, расположившись (вполне удобно!) в своей лаборатории в Мирном. Итак, я мирянин. Но все-таки самое главное — это письма. Я получил их 16. И еще одну телеграмму. Читал в одиночестве — орал, стучал кулаками, смеялся и вообще вел себя ненормально, и, конечно, все от радости. Очень хорошие письма из дома, от Киры, Эдьки. Эдька удивил. Ах подлец, жениться! Не мог раньше, когда я был!!!

В общем, моральной поддержки хватит на зимовку, тем более если еще будут рдо.

Но увы, в какой спешке мне приходилось читать эти письма! Я был впряжен в работу по переноске грузов отряда из фотолаборатории на палубу, с минуты на минуту ожидая переброски на базу. Однако, с трудом выиграв час (улетел вторым рейсом), не успев даже распрощаться с друзьями, прочел.

И вот уже второй день я в Мирном. Первое впечатление: удивлен, нет поселка. Есть огромный сугроб, точнее поле, где изредка через равные промежутки ниже поверхности снега лежат крыши. В домах неплохо. Там, где я живу (и где буду жить), то есть в доме № 5, люди только что вернулись с Южного полюса* и вообще —

* Начальник 4-й КАЗ А. Г. Дралкин, руководитель санно-тракторного похода к Южному полюсу, писал в своей книге «В мире холода»: «Как только головная машина начала приближаться к последнему перевалу, отделявшему нас от полюса, в водительской кабине раздался голос Чистякова: «Види станцию!» Остановили машину, открыли двери, верхний запасной люк. Кто-то забрался даже на крышу снегохода. Да, это была действительно станция Амундсен-Скотт, расположенная примерно в тысяче метров от географической точки Южного полюса...

В полдень поезд подошел к станции.

Наконец мы были на Южном полюсе. Все наши труды — почти полугодовая подготовка к походу в Мирном, тяготы почти трехтысяченилометрового перехода к полюсу — увенча-

чемоданное настроение. Один из них сейсмик Андрей Капица *. Ничего парень. Ну, пока будет, надо спать. Завтра с утра поеду за Мирный, к трехсотметровой скважине.

19 января

Идут «мирные» дни. Хотя уже освоился, но еще не привык к распорядку, к своим дневным занятиям. Чувствую себя гостем. Распорядок здесь такой: завтрак — 8—9 утра, обед — 12—13, ужин — 18—20 часов. После ужина кино. Вчера крутили два американских фильма (привезли с Южного полюса): один боевик, другой «The bed for every other» **.

Спать ложимся поздно. Не высыпаюсь. Вчера легли в три часа ночи. (Откачивали из дома воду. Наш дом № 5, кажется, единственный, заливаемый водой.) Завтрак проспал. Вчера принял всю аппаратуру. Остались действующие установки, скважины и т. д. Уточнял многие вопросы. Сегодня ездили за девять километров от Мирного, к трехсотметровой скважине. Ее-то нашли, а вот астропункт утерян. Даже наши предшественники все еще не привыкли к антарктическим каверзам. Жалобно говорят: «Ведь подвесили тут на 1,5 метра над снегом — и на тебе! Нет его!» Замело его метра на два — не нашли, а ведь это в чистом поле, где нет препятствий, даже сугробов нет, все гладко.

лись успехом. День 26 декабря 1959 года навсегда остался у нас в памяти...»

* Ныне А. П. Капица — член-корреспондент Академии наук СССР, председатель президиума Дальневосточного научного центра Академии наук СССР.

** «Постель для каждого» (англ.).

Добиваюсь полета на остров Дригальского * и ледник Шеклтона **.

23 января

Давненько не брался за дневник. А все почему? Обычно пишу вечерами, а тут уж который день подряд приходят по вечерам гости. Вчера, например, до трех ночи «знакомились» с нашим американцем, он сейсмолог, назначен в наш отряд и будет нашим соседом, зовут его Gilbert Dewart, он из Фриско. Его отец — пошлый капиталист, владелец одной еженедельной газеты. А в общем, он неплохой парень.

Полтора дня пробивал траншею через дорогу — пытаюсь уберечь кабель, но вряд ли уберегу его от тракторов, перережут. Принял и в основном разобрался в оборудовании.

Сегодня летали на «Остров сокровищ» — о. Дригальского. Поднялись на ЛИ-2, и сразу же неполадка — лыжи не убираются. Сели, чинились, опять взлетели. До острова 150 километров. Он сравнительно невелик, несколько сот квадратных километров. Ледяной купол. Совсем нет земли. Это маленькая Антарктида (даже

* Остров в море Дейвиса, неподалеку от станции Мирный. Назван именем немецкого полярного исследователя Эриха Дригальского. В 1901—1903 годах Э. Дригальский руководил немецкой антарктической экспедицией на судне «Гаусс».

** Шельфовый ледник Шеклтона; носит имя английского полярного путешественника Эрнста Шеклтона. Эрнст Генри Шеклтон предпринял три крупные антарктические экспедиции. Наиболее интересная и самая плодотворная по своим научным результатам экспедиция 1907—1909 годов имела главной задачей достижение Южного полюса. Шеклтон не дошел до цели всего около полутора сот километров, но его смелое путешествие обогатило человеческие знания о самой неизведанной области земного шара.

свой маленький ветер есть). Аэродрома, естественно, нет. Поэтому шли «первые посадки». Летчики за них получают крупные суммы. Нам, пассажирам, достаются жалкие проценты, но все же за каждую первую посадку 150 * рублей, а мы их сделали шесть.

Но на острове мы все же помучились. Снег мягкий и липкий. Трудно взлететь (скорость 50—55 км/ч). Приходилось вскакивать в бегущий самолет и выкидывать другие фортели. Но все окончилось благополучно.

25 января

Проводил хлопцев старой смены. Поехали вместе с вещами на «Кооперацию». Может быть, еще увидимся с ними, а может, нет. Здесь ведь все по-иному, чем на Б. З. **. Дом опустел, я один, кругом беспорядок, во всех домах свет, на улице начинается метель. Пусть поймут меня правильно те, кто прочтет эти строки. Все, даже старые полярники из нашей пятой КАЭ, чувствуют сегодня грусть. А что говорить про нас, молодых. Все это усугубляется тем, что сегодня первая жертва. На «Кооперации» погиб матрос...

Дом вымер. Очень, очень это непривычно. Ведь здесь были люди, жизнь. А сейчас ровно шумит тишина. Грустно! Хочется перед кем-то извиниться за что-то и еще делать массу ненужных вещей...

Я не пишу здесь и десятой доли того, что думаю, чувствую, чем живу.

* В старом масштабе цен.
** Большая земля.

Позавчера «Обь» и «Кооперация» встали на выгрузку. Работа двенадцатичасовая, как на станции Лазарев. И хоть работа довольно утомительна, все было бы ничего, но ряд неприятностей усугубляет дело — прежде всего быт: мой дом затапливает. Это может показаться со стороны странным и даже смешным, но для нас это бич. Наш дом особенно подвержен водице, ибо мы соединены длинным подснежным коридором с ледяной лабораторией. Снежная вода, проходя сверху через снег, упирается в ледок и катится прямо к нам. Чтобы окончательно не затопило, приходится очень плохим, постоянно оставленным насосом откачиваться дважды в сутки, иначе просыпаешься от плеска волн в собственной комнате. Откачку проводил один, хоть раньше ею занималось минимум трое.

Течет не только снизу, но и сверху. Вчерашней метелью нанесло на крышу снег, а поскольку было тепло и крыши у нас плоские (для хорошей аэродинамики), мы «течем», по крайней мере, в десяти местах. Подставляем ведра — это нас спасает.

В общем, водяной пирог.

Вчера, как уж написал, была метель, но выгрузка не прекращалась. Сегодня хоронили матроса. Ему 20 лет. Холост. Как говорится в медицинском акте, «смерть произошла от травмы»: он попал под лебедку.

В «науке» тоже неприятность: тракторы все-таки «переехали» кабель.

Ну спать, уже третий час. Мне рано вставать, чтобы откачаться, а затем с двенадцати дня опять на работу. Наверное, это будет последний день выгрузки.

Только что вернулся с кораблей — и сейчас же за дневник. Привык я к нему, он становится моим товарищем. Что же я буду делать на Большой земле без него? Или тоже вести и записывать, что вот, мол, сходил в столовую и там подали плохой шницель?

Разгрузка закончена. Попрощались с хлопцами 4-й КАЭ, нашими друзьями. Подчеркиваю, друзьями, ибо здесь либо друг, либо никто. Расцеловались. Отдал письма. Сегодня ночью они уйдут (и письма и хлопцы). С письмами плохо: не успел написать всем, кому хотелось. Совсем не было времени. Пришлось писать даже на прощальном ужине в Мирном.

После этого, погрузившись в волокушу, со старой сменой поехали на корабли.

И тут, в пути, оглядываясь на Мирный глазами отъезжающих, я понял: как бы мне ни пришлось трудно на этом континенте, меня всегда будет тянуть сюда. И это не просто слова: такой дикой красоты, таких нежных, необычных для нас красок, такого простора я никогда не увижу...

Едва возникал разговор о Павле Кутузове — с его отцом Степаном Романовичем, его друзьями Юрием Лобановым, Эдуардом Степановым, со всеми теми, кто знал и любил его, — непременно обозначалась главная тема: Павел и его отношение к людям.

Он был застенчив, независим, упрям, прямодушен. Качества противоречивые, порой неудобные в общежитии, но их объединяла в одно целое, в характер, еще одна черта Павла: он не умел шадить себя и был бережен к друзьям, близким и совершенно незнакомым людям.

Впрочем, «совершенно незнакомых людей», кажется, для него и не существовало. С теми, с кем он только что попрощался в своем дневнике, его связывала общая судьба — ему

предстояло прожить полтора года такой жизни, какую уже прожили они. С другими могло связать общее дело, или общая забота, или мгновение опасности, которое пришлось пережить вместе.

Степан Романович Кутузов вспоминает такую историю:

«Как-то во время отпуска, на побережье, Павел увидел скалу, нависшую над морем, которая сразу привлекла его внимание (скалолазание было его любимым видом спорта). Павел выбрал маршрут и стал подниматься на скалу. Следуя его примеру, решил подняться по скале еще какой-то юноша, Павлу незнакомый. В спортивном азарте он поднялся так же высоко, как Павел. Но по своей неопытности выбрал такие уступы, что не мог уже ни спуститься, ни подняться выше. Павел увидел, что между ними есть крохотная площадка, на которой рос чахлый кустик. Кое-как закрепившись ногами, Павел хватается одной рукой за куст, а второй, буквально на весу, перетаскивает парня к себе. Спускались они вдвоем...»

Кажется, он даже и не понимал, что такое растерянность; он всегда был собран, готов найти решение, прийти на помощь...

1 февраля

Сегодня был подъем флага нашей экспедиции. Короткевич* сказал маленькую речь. Постреляли из ракетниц, и зимовка началась.

Научные изыскания в Антарктиде, проведенные по программе МГГ (он длился с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года), требовали продолжения. Обширные, разносторонние знания о загадочном, экзотическом, безмолвном континенте понадобились человечеству для решения многих принципиальных научных проблем, для исследования геофизических и географических процессов планетарного масштаба.

С 1956 года, с момента основания станции Мирный, советские комплексные антарктические экспедиции стали регулярными. Через год после создания станции Восток в районе

* Начальник 5-й КАЭ Е. С. Короткевич, заместитель директора ААНИИ.

Южного геомагнитного полюса советские ученые проникли к самому сердцу Антарктиды — Полюсу недоступности. С той поры «Полюс недоступности, — как отмечает А. Ф. Трешников, — раз он стал доступен, стали называть Полюсом относительной недоступности». В последующие годы (а сейчас в Антарктиде работает уже 18-я САЭ) были изучены горные районы Земли Королевы Мод, Земля Эндерби, Антарктический полуостров и еще десятки объектов и маршрутов; проведены разнообразнейшие научные эксперименты, накоплен богатейший материал...

Павлу Кутузову пришлось заниматься здесь и наукой (в экспедицию он был зачислен младшим научным сотрудником по космическим лучам, работал и над изучением теплового баланса Антарктиды), и вещами прозаическими, далекими от науки; современное изучение Антарктиды — поиск коллективный, и конечный успех зависит от того, насколько отдаст себя каждый этой работе...

8 февраля

Уже около недели занимаюсь своими (не авральными!) делами. У меня их выше головы.

Эти дни тратил на термоградиентную установку. Визит-эффект навыворот: стоило уехать тому, кто ее делал, как она перестала работать: ЭПП-09* барахлит, да еще в кабеле разрыв общего провода. А он длиной в 150 метров, да на полтора метра под снегом и льдом. Вот и выкручивайся! Лазаю в шурф, как археолог. Выматываю изо льда провода, проверяю схему, пытаюсь наладить свой неверный потенциометр. А дни идут! Пора начинать работать на скважинах, готовиться к зимним работам на шельфе.

Завтра лечу на Дригальского. Кроме меня, еще не-

* Электронный потенциометр, саморегистрирующий прибор для записи всех составляющих радиационного баланса, силы ветра, температуры и т. д.

сколько «метео» *. Выдали антарктическую экипировку, и все мы сейчас, как нечищенные сапоги, скрипим кожей.

Я поставил над изголовьем лампу дневного света (пока она единственная в Мирном), и мой начальник (он живет в соседней комнате) завистливо косится каждый раз, проходя мимо. Что поделаешь, наша жизнь не так уж богата событиями, чтобы умолчать о таких мелочах.

13 февраля

Уже лег спать и потушил свет, но вспомнил, что давно не брался за записи...

Некоторые, например мой шеф, ведут ежедневные многостраничные записи. А я не могу! Терпения не хватает! Да разве отразишь все и смешное и печальное, серьезное и мелковесное, наши «конвульсии» и нашу работу...

А все же что нового? Баня. Первая мирянская баня! Баня с парилкой, холодной, как предбанник, и предбанником, горячим, как парилка. С потерянными по дороге и возвращенными сердобольными летчиками свитером, с водой, не смывающей мыла.

Наконец-то привел в относительный порядок лабораторию. Вымел оттуда колоссальное количество предметов, в том числе вещи, абсолютно непригодные в Мирном.

Скоро полетим работать на Западный шельф **. По

* Метеорологов.

** Западный шельфовый ледник.

этой причине вчера готовили с Гилбертом сорокаметровые капроновые веревки, выслушивая побасенки шефа.

Сегодня годовщина Мирного: ровно четыре года назад он был основан. И сегодня же прилетел первый самолет с Лазарева, привез 18 человек, в основном транспортников и авиаторов. Наших нет. А жаль, соскучился я по Вовке *. И, как мне передали, он тоже часто вспоминает меня. Скорее бы прилетели, черти, жизнь куда бы веселее пошла.

Меня постигло несчастье: свет моей жизни — моя лампа дневного света испортилась, и шеф, проходя мимо, бросает теперь злорадные взгляды.

14 февраля

Воскресенье, вечер. И сейчас по радио передают вторую передачу для нашей экспедиции. Очередь лазаревцев, геофизиков и авиаотряда. Как-то странно слушать — обращаются по радио к Димам, Женям, Валям, Сашам. А здесь эти Димы, Вали, Саши ходят с бородами.

Все (почти) передачи на одно лицо: «Здравствуй, милый!.. Очень рад (рада) возможности поговорить по радио. У нас дома все хорошо. Привет от...» Было лишь несколько живых, непосредственных выступлений, очень любящих и не стесняющихся этого. И как-то не стыдно их слушать, они покоряют своим чувством. Пытаюсь представить этих женщин по их голосам. Почему-то все красивые.

В доме я один: почти весь отряд улетел на Западный

* Мансаков. Павел подружился с ним во время рейса на «Оби».

шельф для гравиметрических, магнитных и снегомерных измерений. Я полечу туда с сейсмиками. Это будет после.

17 февраля

Ну вот жизнь выдала мне одну короткую очередь, и дни, как пули, улетели в прошлое. За эти дни наладил ЭПП-09. Работает, хотя я и до сих пор не уверен в правильности залезания кривых в отрицательную область. Переделал кое-что в схеме градиентной установки и прочие мелочи.

Пока почти каждый день по телеграмме. Эдька и Инна женятся 5 марта. Да, вот и нашел Эдуард Константинович свою тихую пристань. И все-таки грустовато, когда друзья-приятели покидают свое естественное состояние. Одно утешение — все там будем. Но главное — не хочется серости в жизни, ибо, как сказал один отрицательный герой в кино: «Жизнь дается только один раз, и прожить ее надо красиво».

Начал было писать об этих нескольких днях и забыл упомянуть, что почти все эти дни была пурга. Зима все упорнее стучится, хоть по нашему формальному календарю здесь еще и не осень. Вчера, улучив часок из этой погоды, прилетели ребята с Западного шельфа. Им удалось проработать всего три часа. Остальные дни из-за метели отсиживались в вертолете и палатке.

20 февраля

Вчера отдежурил на камбузе. Можно сказать одно: это самая неприятная работа, которую я делал за по-

следние годы. Завтра, вероятно, лечу на Западный шельф. Буду производить магнитные измерения.

Сегодня занимался теплофизикой. А вечером, как обычно, фильм. «Настасья Филипповна». Хотя второй раз вижу, но впечатление глубочайшее. Глубочайшее! Как освещают все вокруг себя истинно талантливые люди! И какое не сравнимое ни с чем впечатление они оставляют! И здесь мы видели, говоря по смыслу, не фильм, а жизнь, пусть не нашего времени, и людей не нашего круга. Но это жизнь, с ее логикой и непоследовательностью, со страстным накалом и с ее безобразиями, жизнь «достоевская» по духу.

22 февраля

Черт, какое-то странное настроение: чего-то хочется, но не знаешь чего...

Ну до чего красива Антарктика! Ветер разломал и отнес припай. Лишь у самого Мирного остался кусок, в несколько тысяч квадратных метров, подпертый Хасуэллом и другими островами. Весь этот лед и оторванные от побережья айсберги вытянулись непрерывной зубчатой стеной, отгораживая наш заливчик от океана. Итак, мы в ледяном плену, хотя и не замечаем этого (все равно плен годичный).

Над океаном ходят облака, видимо, самые обычные, но отражение воды придает им мрачный грозовой цвет. Впечатление такое, что в нескольких километрах от нас совсем другой мир, полный бурь и смерчей. А заходящее за купол солнце освещает нежным розовым цветом вершины айсбергов.

А кругом такое стомильное раздолье, такая тишь и такая дикость, что щемит сердце. А ночью! Северная,

полная луна заливает все это неярким голубоватым блеском. Поистине сказочный, прекрасный мир, и забываешь о всех его коварствах и ловушках... *

Может быть, это начало, но в Мирном я чувствую себя очень уютно.

Сегодня дошла очередь снимать врачам и с меня кардио- и прочие граммы. В заключение померили мои общие данные.

Итак, рост 189 сантиметров (с каким-то гаком), вес 85,5 килограмма, жим левой кисти 70 килограммов, жим правой 65 килограммов (странно, ведь я не левша и раньше правой выжимал за 70), жим корпуса 227 килограммов. Посмотрим, что будет к концу зимовки.

23 февраля

День Советской Армии. Для нас это большой праздник, и не только потому, что многие из нас воевали. Здесь, в этой обстановке, во многом напоминающей ар-

* Советский ученый В. Л. Лебедев, большой знаток Антарктиды, неоднократно участвовавший в антарктических экспедициях, приводит любопытное наблюдение: «Большое влияние оказывает на человека красота и в любом случае величие южнополярной природы. Эта природа во многом так необычна, что создает у попавших в Антарктиду ощущение бытия как бы за пределами Земли. Одна из главных особенностей Антарктиды — ее краски. Обычно это все переходы синих тонов от белого до черного, и почти ничего, кроме этого. Резкая ограниченность цветов создает со временем своеобразный цветовой голод, когда человек, вернувшись из Антарктиды, еще долгое время воспринимает цвета с обостренным чувством. «Вкус» красок меняется, как меняется вкус воды для того, кто однажды испытал сильную жажду. Это может привести к тому, что после зимовки возникнет или обострится интерес к живописи.

Жители Антарктиды лишены не только многих привычных красок, но и запахов. Запахи земли и растений неизвестны здесь. Особый звуковой фон Антарктиды — глубокая тишина или шум метели...»

мейскую, мы встречаем его ярче, теплее и торжественней, чем обычно это делается дома.

День рабочий, как и всегда.

Пусть, когда я буду перечитывать эти строки, ко мне придет это чувство «себя на месте», когда все, начиная от поваров и кончая начальством, — твои друзья.

Итак, день рабочий, как и все. Но вечером праздничный стол, удовлетворивший бы любую высокую персону. Наш стол (12 человек) самый веселый и интернациональный. Русские, американец, немцы. Пьем за Freundschaft, Friendship *, Peace, Frieden **, фотографируемся for memoгу ***.

Затем кино. Конечно, «Чапаев».

А вот страничка из другого дневника — но о таком же празднике, за похожим столом и почти с теми же людьми.

Ю х а н С м у у л, «Ледовая книга»:

«23 февраля 1958 года. День закончился замечательно. В музыкальном салоне выступил с концертом организованный в Мирном художественно-самодеятельный ансамбль 2-й экспедиции, именуемый «Сосулькой». Руководитель ансамбля — Оскар Кричак, человек талантливый и разносторонний.

Ансамбль выступил с композицией из песен о Советской Армии времен гражданской и Великой Отечественной войн. Знакомые напевы, ставшие нам такими близкими и родными в годы войны, напевы, которые проживут еще долго. Они напоминают о многом и воскрешают в душе неповторимые настроения военных лет. В них и гарь разрушенных городов, и вой пикирующих бомбардировщиков, и отчаянная усталость бойца, и снежинки на шинели товарища, марширующего впереди, и многое другое.

«Где же вы теперь, друзья-однополчане?» Они здесь...

Главный повар 2-й экспедиции Загорский, юноша с со-

* Дружба (нем., англ.).

** Мир (англ., нем.).

*** На память (англ.).

лидной фигурой и хорошим голосом, исполняет «Антарктический вальс» — музыка Кричака, слова Анатолия Введенского. Это песня о снеге, кружащемся над скалами Мирного, о морозах, о тоске по дому, о дружбе, о белых айсбергах и о горящих в полярной ночи огнях на Берегу Правды. «Антарктический вальс» и «Белый айсберг» Кричака — талантливые вещи, и во время выступления Загорского в музыкальном салоне царит уважительная тишина. Те, кто зимовал в Антарктике или хотя бы пробыл там столь же недолго, как я, увезут с собой оттуда, кроме знаний, опыта и воспоминаний, еще и песни Оскара Григорьевича Кричака. И если им случится встретиться в Таллине, Ленинграде или Москве, то в первую очередь они, вероятно, вспомнят не гипотезу Кричака о движении циклонов в Антарктиде, а его «Антарктический вальс»...

25 февраля

Сегодня впервые выиграл in chess * у Дергача. Три партии подряд. «И он с позором бежал!» Очевидно, завтра я ему проиграю, но это будут уже не те проигрыши.

Вечером американский фильм «Нападение у дальней реки». Экзотические индейцы, весьма свирепые и кровожадные, прекрасная белая мисс, благородные смелые американцы. А в общем, все примитивно, как прямая линия. Хороши лишь краски да техника съемки.

Поезд на Комсомольскую (грузовой) не ушел сегодня, как указано ему в приказе. Помешали недоделки (как обычно бывает) и погода (как тоже обычно бывает). Уйдет, вероятно, завтра.

* В шахматы (англ.).

А погодка-то набирает силу. Ветерок свистит в проводах, гудит в каких-то трубах и несет снег, снег и снег.

Сегодня утром проснулся от холода: несмотря на то, что терморегулятор поставлен на 19 градусов (конечно, плюс), в комнате зело прохладно: из вентиляционной трубы ветром нанесло снегу.

27 (28?) февраля

Опять родственники! И слушать их невесело, и радио выключать жаль. Жаль потому, что это РОДИНА! И русский снег (а не фирн!) на берегах, и концерты в Филармонии, и милые девушки, и еле еще заметный запах весны... А невесело — как-то не разумом, а чем-то другим понимаешь (а может, чувствуешь?), что хорошо бы, если бы по радио раздался к тебе голос *not only your friends, but your wife, your sons...* *

Смешно? Несмешно. Ведь здесь как на фронте.

Вот была передача для Федюхина. А он сейчас на Комсомольской. Вчера завезли, ему стало плохо. Сейчас все хуже и хуже. Будут вывозить. А если нет погоды? Погибнет! А в передаче для него выступали жена, дети, друг.

Сегодня ходил мой шеф к Короткевичу: просил за меня, чтобы послали на Комсомольскую. У меня там перед консервацией станции есть работа. Отказали. Перегружены самолеты. Но постараюсь добиться. Завтра пойду сам к Короткевичу.

Полезное за эти дни сделал только то, что проявил

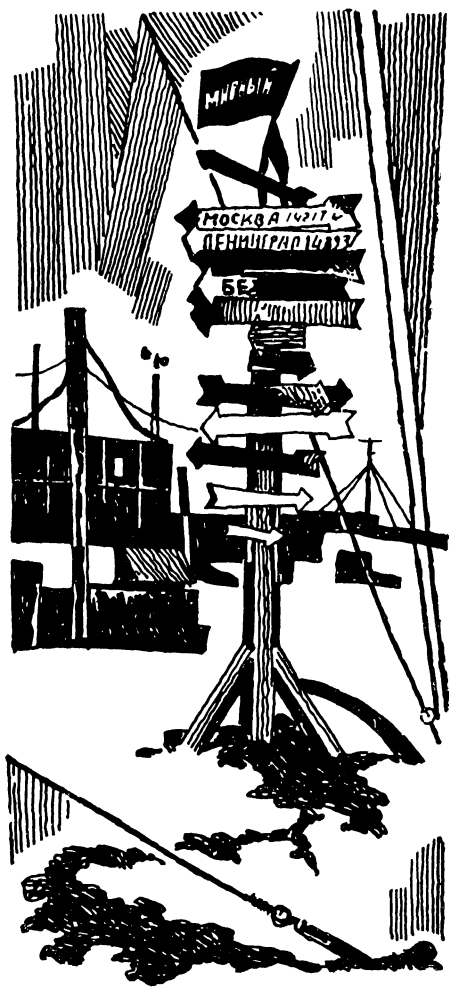
* Не только твоих друзей, но твоей жены, твоих сыновей (англ.).

пленки. Их оказалось шесть штук (думал, больше). Качество терпимое.

Ну вот и подошла к концу первая часть моего приключения, а с ней и моих записей. До новых встреч в новой тетради!

**ТЕТРАДЬ
ВТОРАЯ**

1960 год,
2 марта

Первую запись, как и в прошлом дневнике, начинаю лежа. Наиболее удобное положение для философствования и внутренних созерцаний.

Итак, на земном шаре бежит март. Для всех путных людей это радостный месяц, начало весны, первый запах талого снега и вообще пора разных приятных ожиданий. У нас же который день не прекращается пурга. В марте она зачем-то освиrepела. Единственное спасение в том, что низовая. Дует сильный двадцатиметровый ветер, по поверхности снега лихо мчат белые змеи, а небо и окрестности чисты.

Вчера, возвращаясь из кино, видел первое северное (вернее, полярное) сияние. А Борис Мойсеев его проспал. А может, был под впечатлением кино. Фильм американский, «Горилла на свободе». Как выразился один из летчиков, подобные фильмы иногда необходимо посмотреть, дабы пощекотать нервы и взбодриться. Всем без исключения понравились женские фигуры. По этому вопросу разногласий не было.

В последние дни наряду с составлением месячной сводной таблицы по измерениям (весьма гнусная штука) усиленно занимаюсь у метеорологов пинг-понгом. Они прорыли бульдозером траншею, накрыли ее щитами и получили вполне терпимый спортзал.

7 марта

Завтра день всех женщин. А чем мы его встречаем? Вот шеф красит суриком бочку, что стоит на кухне (дав-

но пора, заросла ржавчиной от четырех экспедиций). И будет завтра стоять на кухне огненно-красная бочка. Поздравляем вас, женщины!

Последние двое суток я сидел над термокосой * для Востока. Завтра утром на Восток улетает последний до весны самолет. Надо было успеть, и вот успел, хоть вчера ночью почти не спал, а сегодня даже ужинать не смог пойти.

Но зато коса и мое письмо начальнику Востока Васе Сидорову пойдет завтра.

Вот уже третий день (а может, четвертый) пурга. Порывы ветра доходят до 30 м/сек. Это днем. А ночью, когда на пургу накладывается еще стоковый ветер, одному богу да метеорологам известно...

8 марта

Сегодня ничем путным не занимался: отсыпался от проклятой косы да вел беседы о метелемере.

День женщин — праздничный день. И хоть ни одной женщины на всем нашем обширном континенте нет, мы его празднуем. За столом вспоминают жен, сестер, дочерей. Пьют за них. Пью и я. Вообще, праздничные вечера у нас удаются. Компания за каждым столом собирается стихийно, и каждый праздник новая. После — опять же стихийная «Сосулька», песни, пляски. И обязательно кино.

Сегодня в честь женщин показали «Сельскую учительницу». Мое мнение: этот фильм можно показывать только раз в год и именно в этот день. Приговор

* Специальные термометры сопротивления для измерения температуры в скважинах на различных горизонтах, до глубины 50 метров и более.

фильму был единодушным. Развеселил всех эпизод, когда в одной из последних частей фильма оказался вклеен на несколько секунд кусок пленки из другого, детективного фильма (кажется, «Застава в горах»).

А пурга-то стихла! Небо чистое, все в звездах. Но как-то совсем в нем не ориентируешься, нет знакомых созвездий. Высоко, почти над головой, Южный Крест, на севере — Сириус. А все-таки здорово красивое небо, хоть беднее северного. Но ни с чем не сравнить здешние закаты. Это такая непередаваемая красота, что дух останавливается.

Попытаюсь истратить на закаты одну цветную пленку. Может, хоть один кадр будет успешным.

А сейчас, несмотря на ночь, в честь женщин поет Лолита Торрес. Она у нас в большом почете, и ее считают почти совершенством. Я присоединяюсь. Эх женщины! Насколько спокойнее (и скучнее) шла бы без вас жизнь!

Сегодня узнал, что многие наши шлют домой то грозные, то жалостливые телеграммы. А некоторые вообще не уверены, что перенесут зимовку. Эхма, и ведь это только начало, еще впереди ночь! Год! «На этом радиозел свою работу заканчивает». Пора и мне.

9 марта

Сейчас еще утро, начало десятого, но хочется написать чуть-чуть о впечатлениях. Все, что я писал раньше о метелях, — лепет. Сегодня утром по радио объявили: «Ветер — 35 м/сек, мороз — 23 градуса». Это нас бы не удивило. Но когда я вышел на свою крышу, дабы идти в кают-компанию, задумался о целесообразности этого предприятия. До нее менее 25 метров. Молоко. Ревущее,

режущее молоко. Ни дороги, ни каких-либо ориентиров не видно.

Дуглас Моусон:

«Этот несущийся снег настолько непроницаем, что дневной свет тускло проходит сквозь него, хотя, может быть, на безоблачном небе даже светит солнце. Снег завывает, несется со скоростью сотни миль в час при температуре ниже минус 17 градусов по Цельсию. Таков сухой голый фактический материал, дающий некоторое понятие о том, что такое ужасная пурга. Но испытать ее в действительности совершенно другое дело...»

Идешь вслепую, совершенно наугад, лишь в надежде, что правильно держишь основное направление. Спасаясь только тем, что ветер дует в бок. После завтрака ходил на рацию, обратно против ветра 150 метров шел десять минут.

Завтра, очевидно, вылетаю на Западный шельф. Буду делать магнитные измерения.

11 марта

Ну вот и опять Мирный. Сегодня была здесь хорошая погода. Собирались лететь на шельф. Я с Гилбертом должен был лететь на вертолете, так как по пути на шельф предполагалось сделать четыре посадки: янки с гравиметрическими, я — с магнитометрическими измерениями. Около 11.30 загрузились в вертолет. Полетели. Лететь до шельфа четыре часа. Так долго трястись в вертолете не очень приятное занятие. Сначала даже начало было укачивать, но я вовремя вздремнул, и все прошло. Потом стал читать Джерома. Через три часа полета второй пилот сказал, что шельф закрыт туманом, поверхности снега не видно, и мы будем возвращаться назад в Мирный.

Повернули. Горючего до Мирного не хватило. Сели на лед километрах в двухстах от Мирного, у горы Гаусс *.

Горючего на час полета. Решили лететь, пока хватит горючего.

Летели минут сорок и сели с десятиминутным запасом горючего. Даем рдо о присылке нам самолета с горючим.

Нас не слышат, мы за ледяной горой. Решили потратить остаток горючего, подняться в воздух для лучшей слышимости и дать рдо опять. Нас услышали и сообщили, что к нам высылают ЛИ-2.

Мы с Гилбертом пока начали измерения. Все ж посадка, хоть и не там, где надо, но не пропадать же ей! На воле всего — 15 градусов, но ветерок — 15—17 м/сек, а посему прихватывает. Надо было бы вылететь в штормовках!

Прилетел ЛИ-2, подрулил. Выкатили бочку горючего. Мы с Гилбертом пересели в ЛИ-2 и благополучно прилетели в Мирный. Нас встречали. Слух о нашей вынужденной распротранился по Мирному.

Остаток дня прошел бессмысленно: фотографировали айсберг (огромный красавец откололся в 300 метрах от Мирного, плавает туда-сюда) и фотографировались сами. Вечером возобновился (прекращенный с «Оби») выпуск радиогазеты. Кое-что интересное. В частности, телеграмма от нашей 5-й КАЭ в ВОКС с просьбой принять в новорожденное Общество советско-австралийской дружбы. Есть и смешное. Школьники какой-то акмолинской школы поздравляют с Восьмым марта и желают всего хорошего.

* Неподалеку отсюда в 1902 году попала в ледовый плен экспедиция Э. Дригальского на судне «Гаусс». Во время зимовки участники открыли конус потухшего вулкана.

Уже было лег спать, но, подняв глаза к потолку и увидев в который раз свою бездействующую лампу дневного света, решил заняться ею. И вот итог: лампа сияет белым светом, а шеф уже ходит вокруг и обливается.

13 марта

Ушла погода, каждый день метет все сильнее и сильнее, а температура медленно, но неумолимо спускается все ниже. Когда на улице метель, жизнь в поселке замирает. Но это только внешне. Она спускается ниже под снег. Продолжаются все программные измерения науки; «обозники» чинят в гараже и мастерской свои машины; «летуны» консервируют на зиму свою технику. Тяжелее всех приходится метеоотряду: каждый день независимо от погоды делать четыре срока наблюдений, выпускать два радиозонда. Выпуск радиозонда — сложное и очень ответственное дело (необходимо провести долгую операцию разогрева и испытание оболочки, гнать водород, рискуя сжечь лицо, смонтировать и опробовать передатчик вместе с датчиками температуры, давления, влажности, скорости ветра и т. д.). И потому бывает очень обидно, когда, не успев подняться, гонимый сильнейшим ветром, зонд разбивается о поверхность. А в прошлую выюгу так было шесть раз. Лишь на седьмой зонду удалось подняться.

15 марта

Что можно написать об этих днях? Дует, дует и дует! С утра 30—35 м/сек, а к обеду — до 20, к вечеру сти-

хает до 10—12 м/сек, а с вечера все по новой. На фронте науки тоже без перемен.

Занимаюсь английским (чему способствуют американские фильмы) и ЭПП-09.

Экипаж Барабанова уже четыре дня как в Лазареве. Скоро привезет остальных наших ребят и главное — Вовку Максакова. С ним жизнь пойдет веселее. Вчера и сегодня вечером опять были радиородственники. Моих пока не было.

18 марта

Начали с шефом большую стройку: создаем новый тамбур. Подготовка велась изподволь. Добывали откуда могли доски, бревна, гвозди. Каркас сделали за полдня.

19 марта

Строительство в полном разгаре. Тамбур получается на славу. Правда, немного косоват, но прочен. Кажется, весь Мирный побывал на нашей крыше. Еще бы! Ведь ни одна «индивидуальная берлога» не имеет такого тамбура. Он есть только над нашей кают-компанией, а это не в счет*.

* «Снег в то лето 1956/57 года в районе поселка почти полностью растаял, — вспоминает А. Ф. Трешников. — Но с каждым годом снегу в Мирном после летнего таяния оставалось все больше и больше. Дома занесло, и теперь в них можно попасть лишь через специальные лазы над крышей... И вот когда я приехал в Мирный через одиннадцать лет, 11 декабря 1967 года, я ходил по поселку с несколько подавленным чувством. Особенно в первые дни мне было как-то не по себе. Для нынешних обитателей Мирного это нормаль-

Делаю ЭПП-09 (который уж!) для установки на фотосопротивлениях. Ребята уже в Моусоне. Возможно, завтра придут.

20 марта

Еще не прилетели! Погода не позволяет.

Замучили потенциометры: днем чинил свой в «метеоподполье», вечерами и ночами сижу над другим. К чертям! Приборы делают для облегчения труда, а не наоборот!

Сегодня банный день.

Ясно, солнечно. Во всех домах откинута крышка люков, и время от времени то в одном, то в другом появляется голова и озирается, блаженно шурясь. Но только в хорошую погоду! Не дай бог оказаться над люком в сильный ветер. Люди, не задумываясь, ныряют вниз. Я уже несколько раз испытывал головой прочность люка и пришел к выводу, что в его фанеру вложен, наверное, стальной лист. Короче, подобный эксперимент — один из самых веских доводов в пользу нашего нового тамбура.

ный поселок под снегом. Другим Мирный они не знали. А я видел его, когда здесь пролежала улица и окна домов смотрели на север... А сейчас только ящики входных люков в подснежное жилье обозначают бывшую улицу. Через весь поселок от электростанции до передающего радицентра на сопке Радио на столбах проложена эстакада с проводами. За 11 лет появилось на свет уже два «поколения» столбов. Первые столбы высотой шесть метров погребены под снегом. И новые столбы уже полузанесены. Кают-компания тоже глубоко под снегом. Над входом в это здание построен двухэтажный тамбур, и нужно спускаться по трем маршам лестницы, чтобы попасть в него...»

Вчера поздно вечером прилетели хлопцы из Лазарева. Перелет был трудный, особенно от Моусона. Самолет был перегружен, долго взлетал на неудобном аэродроме. По пути попали в обледенение.

В Мирном сразу стало теснее, ведь прибавилось 18 шумливых хлопцев. В моей комнате теперь стоят три кровати. Кроме меня, Миша Сериков и Борис Захарьев.

В честь славного события экспедиционное начальство устроило банкет с коньяком и шампанским. А после него началась самодеятельность. Лег спать поздно ночью. А сегодня утром (впрочем, было начало десятого) меня будит И. и спрашивает, готов ли я тотчас же вылететь на остров Дригальского. Туда идет ЛИ-2 с метеорологами. Спросонья и от вчерашних тостов голова нечетко работает, но отвечаю: «Готов!» На сборы — 15 минут.

На Дригальском мне нужно провести измерения в 44-метровой скважине, метеоотряду — отрыть и демонтировать блок питания автоматической метеостанции.

Пришлось пробить двухметровый шурф, прежде чем добрался до скважины. Сделав свои измерения, отправился помогать ребятам. Летчики улетели, пообещав вернуться за нами к 17 часам. Пробили трех (с гаком!) -метровый шурф и от него тоннель длиной в несколько метров, прежде чем нашли проклятый блок.

А потом возились с его демонтажем.

Самолет прилетел с двухчасовым опозданием, когда мы и ждать его перестали (стало темно). Загрузились. Разбег. Не взлетели: слишком большая тяжесть. Команда: «Разгрузить самолет!» И вот с таким трудом загруженное оборудование сбрасываем обратно. Вылили

в снег часть горючего. После длинного разбега взлетели и благополучно сели в Мирном.

30 марта

Сегодня было первое комсомольское собрание (впервые за все антарктические экспедиции). Собралось восемь человек. После бурных дебатов и самоотводов (не отошли от традиций) выбрали Андрюшу Шарапова. Написали план работы. Он включает: изучение мотодела (заодно соберем для экспедиции вездеход «Чайка»), альпинизм, концерт по заявкам, организацию вечерней школы для желающих, кружка английского языка.

После ужина будет собрание по технике безопасности для улетающих на Западный шельф. После мучительных сборов и оттяжек завтра, кажется, улетаем (впрочем, пишу это уже не в первый раз). Будем делать сейсмику, теплофизику, гляциологию. Летит почти весь отряд. Восемь человек. Да еще экипаж ЛИ-2. Предполагается сделать 20 точек. Если будет хорошая погода, то работы на полмесяца, плохая — и на весь месяц.

А радиোগраммы все нету!

1 апреля

Вот и прошел День синоптика, а мы все еще в Мирном. Позавчера самолет увез наш груз на шельф. Когда он вернулся, было уже темно, и вылет отложили. Но прошел день, другой, а мы все сидим — погода!

Эти дни, проведенные в ожидании, какие-то пустые. Сегодня (кажется, впервые) прочел в русском издании

книгу Триоле «Незванные гости». Немного разбросанно, но талантливо написанная вещь. Задевает что-то внутри. И эта «Гренада». Здесь, в Антарктиде, книги, фильмы воспринимаешь обостренно, замечая в знакомых вещах не замеченные ранее подробности. Поэтому реакция более острая и стойкая.

А настроение невеселое. Хандра объясняется очень просто: вот уж три недели нет никаких радиogramм.

Впоследствии, когда эти строки случилось прочитать друзьям Павла (а именно они разыскивали его антарктические дневники, перепечатали их на машинке, в пяти экземплярах), им пришлось испытать запоздалое чувство стыда и раскаяния от этой вот коротенькой фразы: «Три недели нет никаких радиogramм». Эдик Степанов (Эдуард Константинович) рассказывал: «Нам, наверное, и в голову не приходило, что могут значить там для него десять-двадцать дружеских слов, связывающих с Большой землей, с теми, кто остался здесь, с тем, что осталось здесь. Павел всегда заботился о друзьях, о близких, а мы, видно, и не подумали, что ему тоже может недоставать нас...»

Там, вдалеке, все воспринималось острее...

Но подумаем и о другом: как изменилась, как приблизилась к нам Антарктида за последние годы!

Хотя нет, неточно: Антарктида осталась неизменной и вечной, неизменны ее суровые, жестокие законы, неизменной осталась сущность человеческой деятельности на этом далеком материке.

Более прочными, более живыми стали связи, соединяющие зимовщиков с Родиной.

Но если то, что кажется простым, возможным, не реализовано, оно оборачивается дополнительным нравственным испытанием. Правда, ветераны антарктических зимовок отмечают, что регулярные радиотелефонные контакты между зимовщиками и их близкими вырывают человека из состояния изолированности, уже ставшего привычным, нарушают его душевное равновесие.

И все же...

Перенесемся в начало века. Первая научная зимовка в Антарктиде, 1900 год. Норвежский полярный исследователь Карстен Эгеберг Борхгревинк, первый человек, ступивший на

землю Антарктиды, провел здесь суровый, полный лишений год. Наконец вернулся корабль.

«Капитан Иенсен стоял перед нами, бодрый и здоровый, имея при себе почту из Европы.

Все это было высыпано на стол. Перед нами предстали письма и газеты, полные новостей из внешнего мира...

Восстанавливать ход событий в их последовательности было невозможно. Сперва мы узнавали о том, что случилось в последнюю очередь: читая сначала о результатах, а после о том, что их породило.

Как много изменилось за год! Как быстро текут события! Человеку нужно быть отрезанным от культурного мира на некоторое время, лишь тогда он сможет обнаружить головокружительный бег истории.

Пока каждый из нас в своем узком кругу созерцает ежедневные события, кажется, что все они имеют огромное значение. Но при этом от нас ускользает самое важное — основная тенденция, та конечная цель, к которой стремится и которую подготавливает множество мелких событий. Крупные вехи истории нам часто становятся понятными лишь многие годы спустя. И когда промежуточные звенья исчезают из памяти, нам кажется, что произошел скачок от того, что было, к тому, что стало.

Именно так получилось и с нами.

Мы оказались в мире, куда не доходили сведения о ежедневном ходе событий. Окружавшие нас скалы, ледники, проявления южнополярной жизни несли на себе следы огромных изменений, происшедших на протяжении времен. Но каждая ступень измерялась здесь тысячелетиями.

Это различие в темпах развития в старом мире и в том новом мире, где мы находились, необычайно резко бросилось мне в глаза, когда 28 февраля 1900 года по нашему летоисчислению мы разбирали почту, впервые поступившую на Южнополярный континент.

События, казавшиеся многим обитателям земного шара грандиозными и захватывающими историческими поворотами, — что они значили в сравнении с тем, о чем повествовал великий Южнополярный континент? С тем, о чем гласили вершины этих гор, ледники, фауна морская, воздушная и наземная, с итогами геологических эпох, рядом с которыми бытие человека кажется не длиннее, чем жизнь мухи-поденки.

Что имеет в этом мире ценность для человека, если ре-

зультаты его труда, его жажда познаний переходят по наследству к новому поколению поденок!

Что же имеет ценность?

Работа!

Вселенная меняется непрерывно, и непрерывно расширяется поле для работы. Каждое открытие — это ворота в новую область исследований, это стимул для дальнейшей деятельности человека...»

Только что объявили, что Москва «не проходит», поэтому даже «Последних известий» не удастся послушать.

10 апреля

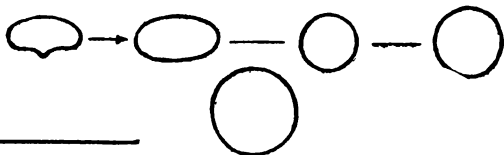
После долгого перерыва опишу сегодняшний день. Да, возможны «опечатки». Пишу наугад, не видя букв.

С утра улетели на Западный шельф. Погода чудесная.

Сделали двухметровый шурф, а в нем скважину, замерили все, что надо.

В КАПШ-1 * горят камелек и свечка. В общем, уютно и довольно тепло. Ребята (в нашей палатке семеро) залезают в спальные мешки, сейчас последую и я.

А за матерчатой стеной ночь! Ну и ночь! Может, такая бывает раз в три года, а может, и еще реже. Тишина, безветрие, безморозье, и лунища, такая огромная, желтая, освещает всю тысячеверстную Антарктиду. Росла луна так:

* Карнасная арктическая палатка Шапошникова.

Теперь нормальная.

Завтра постараюсь описать все прошедшие между этими записями дни. Было довольно интересно.

12 апреля

Ко всему привыкает человек. Привыкаем и мы к нашей жизни. Хоть отсюда Мирный кажется по меньшей мере столицей.

Распорядок дня таков: подъем в семь, кофе (или чай, зависит от склонности дежурного). В девять вылетаем. Вчера и сегодня сделали по две точки. Этого вполне достаточно, чтобы по возвращении мечта всей жизни сводилась к спальному мешку. Кстати, о нем. Надо послать в соответствующее министерство запрос, почему шьются мешки одинакового размера (конечно, мешок для меня мал). Тем не менее в первую ночь чувствовал себя гусем в котле, поставленном на огонь, что касается второй ночи, то есть сегодняшней, то чувствовал себя уже замороженным гусем, ибо с вечера, наслушавшись советов, решил обойтись без вкладыша, а ночью температура в палатке понизилась до минус 32 градусов. Пришлось ночью выдергивать из-под голов соседей штаны и КАЭшки *. (Мишка до сих пор издевается.)

Погода испортилась, обкладывает со всех сторон. Из Мирного сообщают: вчера у них пурга и ветер — 21 м/сек, сегодня — пурга и за 30 м/сек. Очень приятно было в этой дикой обстановке получить от Люды радиограмму.

* КАЭ здесь: специальные антарктические костюмы советских полярников.

13 апреля

Видит аллах, несчастливое число!

Еще ночью мы поняли, что природа от угроз перешла к действию. Палатка загудела постепенно, с низких нот до более высоких, порой переходя в свист. Все это нехитрое сооружение по прозванию КАПШ-1 дрожит и вибрирует, пугая падением. Но все-таки она, видимо, устойчива. Утром спим сколько влезет: и без объявления ясно, что погода нелетная. Проснувшись, каждый молчит, думая, что соседи спят. В это время в окошко постучал шеф и сообщил, что видимость пять метров и выходить по одному запрещено.

Как только вышел, сразу же задохнулся. Нет воздуха, один только снег. Забило глаза, сразу же от снега намокло лицо. Ощущение такое, что сдирают кожу. Отдышался. На мгновение приоткрыл глаза. Видно не дальше чем на два метра. Значит, пурга еще больше усилилась. Пока дошел до соседей (15—18 м), устал. Снег забился комками во все щели костюма (а их не так много, все-таки КАЭ).

Когда вернулся назад, пришлось откапывать вход. Да и палатка потеряла весь уют, ибо все внутри в снегу. И это за полчаса!

В Мирном тишина. Но нам от этого не легче, самолет сюда не пошлешь. А надо бы! Мало продуктов, кончается топливо. А здесь осенью пурга дует не на один день.

22 апреля

Улетели с шельфа в первый же погожий день, поднабрать запасов. Прилетели — и застряли.

Через несколько дней разорвало пелену, решили лететь, Бориса и Мишу послали на машине Барабанова вместе с вещами, сами, как обычно, на машине Зотова. По пути сделали точку. Когда стали подходить к лагерю, обнаружилось, что совсем нет видимости. Пришлось вернуться. В лагере — оставленные предыдущей машиной в надежде на то, что мы заберем их, Миша и Боря. Думали слетать туда на следующий день, но, как это часто здесь бывает, задула пурга под 40 м/сек (кстати, перенесенная нами на Западном шельфе доходила до 45 м/сек). Итак, ребята за 350 километров от Мирного, без связи с нами и, как мы подозревали, без огня.

Пурга кончилась только два дня назад. Ребят привезли живыми и здоровыми.

Да, это еще один урок для нас: Антарктиде нельзя доверять даже на десять минут. Сегодня летал на шельф Шеклтона. Точнее, за него. Работать в поле становится трудно: мороз в 30 градусов и сильный ветер.

Скоро занятие. Должен прочесть по-английски доклад о моей профессии, приходится заниматься.

28 апреля

Вчера прошел мой доклад. Чувствовал себя чрезвычайно бледно, мигом позабыл все слова, и пришлось по ходу подбирать другие, зачастую помогая себе руками. Да и произношение было awful *. Ничего, впереди еще год. Хочется заняться настоящей наукой, и, в частности, ядерной физикой. Честное слово, соскучился.

Сегодня, точнее сейчас, выступают родственники. И мои должны... Не хотелось только, чтобы они начали

* Ужасное (англ.).

свой разговор с «очень рады за предоставленную возможность и т. д.». Эта фраза в Мирном повторялась уже миллион раз.

Бродили с шефом по припаю. Когда шли обратно, отморозил щеку, сейчас распухла и горит. С природой шутки плохи, с тридцатиградусным морозом тем паче, если он с сильным ветром. Дни заметно похудели. Когда в девять утра идешь на завтрак, солнца еще нет. В пять вечера уже темно. Все закономерно: наши земляки сейчас наслаждаются тем теплом и тем солнышком, которое ушло от нас...

Приготовились! Позывные Москвы!

Выступают наши подшефные: ученики 661-й московской школы. Ну и молодцы же ребятенки!

Выступили и мои. Молодцы, хоть и не обошлось без «предоставленной возможности». Чувствуется, что волнуется.

Вот и закончилась передача.

30 апреля

Вчера после радиородственников многие подходили, спрашивали об отце, Александре Васильевне. Особенно понравилось выступление Саньки. Интересовались школярами Александры Васильевны. Попытаюсь учинить им ответ.

Но это уже после праздников. А они у нас обещают быть интересными. Ведь в программе, кроме увеселений в помещениях, еще скалолазание на о. Хасуэлл, экспедиция в колонию «императоров», мирянская демонстрация. В общем, все то же, что и на Большой земле, но с «туземным» уклоном.

Вчера с вечера задуло, дует и сегодня, не стихая,

а усиливаясь. Будет дуть и завтра. Ветер 25—30 м/сек, градусы —23—25° С.

Сегодня — день измерений. Работал даже в маске, горнолыжных очках и штормовке (впервые надел), и все равно еле сделал дело.

Магнитная буря пресекла всякую связь из Мирного. Так что праздничные телеграммы для нас наверняка запоздают. Но сегодня выдали мне три пришедшие ранее рдо.

*Ночь
с 30 апреля
на 1 мая*

Только что закончилось кино. Документальный фильм «Огни Мирного». Многие сидевшие в зале видели себя на экране в составе 1-й и 2-й экспедиций. В частности, киномеханик, который крутит нам фильмы, показан за тем же занятием.

На улице творится черт знает что. Еще днем я не смог из-за этой проклятой пурги провести всех измерений.

1 мая

Веселый и шумный был день. Сейчас у меня болит горло и сорван голос, а ведь я орал меньше других. Здесь, если сам не развеселишься, никто этого за тебя не сделает. Вот почему люди шумят и делают глупостей куда больше, чем в нормальной обстановке.

В 12.30 был митинг у радиостанции. Необходимости в этом не было, но, очевидно, и у начальства были маль-

чишеские чувства насолить природе, собраться назло ветрам и морозам. Собрались, поговорили речи, кричали «ура!», фотографировались. Нам, то есть «низам», было еще терпимо, так как мы все выслушивали в движении и подставляли ветру спины, но наша «верхушка», стоявшая на трибуне, испытывала существенные неудобства из-за ветра, который дул прямо в лицо.

После праздничного обеда (как говорится в коммунике, «прошедшего в теплой, дружественной обстановке») пришлось взяться за проклятое измерение, больше тянуть было нельзя. Пока мерял, за мной вырос сугроб с многометровым шлейфом. Надо что-то придумывать, это не последняя пурга.

Вернувшись домой, обнаружил, что в наши две комнаты набилось ...двадцать гостей. Поют, танцуют. Присоединился. Потом праздничный ужин, шумное веселье, песни до хрипоты и кинофильмы. Первый — «Праздничный вечер», второй — «Разные ленты», составленный из заявок members of expedition *, с неизменными «райскими птичками» и Торрес.

Погода, кажется, утихает. Может, завтра улучшится. А прохождения радиоволн все еще нет.

2 мая

Погода сократила видимость до практического нуля, так что ни о каких экспедициях не может быть и речи. Ну да пингвины от нас не уйдут.

За спиной стонет магнитофон, вверху пурга, и только это да унты, разбросанные вперемежку с климатической одеждой, напоминают, что мы в Антарктиде.

* Членов экспедиции (англ.).

Да еще огромная, физически ощутимая тоска. Настроение смутное. Перечитал все письма, пришедшие с «Операцией». Стало чуть-чуть легче.

Да, начинаешь понимать, что самое трудное на зимовке — не бешеные ветры и лютые морозы, а вот эта, берущая за самые основания души тоска. Выдержать, выждать — это задача ближайших четырех месяцев.

Вовка Максаков ходит сияющий: в ответ на его полную мольбы и угроз телеграмму («если загуляешь и т. д.») жена прислала коротенькое рдо, подписанное «навсегда твой...». Вот тема для «негабаритной» философии, что лучше иметь во что верить и не очень в это верить, либо не иметь этого «что». И в том и в другом есть своя боль и своя радость (пусть даже несладкая).

3 мая

Сегодня у меня радостный день: получил три радиogramмы. Из Красноармейска, из Дубны и из Казани.

9 мая

Короткевич сообщил, что сегодня на гигантский айсберг высажена вторая выносная метеостанция. Но айсберг оказался не айсбергом, а островом, а посему в честь сегодняшнего дня был назван островом Победы!

14 мая

Все эти дни — непрерывная пурга.

Исполнилось шесть месяцев со дня отплытия. Веро-

ятно, 6-я антарктическая экспедиция начинает шевелиться. Уже известен ее начальник — Дриацкий. Говорят, хороший полярник, бывал на СП.

Как комендант дома я получил на всех обитателей пурговой запас: если мы не сможем пройти те 25 метров, которые нас отделяют от кают-компаний...

Но вот и закончилось ожидание — ожидание полета, ожидание настоящего дела, «настоящей Антарктиды».

Недельный перерыв в дневнике. Затем стремительные, рвущие бумагу строчки...

20 мая

Почти по Джерому: «Трое на одном острове, не считая собаки».

Собака — не Монморанси, просто Джек, но тоже, как и герой Джерома, имеет свою особенность: страстно не любит летчиков.

Трое — метеоролог Санька Смирнов, Гюнтер Скайб и я.

Остров — остров Дригальского.

С утра занимались хозяйством. Прибыли три самолета, полных груза. Пока разбирали, ставили палатку, стемнело. (Сейчас ведь уже в четыре темно.) Палатка установлена. Кто посмеет сказать, что она не самый уютный дом в мире? Внутри всего минус 28 градусов. Но ведь можно отапливаться керогазами. Зажжены. У нас по-прежнему минус 28. У головы, вероятно, все плюс 30 градусов. Наверняка, по нас бегут грандиозные термоградиентные токи.

Итак, сегодня открыта третья выносная (вне Мирного) станция. Ее условное название «Мир» (две другие — «Дружба» и «Победа»). В честь этого торжествен-

ного события был выпит спирт. Охмелели, ибо целый день голодны.

Уже десять вечера. Здесь это глубокая ночь. Играют сполохи.

21 мая

Встали с рассветом. Это отнюдь не свидетельствует о нашем трудолюбии, ибо теперь рассвет около одиннадцати. Гюнтер приготовил завтрак: «глазунью по-антарктически». Представляет собой обычную яичницу-глазунью, хорошо прожаренную, с небольшой особенностью: желтки — насквозь замороженные комочки.

Провел свои измерения. После этого решил отыскать вход в занесенную соседнюю палатку (оставленную еще 4-й или 3-й КАЭ). Занятие чрезвычайно похоже на игру «Морской бой», с той лишь разницей, что там можно слышать «убит», «ранен», я же изрыл чуть не полгектара глубокими лунками в шахматном порядке и все не мог отыскать фанерную крышку от люка.

Плюнул и пошел ставить антенну для рации и приемника. Нет, мы ничуть не спешим связываться с начальством. Решение было единодушным (включая и Джека): готовить антенну и слушать по радио, что творится в мире, а также выловить из эфира музыку.

23 мая

Пурга, видимость — 50 метров. Палатка держится сама, но никак не держит тепло. По утрам страшный холод. Вылезая из мешка, чувствуешь «суровые условия

Антарктиды». Даже «старый философ» Джек (как называл его Скайб за чрезвычайно задумчивый, глубокомысленный вид) предпочитает спать на чьей-нибудь кровати — все-таки на каких-нибудь полградуса теплее.

Вчера и сегодня откапывали вход в занесенные палатки. Особенно эмоциональна работа сегодня: выкопанная ямка тотчас же засыпается снегом. Пришлось натянуть брезент и, как бы по команде: «Лежа окапывайся!» — рыться под ним.

Радиостанция Мирного дважды в сутки приносит приветы от друзей. В свою первую связь передали поздравления с других выносных станций. Кричак сообщил, что сюда прибудет Мальцев с Победы, а меня отзывают в Мирный. Но я полагаю, что это будет весьма не скоро, так как вероятность скорого прилета Мальцева в Мирный нужно помножить на вероятность скорого его перелета из Мирного сюда, а так как в это время года каждая из вероятностей мала, то произведение еще меньше.

Из всех современных предметов и приспособлений XX века для нас наиболее ценны два: керогаз и помойное ведро.

26 мая

От шефа получено ЦУ: вытащить из занесенных палаток различные вещи, всего 24 наименования, среди них двигатель и генератор. Санька сейчас же парировал, потребовав прислать кран. Но остроумнее всего было то, что на следующий день ЦУ подтвердил Короткевич.

Ничего не поделаешь, пришлось вчера в пургу откапывать палатку, разбирать «Уралец» и по частям вы-

волакивать его на 2,5-метровую верхотуру. Вчерашние труды не пропали даром: поскольку энное количество снега было вынуто, решили на этом месте пробивать аэрологическую траншею.

За прошедшие дни сделано еще одно капитальное дело: сооружен из различных ящиков тамбур для нашей палатки. Теперь мы уже не рискуем, как раньше, входя на ночь в палатку, не выйти утром из нее. Остроумие тамбура еще в том, что можно запросто доставать продукты, так как ящики повернуты крышками внутрь.

Со Скайбом нам не очень повезло. Даже его ежедневные обязанности: четырехразовые суточные метеонаблюдения — частично возложены на нас. Мы с Санькой по очереди выполняем самое неприятное — в час ночи. Правда, это дело добровольное, но согласишься, когда рядом стонут, что не высыпаятся.

Но ладно и то, что Гюнтер готовит еду, это ему нравится, да и мы не против. В общем, он хороший человек, но не приспособлен к «суровым условиям Антарктики», хотя согласился ехать добровольно.

Зато с Сашей Смирновым у нас долгие разговоры: ждать одному часа ночи тоскливо, ему помогает коротать время второй, и вот возникают долгие разговоры о виденном, слышанном, пережитом. О городах, друзьях, девушках.

27 мая

Гюнтер сообщил, что ветерок дошел до 25 м/сек. Этого можно было ожидать: палатка вся трясется; если мы ее плоховато закрепили — может сорвать, и тогда каюк. Внутри холодно, хоть и горят ярким пламенем два керогаза: наше жилье продувается насквозь.

Несмотря на метель, целый день работали, выполняя ЦУ шефа.

В вечернюю связь послал Сережке Попову рдо: завтра ему стукнет двадцать шесть. Домашний адрес в записной книжке, а она в Мирном, пришлось послать на лабораторию

Наверное, сейчас во всем мире только вой и летящий снег.

28 мая

Я начинаю серьезно беспокоиться за палатку. Ветер усилился, появился металлический скрип. Если хоть одна рейка вырвется из гнезда, при таком ветре она распорет ткань. Все спят, мне сейчас нужно идти на метеонаблюдения. Если видимость меньше пяти метров, придется разбудить кого-нибудь для страховки.

Измерил. Ветер, а он до 30 м/сек, порывами зашкаливает прибор. Температура повысилась до минус 15 градусов. Видимость я записал в тетрадь — семь метров, но это явное преувеличение.

Пока снял все эти измерения, испытал гамму чувств, одно другого «слаще». Снег набился всюду, где есть малейшая щель.

Выход из тамбура забит доверху плотным снегом. Пришлось прокапывать щель. А что было б без тамбура?

Вечер

За стеклом иллюминатора пурга по-прежнему машет белыми крыльями. Ветер держится около 30 м/сек, но давление перестало падать. Связи с Мирным нет, поче-

му-то рация не передает мощность на антенну. Удалось довольно чисто поймать какую-то станцию. Передавали музыку. И настолько это было необычным в нашей обстановке (хоть в Мирном она каждый день), что Санька даже выключил радио (чтобы не расстраиваться и не разряжать батареи).

29 мая

Сегодня вечером несчастье — исчез Джек.

Ожидая срока связи, мы валялись по койкам. Выходя по своим собачьим надобностям, Джек сам открыл дверь и, проделав дыру в забитом снегом входе, вылез наружу. И вот уже четыре часа его нет. Орали, свистели, светили — безрезультатно.

Метель стихает, всего 20 м/сек, но видимости никакой. Кончился керосин, пришлось нам с Санькой идти к бочкам за 50 метров. Я прошел вперед с веревкой, он у палатки подстраховывал.

Еще два дня можно жить, не высывая наружу носа.

30 мая

Сегодня для меня нечто вроде праздника: ровно год назад, в воскресенье 30 мая 1959 года, у меня возникла идея попробовать поехать в антарктическую экспедицию. Ясно помню: был хороший, жаркий день, и наша троица — Сережа Попов, Женья Гарусов и я решили поехать к четвертому дружку Юре Лобанову в гости, в Дубну. Там Юрок и сообщил о желании Леши Окорокова попасть в экспедицию.

Мысль понравилась, и со следующего дня я начал пытаться ее осуществить. Сколько надежд, разочарований и опять надежд. И уж конечно, в этом можно поклясться, тогда я не думал, что через год, в то же время, буду находиться в Антарктиде, где-то у черта на куличиках, на о. Дригальского...

По окончании института Павел Кутузов был назначен младшим научным сотрудником Физического института Сибирского отделения Академии наук. Но базы для института пока еще не было, не было лабораторий, и в течение нескольких месяцев Павел работал в библиотеках Москвы, собирая и конспектируя материалы по вопросам ядерной физики.

Хотелось самостоятельной работы.

В это время и возник разговор об Антарктиде...

А здесь метель все еще не стихла. Очень нужно это умение — пережить погоду. За тонкой материей разбушевавшаяся стихия, а здесь — относительный покой...

Была надежда, что днем вернется наш «философ». Не оправдалась. Уходили от палатки, звали. Теперь уже шансов на его спасение нет. Двое суток такой пурги не выдержит ни одно существо.

31 мая

Пурга устала и, видимо, собираясь с новыми силами, на сегодня дала нам передышку. Проглянуло голубое небо, ветер стих. Но я по инерции продолжал нежиться в спальном мешке до одиннадцати (благо, раньше все-таки темновато).

Погожий день использовали, чтобы нарастить радиомачту, может, тогда улучшится радиосвязь (бедный Гюн-

тер, ему передавали немецкую радиogramму три раза, наконец, он уловил общую идею, что жена еще не родила долгожданную дочку).

Мачту практически сделали новую, метра на три выше, и разместили дальше от палатки. Подняли на нее красный флаг. При этом каждый пульнул по ракете.

А вечером, как всегда, задушевные разговоры до часа ночи.

1 июня

Опять двадцать пять! 25 метров в секунду. Этакое продолжительное постоянство не для наших кипучих натур.

Коротая время, перевожу с английского Джозефа Конрада.

3 июня

Сегодня мы дали в Мирный сводку: ветер 1 м/сек.

Но это явно преувеличено. Ни малейшего дуновения! За ночь выпал легкий снежок, и Антарктида приобрела совершенно несвойственный ей вид; провода окутались инеем, длинными мохнатыми веточками; глыбы льда, покрытые тонким слоем мягкого покрова, кажутся шероховатым неотшлифованным мрамором. Все приобрело какую-то бархатистость (как мраморные скульптурки «Вечная весна» и «Ромео и Джульетта» на 3-м этаже Эрмитажа). И пройти по нему приятно: оставляешь следы, все равно как где-нибудь в Подмосковье.

Солнце выглянуло (впервые) всего на пять минут, но одарило прекрасным зрелищем: справа и слева от него засверкали многоцветно еще два ложных брата, а от основного светила прямо в море ударила колонна желтого пламени, и море загорелось.

Да, хороша бывает Антарктида, когда не вмешивается стихия!

Сегодня попытались работать в откопанной КАПШ-1. Испытывал какое-то странное утомление, вялость, еще не начав работу. Так и не прошло. Возможно, сказывается долгое сидение в палатке, возможно, не очень полноценное двухразовое питание, но скорее всего это действие спасительного и проклятого керосинового газа: он горит у нас круглосуточно, от него болит голова и очень режет глаза.

4 июня

Связи с Мирным нет. Выручает приемник. Вчера вечером слушал Ван Клиберна.

1 час ночи

Какая ночь! Видимость, как сказали бы летчики, «миллион на миллион», безветрие, луна. По небу играют сполохи. Безмолвная, бескрайняя сверкающая пустыня.

5 июня

Странный день! Попытаюсь описать кратко (от газа режет глаза и очень темно).

Утро ясное, чистое. Опять нет связи с Мирным. Решили, что все дело в антенне, и в третий раз переставили ее. Вдруг слышим: летит самолет. Покружив, сел. Выбросил груз и людей: Кричака, Аралова и одного радиста. Мой груз летчики (точнее, Пименов) не взяли, а я решил не лететь без него. Через полчаса должен прилететь Зотов.

Пыль, поднятая самолетом Пименова, незаметно перешла в туман, и самолет Зотова мы услышали, но не увидели, хотя по звуку он пролетал метрах в ста пятидесяти. И вернулся!

Число отважных на Дригальском увеличилось на 100 процентов. Катастрофически растет расход продуктов (как сказано в нашей вечерней радиограмме). Скайб чрезвычайно доволен: Кричак может оценить «прелесть» выносных станций.

6 июня

Ночь провели сносно. Мы, трое молодых: Саша, Виктор и я — спали в полностью засыпанной снегом КАПШ-2. Зажгли неизменный керогаз, но скоро вынуждены были потушить: от газа разболелись головы и начало лить со стен. Ночью поднялась пурга. Под вентилятором в палатке за ночь вырос симпатичный «монах».

Утром пришли, точнее приползли, гости: Аралов и Кричак, они спали в нашей постоянной палатке. Аралов

жалуется: страшно замерз ночью, температура в палатке минус 20 градусов.

Дело в том, что прилетевшие прибыли без спальных мешков. У нас было лишних два мешка. Аравову же досталось лишь гюнтеровский вкладыш.

Гости пришли, не закрыв за собой входного люка: боялись, что засыплет и все окажутся замурованными. Пока они сидели у нас, пурга делала свое дело.

Дело в том, что выход из палатки — это горизонтальный подснежный туннель длиной около четырех метров, на конце которого вертикальный колодец двухметровой глубины, направленный вверх. Колодец ниже уровня снега перекрывается крышкой. Все это оказалось забито снегом, особенно тяжело пришлось Кричаку: довольно полный, он и в обычных условиях с трудом мог проползти все эти переходы (сечение $0,5 \times 0,5$ м), а тут и это сечение уменьшилось.

Пока мы выползали из спальных мешков и одевались, проход все более сужался. Первым полез я. Гамму чувств описывать не берусь, скажу только, что было место и страху. Еле вылез, чуть было не потеряв эту тетрадь. Беда еще в том, что отправился спать без перчаток и все манипуляции проделывал в снегу при минус 26 градусах голыми руками (никак не могу привыкнуть к местному коварству). Когда руки «отходили» в нашей палатке, чуть не заревел.

Следующим шел Санька, он поуже, чем я, но и ему досталось трудно. Замыкал Витя — парень могучего сложения, полярный радист. Он застрял и обратился к нам с жалостными словами: «Не оставьте, двое детей».

Радуюсь свободе, мы отогревались в родной КАПШ-1. И когда после обеда решили снова пойти к КАПШ-2 за спальными мешками (ибо не решались второй раз спать там), было поздно. Все это прямоугольное колено

было забито снегом, часа полтора длилась наша борьба за спальные мешки. По очереди влезали в колодец и пытались ведром выгребать снег. Но там не согнешься, а главное — пурга усиливалась.

Короче, мы потерпели поражение. Кто прочтет это, пусть не осудит: борьба была не на равных.

Итак, на шестерых — только два спальных мешка. И палатка, в которой и троим было ужасно тесно.

Сейчас ночь. Трое лежат, четвертый кое-как привалился, дремлет. Мы с Санькой сидим. Мне через 20 минут на метеосрок (в час ночи). Да и все равно спать негде.

В общем, мы на положении ожидающих поезда, только наш поезд может прибыть через несколько дней, а быть может, и недель.

9 июня

Вот уже вторые сутки стоят изумительные ночи. Насколько природа здесь бывает свирепа и коварна, настолько же бывает изумительна и величава (но не нежна!).

Каждый, кто побывал в Антарктиде, увидел ее по-своему. Во всяком случае, те, кто написал об этом материке, написали по-своему.

Когда перечитываешь дневники, книги полярных путешественников, то кажется, что есть не одна, а несколько Антарктид.

Величавая, неподвластная, вечная Антарктида Карстена Борхгревинка, азартная, коварная Антарктида Эрнста Шеклтона, трагический материк Роберта Скотта*, Антарктида

* Роберт Фалькон Скотт — выдающийся английский полярный исследователь. В 1912 году достиг Южного

Дугласа Моусона и Ричарда Бэрда*, Алексея Трешникова и Юхана Смуула...

Карстен Борхгревинк:

«Непогода наступила быстрее, чем мы могли предвидеть. Прежде чем кто-либо из нас троих успел высказать свое мнение о ближайших перспективах, пурга уже бушевала во круг высоких прибрежных пиков. Они быстро исчезли из виду. Снег несся вниз со скоростью лавины и повисал над пропастями, как вулканическое облако.

Ветер захватывал дыхание. Пока мы ползали на четвереньках, собирая продукты и наши маленькие спиртовки, нам несколько раз казалось, что мы задохнемся. Мы ощущали на своем теле все швы одежды. В тех местах, где оленье шкуры были сшиты между собой, казалось, в кожу вонзаются иглы.

Нам не удалось установить столбы для палатки. Мы должны были поспешно влезть в свои спальные мешки, пока колючий мороз не лишил нас этой возможности... Некоторое время мы еще слышали вой урагана, бушевавшего над снежными полями, затем этот вой становился все тише и тише, а шелковое покрывало над нами все тяжелее.

Черное пятнышко, которое представляли мы собой в бескрайней белой пустыне, было покрыто теперь толстым белоснежным одеялом. Антарктическому шторму не с кем было разделить свое мрачное одиночество...»

Эрнст Шеклтон:

«Последний день нашего пути вперед. Крайняя точка, достигнутая нами, находится под 88° 23' ю. ш. и 162° в. д. На крайней точке своего пути мы подняли флаг, врученный нам ее величеством королевой, и второй английский флаг и именем его величества короля объявили это плоскогорье

полюса, но оказался вторым: его опередил норвежец Руал Амундсен, достигший полюса месяцем раньше. На обратном пути отряд капитана Скотта погиб от истощения и холода в одиннадцать миль от продуктового склада.

* Ричард Эвелин Бэрд — американский адмирал, исследователь Антарктиды. Во время второго своего путешествия на ледовый материк провел в полном одиночестве семь месяцев на барьере Росса, вдали от базы экспедиции. Едва не погиб, отравившись выхлопными газами бензинового двигателя. Больной, лишенный помощи, продолжал вести метеорологические наблюдения, которые в сопоставлении с параллельными наблюдениями на базе Литл-Америка дали интересные результаты.

британским владением. Ледяной ветер, пронизывающий до костей, гордо развевает наши флаги. Вооружившись сильным биноклем, мы старались рассмотреть южную часть горизонта, но не увидели ничего, кроме мертвой, покрытой белым снегом равнины. По направлению к полюсу незаметно никакого прорыва в плоскогорье. Мы твердо уверены, что цель, которой нам так и не удалось достичь, лежит именно на этой равнине...

Метель не замела наши следы, они хорошо заметны, и мы с легкостью находим дорогу — увы, теперь уже по направлению к дому! Как ни велики наши сожаления, но большего сделать мы не смогли...»

Полтора месяца спустя:

«Мы прошли мимо лагеря (покинутого), и я удивился теперь, что судно пришло, так как у этого лагеря мы нашли консервные банки с иными этикетками, чем те, которые были у нас. Тщательно обыскав лагерь, мы нашли три маленьких кусочка шоколада и кусочек сухаря. Мы разыграли их по жребию. Мне не повезло — кусочек сухаря достался не мне. Забавно, что на какой-то момент я на самом деле был очень огорчен этой неудачей! Это показывает, до какого первобытного состояния мы дошли, когда даже вопрос о жалком кусочке пищи может затемнить рассудок...»

Роберт Скотт:

«Третьего дня, за завтраком, бедный Отс объявил, что дальше идти не может, и предложил нам оставить его, уложив в спальный мешок. Этого мы сделать не могли и уговорили его пойти с нами после завтрака. Несмотря на невыносимую боль, он крепился, и мы сделали еще несколько миль. К ночи ему стало хуже, и мы знали, что это конец.

На случай, если будут найдены эти листки, я хочу отметить следующие факты. Последние мысли Отса были о его матери, но тотчас перед тем он с гордостью выразил надежду, что его полк будет доволен мужеством, с каким он встретил смерть. Это мужество мы все можем засвидетельствовать. Он в течение многих недель без жалоб переносил жестокие страдания и до самого конца был в состоянии разговаривать о посторонних предметах и охотно это делал. Он до самого конца не терял — не позволял себе терять надежду. Это была бесстрашная душа. Конец же был вот какой: он проспал предыдущую ночь, надеясь не проснуться, однако утром проснулся. Была метель. Он сказал: «Пойду пройду». Может быть, не скоро вернусь». Он вышел в метель, и мы его больше не видали...»

Дуглас Моусон:

«Когда разбушевавшиеся стихии скрыты под покровом полярной ночи, пурга имеет еще более суровый вид. Тогда погружаешься в какой-то бешеный терзающий вихрь, который производит страшное, неизгладимое впечатление, трудно сравнимое со всей гаммой естественных переживаний. Страшный мир пустоты, ярости и ужаса. Мы спотыкаемся и боремся с мраком Стикса. Беспощадный порыв ветра — какой-то мстительный кошмар — бьет, колет, замораживает; колющий снег слепит и душит.

Находясь в этих безжалостных тисках, мы сознавали, что мы, как говорит Хенли *:

«лишь несчастные былинки в огромном, угрюмом, бушующем омуте Времени...»

Ричард Бэрд:

«Я со спокойной душой, я бы сказал даже — с большим интересом, ждал прихода полярной ночи. Мне предстояло немало работы. Надо было закончить прорытие двенадцатиметрового запасного туннеля и привести в порядок свое имущество. Метеорологические наблюдения и изучение полярного сияния занимали значительную часть дня. Самопишущие приборы регистрировали барометрическое давление, температуру, направление и скорость ветра. Дважды в день я производил отсчеты максимального и минимального термометров в метеорологической будке, визуальные наблюдения над облачностью и состоянием погоды и отсчитывал барометр. Сами приборы требовали постоянного ухода. Кроме того, я четыре или пять раз в день определял интенсивность, форму и направление полярного сияния; в будущем эти наблюдения предстояло сравнить с аналогичными наблюдениями, одновременно производившимися в Маленькой Америке. Итак, у меня никогда не было причин жаловаться на безделье и скуку».

Алексей Трешников:

«В магнитном павильоне Мирного непрерывно фиксируется магнитное поле Земли. Потоки частиц, идущие от Солнца при хромосферных вспышках, обладают меньшей энергией, чем галактические космические лучи. Следовательно, в полярных районах можно изучать наименее энергичные солнечные частицы. Чем меньше энергия первичных космических частиц, тем на большей высоте они останавливаются. Регистрируя количество солнечных протонов с помощью радиозондов на

* Хенли — английский поэт, критик и драматург.

разных высотах от поверхности Земли, геофизики изучают их свойства, механизм взаимодействия с атмосферой.

Мы знаем, что все процессы, происходящие в атмосфере, в океане, да и сама жизнь на Земле обусловлены энергией Солнца. На Солнце происходят гигантские взрывы, вспышки, определяемые по солнечным пятнам. В некоторые периоды деятельность Солнца относительно спокойна, в другие она чрезвычайно активизируется. Тогда Солнце выбрасывает в космическое пространство мощные потоки частиц, которые, входя в атмосферу Земли, взаимодействуют с молекулами и атомами воздуха, с магнитным полем Земли, вызывая ионизацию воздуха, магнитные бури и интенсивные полярные сияния.

Мы еще не знаем, каким именно образом воздействуют солнечные частицы на воздушные массы у поверхности Земли. Известно лишь в общих чертах, что с изменением активности Солнца в какой-то мере изменяется циркуляция воздушных масс, а через них циркуляция вод океана, и в конечном итоге это влияние распространяется на хозяйственную деятельность и жизнь людей.

Выяснить механизм влияния этих изменений деятельности Солнца на атмосферные процессы — одна из задач современной науки».

Ю х а н С м у л:

«Мой товарищ, спавший в своем мешке в метре от меня, тихо стонал и повторял какое-то женское имя. Я попытался снова заснуть, но бодрствование было куда легче этого сна, вернее, этого желто-серого подобия сна, утомительного, ни на минуту не прекращающего работы мозга, наваливающегося на грудь, словно вата. Хочешь вздохнуть поглубже и даже вздыхаешь, но это все равно что пить из пустой кружки — жажда не проходит. Ворочаешься, пытаешься куда-то побежать, но спальный мешок сковывает тебя по рукам и по ногам. Погружаешься в мутную заводь сна, а там полно глумливых физиономий и кривых рож, тут и строки из «Цветов зла», и утопленники с затонувших кораблей, к тебе тянутся на выручку чьи-то руки, но они не достают до тебя. Эта мутная заводь держит цепко, не дает вырваться, податься на поверхность, хотя ты все время и сознаешь отчетливо, что проснуться было бы спасением».

Три тысячи четыреста двадцать метров *.

* Высота, на которой расположена антарктическая станция Комсомольская.

Так прошла первая ночь здесь, ночь длиною с год, в течение которой все время ярко светило высокое солнце.

Утром, когда я брился, на меня смотрело из зеркала чье-то чужое лицо. На нем сквозь сильный загар проступала нездоровая серость, морщины были резкими и глубокими, глаза измученными, белки желтыми. Это был я. Долго я себя разглядывал, а в голову лезла фраза из какой-то книги, совсем к данному случаю не подходившая:

«Я старый человек и иду домой, иду домой...»

Я громко произнес ее. И тотчас понял, что сюда, на сорокаградусный мороз, за мной следом притащился мой старый враг — сентиментальность. Враг этот стоял за моей спиной и требовал, чтобы я не противился головной боли, все еще очень сильной, а залез бы в спальный мешок, закрыл лицо оленьей полостью и завыл.

Вместо этого я начал бриться.

Надо поскорее тут освоиться, акклиматизироваться.

Недостаток кислорода — вещь серьезная.

Днем была чудесная погода, а из Мирного самолет не мог вылететь: порывы ветра до 27 м/сек.

Но мне кажется, завтра последний «дригальский» день.

10 июня

Ожидания оправдались: мы в Мирном. Встречали радостно и с некоторой завистью: хлебнули Антарктиды.

Да, совершенно понятно: Мирный — это еще не Антарктида.

Наибольший успех выпал на долю моих усов. Таких усов в Мирном нет. Их сравнивают то с китайскими, то еще черт знает с чьими.

Предложили выступить по радио с рассказом о Дригальском. Отказался. Наша радиогазета — ехидная организация, любит подстраивать каверзы. Вместо меня на удочку попался Кричак. После торжественного

выступления Оскара Григорьевича была исполнена едкая песенка о его злоключениях на острове. Возможно, и мне была уготована такая же участь.

Английский кружок процветает, в качестве пособия крутят фильмы. Приходят и ни слова не понимающие по-английски.

13 июня

В Мирном настолько привычная и скучная атмосфера, что Дригальский кажется чем-то очень давним.

Все эти дни бездельничал. Только сегодня приступил более или менее тесно к работе: метеорологи попросили наладить актинометрическую установку. Неудобно отказываться, хотя у самого полно работы.

Завтра пойдем вытаскивать трактор. Вчера наши хлопцы вышли из Мирного, чтобы пройти с гравикой вдоль гляциологических вех. Решено было идти напрямик, через трещины. Ребята прошли, а шедший за ними трактор провалился.

Трещины в Антарктиде — бич. Все поражаются, как это с нашими людьми не было еще несчастных случаев. Бывало, люди проваливались (например, в день нашего отлета на остров, начальник электростанции Ягодкин, идя к себе домой по миллион раз хоженной и езженной дороге, провалился в трещину, но успел ухватиться за край), но как-то им везло: либо попадали на небольшой глубине в расклин, либо (чего практически здесь не делают) шли на связке. Но все, конечно, до поры до времени.

Мирянское радио сообщило, что наш перелет с острова в Мирный — самый поздний авиационный перелет в истории Антарктиды.

17 июня

Боюсь повторяться (но что я могу поделаться!), уже который день дует. Порывы за 30. Ей-богу, это надоедает. Надоедает бороться с дверью, чтобы войти в свой тамбур (просто сил не хватает открыть ее, проклятую) и пулей влетать в него, дабы не пришибло. Надоедает после двухминутной ходьбы приходить с оттопыренными карманами, плотно набитыми снегом. Надоедает скользить и падать на застругах*, не видя ничего под ногами, надоедает слышать постоянный свист и вой. Да мало ли что надоедает в пургу!

Нет, я не скис, ведь через пяток дней будет зимнее солнцестояние (сегодня с этим нас поздравили японцы), и деньки побегут, увеличиваясь, а через неделю мне стукнет двадцать пять. Да, это, конечно, в некоем роде дата.

Завтра должен выступить с лекцией под громким названием «Атомная энергия и ее использование». Так как мне предоставляется только полчаса, то это будет, безусловно, не лекция, а самые бессовестные выжимки.

Вопрос о составе санно-тракторных поездов все еще не решен, и это меня сильно беспокоит.

18 июня

Пурга чуть поутихла, и мы отправились спасать трактор, провалившийся в трещину. Дорога к нему бы-

* Эрозионные формы на снежной поверхности, чаще всего в виде вытянутых, в десятки сантиметров высотой хребтиков, возникающие при разрезании ветром ранее существовавших сугробов.

ла сложна и опасна, порой бывало, что снежный мост обрушивался сразу за нами.

Прибыв на место, опутались веревками и начали бродить вокруг трактора, фотографировать. Трещина аховая: провалишься — и конца не достигнешь. Но с веревками работать очень неприятно, и мы сбросили их, несмотря на И., возводившего хулу на нас. Все прекрасно обошлось, хоть трактор пока и поныне там.

Сегодня я ораторствовал. В общем, кажется, получилось не очень плохо. Просто плохо. Не выдержав философии на пальцах, ввалился в квантовое состояние частиц. Еле вылез. Вечером И. со страшной силой раскритиковал.

Кажется, начальству нравится мысль послать меня в поезд в район гор на Земле Королевы Мод (станция Лазарев).

Эта мысль мне не очень нравится, но все же лучше, чем сидеть в Мирном.

Вплотную взялись за проштрафившийся трактор. Погода не очень благоприятствовала нашему предприятию: дул сильный ветер, и была довольно низкая, под минус 30 градусов, температура. Собралась довольно большая компания, в основном фотолюбители.

Я связался с И. Это было действительно необходимо, так как работать пришлось в самой трещине. За последние метели под трактор насадило снегу, так что невозможно было даже трос протянуть под ним. Работать было несколько неудобно: лежишь на снежном мосту неизвестной толщины под трактором, имеющим принципиальную возможность продолжить свое первоначальное движение к центру Земли. Но туннель был прорыт, трос пропущен, и мощный, 500-сильный АТТ после ряда неудач извлек машину.

Сегодняшняя экзотика стоила пропуска декадных измерений. Этим займусь завтра.

21 июня

День зимнего противостояния (для нашего полушария). С завтрашнего дня ночи будут укорачиваться. Хорошо! В честь такого праздника природа создала чудесную, редкую для зимней Антарктики погоду. День был ясный и совершенно тихий. Полный штиль. Как хочется надолго запомнить окраску такого дня.

Утро. Девять часов. На востоке яркое голубое небо, над нами и дальше — темно-синее, почти черное. Яркие звезды, узкий серп месяца. Голубизна наступает, вот она захватила уже полнеба. Звезды меркнут, светит лишь месяц. Восточный горизонт — сплошная багровая полоса. Ударил первый луч солнца. Вспыхнул купол, засверкали далекие айсберги. Солнцу удастся лишь чуть высунуться, и оно не может осветить снег и лед. Поэтому в мире существуют только две краски: синяя и багровая. Но сколько оттенков: от чистейшей лазури до густого фиолетового, от багряно-алого до темно-красного, и все это в самых различных сочетаниях. Похоже на картины Рериха, только чище, прозрачнее.

22 июня

Сегодня на английском кружке Гил зачитал поздравления для нашей экспедиции из США. Первое от председателя Комитета по Антарктическим исследованиям США мистера Джонса (очень оригинальная фамилия, вроде нашего Иванова), вторая — от президента США Дуайта Эйзенхауэра.

Поздравляют с серединой зимы и скорым (!) возвращением на родину.

После английского отправился на первое занятие кружка по изучению основ музыки (ведет Кричак). Что из этого получится — один аллах ведает, но уметь играть — мое давнишнее желание.

25 июня

Итак, «Павлу Кутузову стукнуло уже 25 лет», как сказали вчера в радиогазете.

«Четверть века! Это не хвост собачий!» — добавили в кают-компании.

А посему решено было отметить такое событие. Виновнику сообщили, что его присутствие необязательно, но желательно. Занятие кружка английского было уменьшено до неприличия (ибо руководитель и добрая половина членов должны были участвовать в намечающемся мероприятии).

В девять вечера торжество началось. В нашей комнате собрался весь наш отряд, хлопцы-геологи, позже пришел шеф-кок Толя Глухов. Все было как в лучших ресторанах, начиная от коньяка, шампанского и кончая именным тортом.

Меня все жхватило развезти гостей по домам и даже раздеться, ложась спать.

Утром, поднятый Нарциссом около десяти, поехал вместе с ним на собаках к скважине.

Несмотря на мороз (около минус 30 градусов), в Мирном почти не было ветра. Но стоило нам отъехать от Мирного, как ветер взялся за нас. Ехать пришлось в гору, против ветра. Все эти Айсберги, Казбеки и Индусы проявляли неукротимое стремление, но только в направлении к дому. «Хуук-хук», «пооч-по» и другие команды они явно не относили на свой счет. В итоге, девять километров были пройдены за два с гаком часа.

Обратно этот путь мы проделали за 20 минут, правда, псы укоротили расстояние, протащив нас напрямик через трещины.

Несмотря на предосторожности, отморозил часть щеки, и теперь она начинает чернеть. Завтра путешествие будет повторено.

28 июня

За эти дни съездили еще раз на купол. Минусы и ветер усилились, а посему к обмороженной щеке добавлен подбородок. Теперь я слегка напоминаю зебру.

Вчера с Нарциссом ходили на припай, километров за семь от Мирного: бурили лед, определяли его толщину.

Сегодня опять должны были идти, точнее, ехать на псах по припаю к айсбергам (12 километров от Мирного). Но утром наш конкурент Пал Кононович Сенько (начальник геофизического отряда) решил поехать к буровой вышке (там у него магнитометр работает) по той же трассе, что и мы ездили на купол, но двумя километрами короче.

Поехал и сделал это совсем напрасно.

С утра ветерок был небольшой, всего 16 м/сек. К обеду он усилился до 22—24 м/сек. Началась метель. К этому времени Сенько с каюром уже выехал. Сейчас ветер усилился до 47 м/сек, по радио передано запрещение высовывать нос из домов. А путешественников все нет. После обеда начальник экспедиции Короткевич и его заместитель Матвейчук отправились на АТТ искать пропавших. Но, проплутав четыре часа, вернулись.

После возвращения Короткевич позвонил к нам и попросил помощи: вслепую вывести к вышке АТТ. Я от-

ветил, что желательно прихватить Нарцисса Боркова (его советы весьма ценны, мы с ним вдвоем ездили).

Но И. рассудил иначе. Мне было приказано вместе со спасательным отрядом идти по припаю вдоль барьера (на случай, если, заблудившись, пропавшие свалились с барьера). Мы должны были пройти два километра за мыс Ураганный (до него около трех километров). Если учесть капризы здешней природы, задание нешуточное. Облачились, запаслись ракетами, альпеншоками.

Нас было четверо: И., Боб Моисеев (занимается полярными сияниями), геодезист Дима Хромихин и я. Пошли на одной веревке. Первым шел И. как мастер спорта по альпинизму и начальник отряда, я замыкал цепь. Дойти удалось только до спуска с барьера на припай, дальше не хватило сил. Заблудились. И. провалился в трещину, но был благополучно выдернут оттуда.

Потом я отправился искать дорогу. Кажется, нашел, но надо было бы переползать через две довольно широкие трещины (впрочем, я не уверен, что это была дорога). Промучившись больше часа, вернулись.

Оказывается, правильно сделали, так как под барьером видимость из-за завихрений еще днем была около одного метра, то есть на расстоянии вытянутой руки уже не видно, а сейчас, ночью, еще хуже.

Ну а что значит работать при 50-метровом ветре? Кроме палки да ног, мы не имели точек опоры, а при таком урагане этого до смешного мало. Человека несет как сорванный парус, и даже падение не помогает: просто ветер довольно бесцеремонно волочет по застругам. Ощущение такое, что ты на середине скользкой горы (что, впрочем, недалеко от истины). А если прибавить, что все это происходило в самой непосредственной близости от трещин и 17-метрового ледяного обрыва, то картина будет более полной. Ну и разве что только из

хвастовства можно сообщить, что своего соседа по веревке, ползущего в пяти метрах от тебя, совсем не видно и не слышно, да дышать очень трудно, легкие переполнены воздухом.

Кто не верит — пусть проверит. Сделать это легко: при полете на самолете высунуть голову (ЛИ-2 как раз имеет скорость 50 м/сек).

Сейчас час ночи (так что уже 29-е), но ни Сенько, ни посланного за ним тягача нет.

Единственная надежда (более или менее реальная), что потерпевшие отсиживаются в палатке, установленной для магнитометра у буровой...

29 июня

В двенадцать дня наш вчерашний отряд вышел на припай. Ошибки прошлого дня частично учтены, захватили два передатчика для радиозонда. В 12.00, 14.00, 17.00 и далее через два часа я должен был давать один из четырех условленных сигналов в надежде, что радиотеодолит (используемый для радиозондов) уловит их. Ветер за тридцать, но видимость плохая, только в промежутке между порывами можно видеть за 15 метров. Наша задача прежняя.

Поход на четыре километра занял семь часов. За все время ни разу не видели барьера, хотя должны были идти у самого его основания. Ни разу, кроме выхода, не знали своего местонахождения. Шли по воде, проваливаясь в трещины. Промокли насквозь. Если бы богу суждено было увести нас мористее*, предыдущая запись была бы, вероятно, последняя.

* Дальше от берега (здесь: от края барьера).

Спасли нас ракеты. В Мирном почуяли неладное, хоть последний срок нашего прихода еще не истек. Начали пускать ракеты. В метель, при далеком расстоянии ракета не указывает направления, только на несколько секунд окрашивает летящий снег в красный или зеленый цвет. Но сам факт, что кто-то ищет тебя, швыряя ракеты, действует ободряюще. То же было и с нами. Отправившись практически наугад, подошли к барьеру. Но на протяжении многих километров есть только одно место, шириной в 20 метров, по которому мы смогли бы подняться (там же, где спускались). Важно было не пропустить его.

И вот мы опять в родном Мирном. Игра в прятки окончена. Все тело ноет, нас раздевают, дают спирту.

Но на душе не радостно: Павел Кононович не найден, а он прекраснейший человек. Только что с купола вернулся спасательный отряд № 2, ездивший на АТТ. Проплутали одиннадцать часов, но не добрались до буровой вышки. На обратном пути въехали в зону трещин. АТТ провалился.

Все живы, пешком смогли прийти в поселок. Но АТТ, видимо, достать не удастся: в Мирном нет транспорта, который вытянул бы 20 тонн его веса.

Только что мне позвонил Матвейчук. Спросил, в состоянии ли я ехать завтра на тракторе к буровой. Ответил, что поеду. А сейчас спать, чтобы отдохнуть. Вот ведь как бывает: сто человек вместе с современной техникой не могут спасти двоих, а они где-то рядом...

Метеорологи сообщили, что порывом ветра в 53 м/сек у них сломан анемометр*. А может, и не ветром. На крыше их дома оказалась занесенная откуда-то боч-

* Анемометр — прибор для измерения скорости (силы), а в некоторых конструкциях и направления ветра.

ка из-под антифриза. Вес ее около ста килограммов. Возможно, разгром учинила она. Немцы говорят, что их прибор показывал скорость ветра в 56 м/сек.

30 июня

Утром ветер неожиданно стих. Но спасательные операции отменены: Сенько и каюр вернулись. Сами.

Оказывается, еще в начале пурги они выехали от буровой (сразу же уменьшив шансы на свое спасение). В пути пурга разыгралась в полную силу. Собаки понесли, сбились с пути, попали в зону трещин. В одну из них собаки с нартами ухнули, люди успели соскочить. Поползли вперед и провалились (в дальнейшем оказалось, что это трещина между барьером и припаем, они свалились с барьера). Совершенно не зная, где находятся и в каком направлении идти, решили переждать пургу, сидя в этой трещине.

Сидели двое суток, пока не начали обледеневать. Решили: лучше заблудиться, чем замерзнуть.

Пошли, но в противоположном направлении. В это самое время наш спасательный отряд был от них метрах в ста пятидесяти — двухстах. Они видели наши ракеты и поняли истинное направление. Кричали нам, сорвали голоса, но мы, не услышав их, повернули обратно. Вслед за нами, но гораздо медленнее, шло двое людей. Если б мы только знали это! Четыре километра мы прошли за четыре часа (с 15 до 19 часов). Это же расстояние они шли одиннадцать часов. Последние сотни метров почти ползли.

Сегодня на диспетчерском совещании нашей четверке объявлена благодарность. Но дороже всего благо-

дарность самих спасшихся и сознание, что ты хоть чем-то помог людям.

Оба они поморозились, но не очень страшно (от ветра спасла трещина). Для того чтобы их раздеть, одежду пришлось разрезать на куски.

Назавтра приказ: мастерам спорта И-ву В. Б., Захарьеву Б. В., а также Цукернику и мне идти к провалившемуся АТТ, разведать трещины и обмыслить пути его извлечения.

2 июля

Вчера ползали по трещинам, около АТТ. Вот это трещины! Ширина до четырех метров, глубина... Трактор завалился прочно, лишь одна гусеница более или менее на надежном месте. Все остальное — в воздухе. За другой край трещины зацепился верхушкой кабины. Вытянуть эту громадину будет трудно.

Другая группа искала собачью упряжку. Им совсем не повезло: ничего не нашли. Поэтому сегодня группа из шести человек во главе с начальником экспедиции вновь отправилась на поиски. Мы прошли вдоль кромки барьера довольно большое расстояние, но тоже безрезультатно. В конце концов нам удалось обнаружить собачьи следы, но сами собаки и нарты словно испарились. Перепахали в том районе лопатами, наверное, полгектара плотного снега, опять ползали по трещинам, и все напрасно.

Завтра группа отправится опять. Устал от этих трещин, авралов, а кроме того, полно работы: измерения, делать косы для поезда, месячная таблица да еще через две недели отчет на ученом совете о работах на Западном шельфовом леднике и о. Дригальского.

6 июля

Ничего существенного не произошло. Неоднократно искали собак, ходили даже сегодня: все безрезультатно.

7 июля

Кажется, я захандрил. Вынуты все фотографии. Глядишь и вспоминаешь каждого. Я раньше не думал, что фотографии действительно нужны. Не приплыл бы сюда, может, так и не узнал бы.

Ужасно хочется видеть зелень, чувствовать ее запах, слышать треск кузнечиков, птиц, даже лягушек, лишь бы живых. Ведь сейчас июль. В деревне уже начинает пахнуть свежескошенной травой, люди бродят в турпоходах, валяются на пляжах, мокнут под дождем, просто смотрят на прохожих.

Лес. Какое это чудо — лес. Прогретый, пахнущий травой, земляникой — лиственный; чуть сыроватый, немножко из сказки, с легким прелым запахом — хвойный. Вот уже много лет подряд этот месяц для меня — месяц путешествий, приключений.

Стройки, велосипед, походы. Дом отдыха имени О. Бендера, «До Киева 12 км», «Оргеевский завод шампанских вин», рачья стоянка и салат «розовые скалы» — все это этапы «большого» пути. И все это просматривается, четко и выпукло, из моего «далека»...

«Одно из открытий, — пишет В. Л. Лебедев, — которое человек может сделать в Антарктике, — это открытие ценности воспоминаний. Воспоминания в жизни, надолго лишенной событий и впечатлений, обладают большой силой воздействия. Память, как горб верблюда, оказывается хранилищем

пищи, в данном случае необходимой для поддержания высокого духа. Яркие и приятные воспоминания тонизируют и часто служат предметом рассказов. Воспоминания и умение — единственные реальные богатства, которые можно взять в Антарктику...».

Через четыре дня будет восемь месяцев, как «наш корабль, дизель-электроход «Обь»...». Восемь! Еще столько же.

25 июля

Был отчет по работам на Западном шельфе. Выступал и я с докладом на научно-техническом совете экспедиции. Красноречием не блеснул. Деятельность отряда признана весьма удовлетворительной. Начальник экспедиции сказал даже, что приятно удивлен многообразием и качеством работ.

На 20 июля намечались мои радиотелефонные разговоры с Ленинградом. Отменено. Не было прохождения радиоволн. Перенесли на 27 июля (то есть на послезавтра), но я уже послал рдо домой, что и двадцать седьмого не будет.

Два дня назад пришла идея — сделать кое-какие измерения и работы на о. Победа (это 360 километров от Мирного). В напарники себе я выбрал Нарцисса. Сборы были быстры, но задержала погода, а вчера ЛИ-2 доставил Нарика, меня и радиста Олега Степановича на о. Победа.

Боря Дерюгин и Миша Калихман, живущие здесь с 9 мая, встретили нас очень радушно. Городок — из двух палаток, КАПШ-1, почти начисто занесенных за эти три месяца.

Как всегда, нам «повезло». Стоило только разобрать

доставленные самолетом грузы, чуть обжечь палатки, как закуржило.

Трудная жизнь на этих выносных. Впервые в Антарктиде в самые жестокие зимние месяцы люди живут в палатках. И не день, не два — месяцы. Здесь все — начиная от работы и до минимального комфорта — создается большим трудом в сложных условиях. И делает это маленький коллектив. Причем все это далеко не безопасно. В трудном положении доставлен в Мирный с острова Дригальского мой друг Саша Смирнов: во время работ у него вспыхнул бензин, он получил сильные ожоги рук и лица (глаза, по счастью, целы).

27 июля

Что-то сейчас делают в Ленинграде, Москве, Казахе? Сейчас там семь вечера. Но еще светло, тепло, люди гуляют, гоняют мячи, едят мороженое.

У нас же холодная проза. Два дня были без пурги, за это время пробили четырехметровый шурф — почти сплошной лед. Барометр опять падает, палатка начинает трепыхаться. Значит, с ночи снова пурга. Опять утром Боря с Мишей должны будут откапывать нас.

30 июля

Вчера во время пурги не выдержали и решили сделать тамбур. Возились несколько часов. И сделали.

Стенка из снега, крышка брезентовая. Вероятно, тамбур неказистый, но для нас он — дворец, а главное — теперь не замечает вход.

Во время пурги здесь страшно повышается температура, вчера поднялась до (смешно сказать, зимой в Антарктиде!) $-1,5^{\circ}\text{C}$. Порой даже капало. Но мы пришли к выводу: лучше -40°C , чем эта пакость.

В конце работы вдруг ни с того ни с сего пошел переохлажденный дождь. Мой мост* сразу вышел из строя и начал показывать сугубую ересь. Пришлось его подвесить сушиться над керогазом, как элементарный валенок. Не знаю, как он поведет себя завтра.

Несмотря на теплынь, сегодня мы промерзли (ведь мы же насквозь мокрые), пришлось вечером прибегнуть к $\text{C}_2\text{H}_5\text{OH}$. Подействовало. Не согрело, но увеличило остроту восприятия, заметно выступили контрасты: ободранная грязная палатка, Нарик руками хватает кровавый бифштекс и поджаривает его, Миша по графику обрабатывает данные радиозонда, а радио тихонько передает «Цыганские напевы» Сарасате. Пещерный и XX век!

А что делал я? В валенках валялся на чужой кровати и разглагольствовал о канадском хоккее.

Состоялся бурный разговор о романтизме, обывательщине и погоне за длинным рублем. По-моему, Олег Степанович кругом не прав. «Чистый романтизм» — продукт условий жизни. Иные могут позволить себе эту роскошь, иные (большинство) — нет. Поэтому никак нельзя считать шкурниками все вспомогательные отряды только потому, что у них нет в этих краях научных интересов.

* Электронный мост — прибор для измерения сопротивления.

«Однажды, уже после Антарктиды, — рассказывал Эдик Степанов, — Павел прикатил в Москву.

— Пошли в «Метрополь», а? Меня шеф-повар давно уж зовет, наш повар, из Мирного.

Пришли. Но в этот день знакомый Павла не работал. Остались ужинать. Обслуживал нас молоденький официант. Павел разговорился с ним: то-се, про Антарктиду стал рассказывать. Официант так и остался за нашим столом, слушает...

А потом расстроился: «У вас, — говорит, — дело интересное, а я что? Поди да подай...»

Павел стал ему доказывать, что быть хорошим официантом тоже достойно. Главное — мастером своего дела быть, чтобы люди тебя за твое умение, профессиональную ловкость уважали. Приободрил парня...

Он вообще был человек непосредственный, ничего не упускал и говорил все в открытую. К людям был благожелателен, все принимал близко к сердцу...»

1 августа

Все-таки миром управляет «закон бутерброда». Стоило нам построить тамбур, как ветер повернул на 180 градусов и наше сооружение стало отличной ловушкой для снега (уверен, что при отсутствии тамбура ветер не переменялся бы).

Наша работа продвигается весьма слабо: мешает погода. То пурга, то очень неприятный поземок. Но за рассказами вечера проходят уютно. Олег Степанович — в прошлом моряк, побывавший почти во всех странах мира и много повидавший, бывший командир взвода автоматчиков, прошедший всю войну на передовой, а ныне отличный радиоинженер — рассказывает очень занятные, а главное, правдивые (по его словам!) истории из жизни.

Вчера Короткевич прислал ЦУ — к прилету самолета

тов выкопать палатки, а уже сегодня его заместитель прислал противоположный приказ. А все наше жилье давно уже не только занесено снегом, но и вмерзло в него, обледенело, и выдрать палатки — значит наверняка их загубить; при этом мы рискуем в случае отсутствия самолетов остаться на морозе без жилья.

3 августа

Наш тамбур не выдержал возложенной на него ответственности — в самый разгар пурги приходилось откапывать вход. «Дама с собачкой» (Олег Степанович) чуть не заблудился в пургу: спасла собака (кстати, ее имя тоже Пурга).

Прогнозов на улучшение погоды не предвидится.

5 августа

Ты посмотри, какая в мире тишь!
Ночь обложила небо звездной данью...
В такие вот часы встаешь и говоришь
Векам, истории и мирозданию.

Это странное совпадение.

Несколько лет назад в Антарктиде работал новозеландский ученый Грэм Биллинг. Потом он написал книгу «Один в Антарктиде» («Форбэш и пингвины»). Герой ее, орнитолог Форбэш, ведет научные наблюдения за пингвинами Адели и живет один в хижине на мысе Ройдс, в хижине, построенной еще экспедицией Шеклтона. Все в этом доме напоминает Форбэшу о людях, которые жили здесь полвека назад. Но сам он живет один. В течение долгих месяцев он прикован к этой хижине на мысе Ройдс. Прикован чувством долга.

Прикован необходимостью выполнить программу научных наблюдений.

В Новой Зеландии Форбэш оставил любимую. Она присылает ему письмо.

«Барбара прислала скопированное ее аккуратным почерком стихотворение Маяковского, написанное, по ее словам, накануне самоубийства:

Уже второй, должно быть, ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою...

.

Ты посмотри, какая в мире тишь!
Ночь обложила небо звездной данью,
В такие вот часы встаешь и говоришь
Векам, истории и мирозданию.

Она приписала: «Пусть никогда не случится это с тобой, Форбэш. Это слишком прекрасно, трагично, безнадежно. Не будь таким никогда».

Когда он лег спать, было далеко за полдень, небо на юге начинало темнеть, лед стал каким-то серым и мрачным, и шапка дыма над Эребусом густым столбом поднималась ввысь...»

...Лунная ночь. Чистое голубоватое небо. Голубая полная луна. Красный флаг на радиомачте и бесконечные голубые снега. Почему-то именно в такие вот лунные ночи чувствуешь изолированность, какое-то одиночество.

До Мирного четыре сотни километров, а это ближайшее населенное место. Задача для 5-го класса: пять человек на территории, равной Франции. Плотность населения... Скоро и она уменьшится. Из Мирного получен приказ: первым самолетом улетают Борис и Миша. Наша троица остается до второго самолета.

6 августа

Сегодня добит шурф! Глубина рекордная для Антарктиды — десять метров! Но зато ноет все тело, особенно руки.

От начальства получено новое приказание: всем вылетать первым самолетом, захватив вещи. Это столкнуло лбами интересы двух отрядов.

Я сохранял безмятежное состояние духа, по опыту зная, что до самолета может быть еще столько же ЦУ, сколько сеансов радиосвязи.

Погода чуть испортилась, небо заволокло облаками. Но сегодня мы наблюдали удивительно нежные небесные краски. Порой приходится остро сожалеть, что не можешь как-то зафиксировать то, что видишь.

Вот, например, сегодня: за какие-то полчаса снежная поверхность из сверкающей, как бы подсвеченной изнутри, превратилась в однородное матовое пространство вне измерений. Казалось, шагни — и окажешься за горизонтом. Человек по такому снегу ходит с трудом. Он не видит ни застругов, ни сугробов под ногами, все сливается.

8 августа

Уже двое суток пурга. Ветер не очень сильный, но постоянный, несет много снега. А главное — сугубо нелетная погода.

У нас осталось мало продуктов. До катастрофы, безусловно, далеко, но постепенно перешли на довольно ограниченную норму. Стараемся отсыпаться. За двое суток я проспал 28 часов. Из Мирного передают силь-

ную метель, ветер свыше 40 м/сек. Видимо, это один и тот же очень обширный и очень глубокий циклон.

Сегодня послал Юре Лобанову поздравления. Надеюсь, ему будет приятно. Кажется, это единственный мой товарищ, который не забывает о «ходящем вниз головой».

9 августа

Облака разошлись, вылезло солнышко, а вместе с ним и мы из палатки, щурясь от давно не виданного блеска. Но радость была недолгой — вечером плотные низкие облака опять скрыли небо.

10 августа

Опять пурга! Который уж раз за это время. Мне кажется, когда я буду читать свой дневник, вычеркну это слово, уж слишком часто оно встречается. Пурга серьезная, ветерок около 30 м/сек, порывы — неизвестны, зашкаливает прибор.

Сегодня пришлось дать в Мирный рдо такого содержания: «Короткевичу, Кричаку. Доводим до сведения, что на Победе осталось продуктов ограниченного ассортимента сроком на четыре дня. В случае невозможности посадки самолета, организуйте сброс». Мы не погрешили против истины: через четыре дня у нас останется только немного муки и масла. Но на помощь крупных надежд не возлагаем, в Мирном тоже пурга.

Лежу в спальном мешке, греюсь от керогаза и при свете аккумуляторной лампочки читаю «Сонеты» Шекспира в переводе Маршака. А снаружи непрерывный вой, стены палатки дрожат.

Павел Кутузов.

Только-только приехали.

В поземку среди трещин.

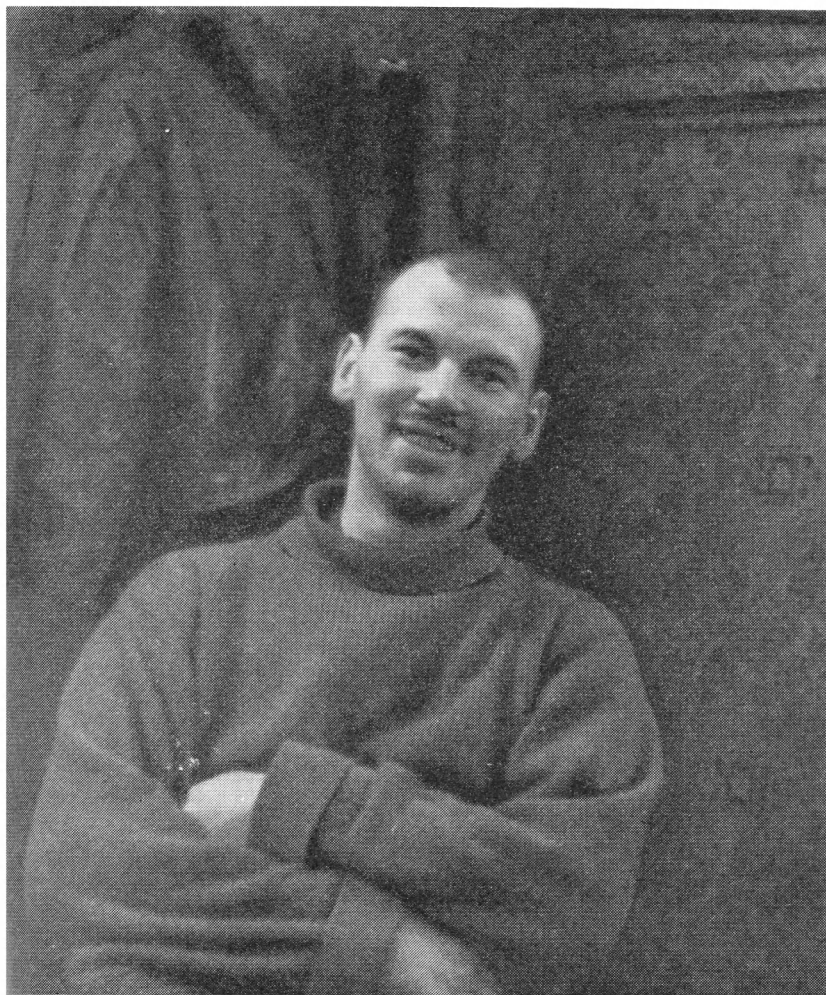
В связке.

На выносной станции.

Гил Дюарт и Павел Кутузов на выносной станции.

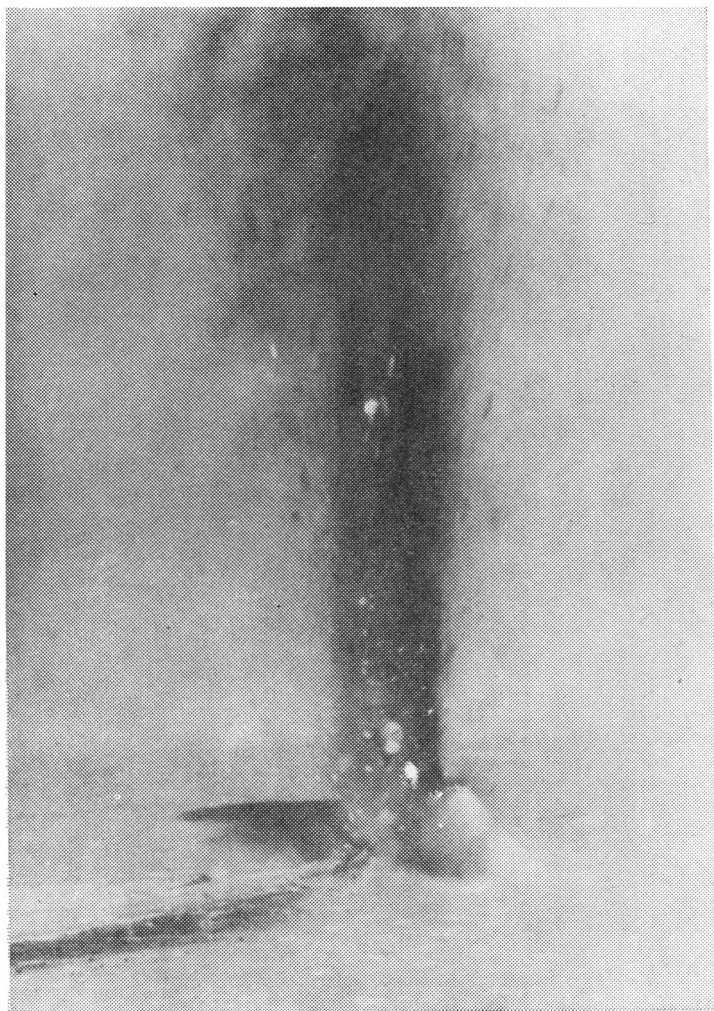
В Мирном.

1 Мая 1960 года в Мирном.

Боб Моисеев, Нарцисс Борков,
Гил Дюарт и Павел Кутузов.

Сейсмика.

А. П. Лазарев.

Ф. Ф. Беллинсгаузен.

Роберт Скотт.

we shall stick it out
to the end but we
are getting weaker &
colder and the end
cannot be far.
It seems a pity but
I do not think I can
write more -

R Scott

Last - Sunday -

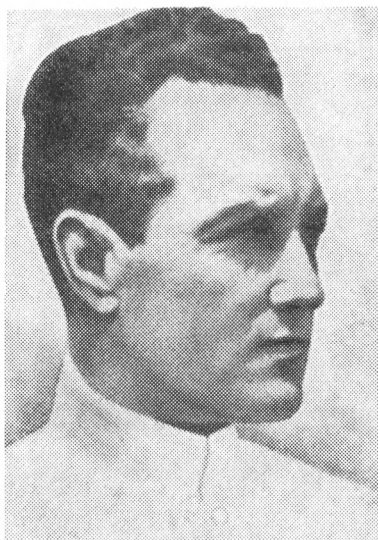
For Gods sake look
after our people

Эрнст Шеклтон.

Ричард Бэрд.

Дуглас Моусон.

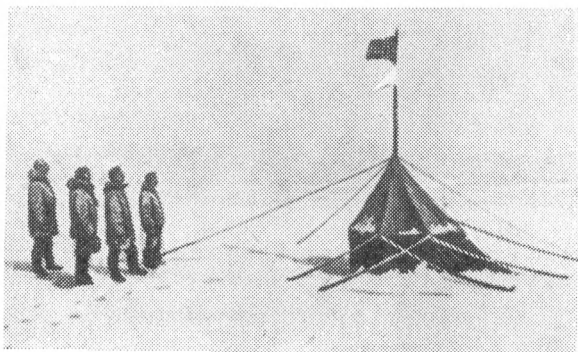

Карстен Борхгревинк во время плавания на
«Антарктике» в 1894 году.

Руал Амундсен
и участники экспедиции
на Южном полюсе.

11 августа

Вечером на радиосеанс пришел Короткевич и передал нам, что завтра — во что бы то ни стало — либо мы будем вывезены, либо нам будут сброшены продукты...

В январе 1956 года на рейде Мирного стояли «Обь» и «Лена», доставившие людей и снаряжение первой советской антарктической экспедиции.

Шла разгрузка. С припая на ледник по снежному откосу была проложена дорога, по ней беспрерывно ползли тракторы с груженными санями. Стояло антарктическое лето. Припай стремительно таял, штормы взломали его и унесли в море, оставив узкую прибрежную полосу с толщиной льда не более метра.

Катастрофа произошла 21 января.

Один из тракторов вблизи борта «Оби» прорезал гусеницей тонкий лед и, накренившись над проломом, застыл. Двигатель заглох. Тракторист успел выскочить из кабины.

Но никто не успел остановить другого водителя, Хмару. Смелчак бросился к повисшему над бездной трактору, влетел в кабину, завел мотор и включил скорость...

Послышался треск льда, шипение пара, и все было кончено. Глубина моря в этом месте составляла 72 метра.

Антарктика тогда взяла свою первую жертву.

На каменном мысу, вблизи места гибели молодого тракториста, был установлен позднее гранитный камень-обелиск, увенчанный золотой звездой. На бронзовой доске памятника надпись: «Ивану Хмаре. 1936—1956».

Но впереди было еще много работы, и приходилось рисковать...

12 августа

С содроганием приступаю к этой записи. То, что я запишу, еще не уложилось во мне, настолько все это страшно.

3 августа 1960 года, без сомнения, самый ужасный день в истории покорения Антарктиды.

В середине сегодняшнего дня к нам, несмотря на сильный ветер, сел самолет, пилотируемый Юрием Михайловичем Зотовым. Он привез страшную весть: сгорел метеотряд.

В ночь со 2 на 3 августа выбыл автомат на электростанции, что указывало на короткое замыкание в цепи. Дежурный механик Табаков стал поочередно звонить на все объекты, прося проверить исправность щитов. Дозвонился до метеодома. К телефону подошел О. Г. Кричак. После того как он открыл дверь, чтобы проверить щиток (щиток находился в другом, служебном помещении), Табаков услышал в трубку не то «горит», не то «горим», произнесенное спокойным голосом, и после этого на звонки никто из метеодома уже не отвечал.

Табаков разбудил начальника электростанции Ягодкина. В тот день была страшная пурга: на Мирный обрушился второй ураган. Порывы ветра превышали 60 м/сек. Когда Ягодкин с Соловьевым добрались до метеодома, они увидели страшную картину: из тамбура вырывалось желтое пламя, из аэрологической вышки, расположенной в 30 метрах от дома и связанной с ним подснежным туннелем, валил черный дым. Пока они добежали (при таком ветре) до ближайшего дома, где живут летчики, пока была поднята тревога и сбежался народ, было уже поздно.

Пламя летело из тамбура, вышки, дым полз сквозь снег, а люди ничего не могли сделать. Стояла рядом техника, стояла вся наша экспедиция. Кто-то попробовал сунуть лицо в окно вышки, но, глотнув раскаленных газов, свалился (отлеживался потом неделю). В районе окна начали пробивать шурф...

И тут увидели первую жертву. Василий Иванович

Самушков. М. н. с. *, аэролог. Самый тихий, самый скромный человек во всей экспедиции. Очень доверчивый, чем часто злоупотребляли. Дважды пытался попасть в антарктическую экспедицию...

Видимо, отчаяние придало ему силы, потому что он смог разбить огнетушителем окно, сделанное из прочнейшего стекла. Он пролез через окно в лаз, сделанный для того, чтобы окно не откапывать после каждой пурги. Но у него не хватило сил, чтобы поднять заваленный снегом лист фанеры.

Начали пробивать крышу. Люди работали в страшную пургу, ветер валил с ног, выкопанная яма сразу же забивалась снегом. Ломались лопаты. Как только пробили крышу, из дыры взвилось пламя. Чтобы не дать выход огню, пришлось яму забрасывать снегом. И так в каждом месте. Было ясно, что пламя схватило весь дом, что люди, находившиеся в нем, мертвы.

Прогорев, обрушилась крыша. Пурга помогала людям забрасывать снегом огненную яму...

В обед все сошлись в кают-компании. Никто ничего не говорил, шестьдесят человек молча сидели, и эта гнетущая тишина громче слов говорила о людском отчаянии. В три часа дня отряд вышел на первый аврал по раскопке дома. В доме было найдено еще шесть трупов.

Оскар Григорьевич Кричак был найден около двери в служебную половину дома. Видимо, как только он открыл дверь после телефонного звонка, его ударили раскаленные газы. Он упал и больше не поднялся.

Всех остальных поднял с коек пожар. Все они были найдены полураздетыми в своих комнатах. Леша Дергач, Олдржих Костка, Саша Смирнов были найдены под кроватями, где они, внезапно разбуженные надвигающимся огнем, пытались спастись от пламени и отра-

* М. н. с. — младший научный сотрудник.

вились газами. Христиан Попп и Толя Белоликов лежали рядом у окна, в котором нашли Самушкова. Видимо, они ждали, когда Василий Иванович вылезет. И не дождались. Христиан лежал, закрывая собой от огня портфель с документами, которые ему доверил Скайб перед вылетом на о. Дригальского.

Дольше всех не могли найти тело Игоря Попова. Ждали, что, может быть, это откроет тайну пожара, ведь все были найдены врасплох, спящими.

Игоря искали неделю. Разрыли туннель, трижды перекапывали всю площадь дома. Всю неделю ревела пурга, и каждый раз приходилось откапывать все снова и снова. 10 августа в аэрологическом туннеле, почти у самой вышки, нашли тело Игоря Попова. Видимо, пытаясь спастись из горящего дома, Игорь выбежал в подснежный туннель. Но и это не могло спасти его: из-за аэрологической вышки при таком сильном ветре в туннеле создавалась мощная тяга, и все газы, весь дым проходили через этот туннель.

Метеодом стал огненной подснежной ловушкой для всех его жителей.

Погиб Оскар Григорьевич Кричак, начальник аэрометеотряда, один из крупнейших советских синоптиков, человек большой культуры.

Еще на «Оби» он рассказал о созданной им схеме движения воздушных масс в южном полушарии. Здесь же он разработал и углубил свою теорию, подтвердил ее наблюдениями. Данные, передаваемые с выносных станций, привели его к поразительному результату. Оказывается, температурная карта Антарктиды определяется ее абсолютными высотами (влияние радиации, пример с Дригальским и Победой, то есть со станциями, метеоусловия которых не усложнены влиянием стока). Обо всем этом он собирался доложить на ученом совете

экспедиции, но не успел. Теперь, видимо, только я из экспедиции знаю о его последних идеях, потому что мы много говорили и спорили на эту тему.

Это был талантливый музыкант, композитор. Еще в Ленинграде, на прощальном концерте в Доме радио, исполнялась его лирическая песня «Белый айсберг». Музыку он написал во времена 2-й экспедиции на слова корреспондента «Правды» Введенского. Позднее им были написаны «Антарктический вальс», «Прощальная». Он был организатором ансамбля «Сосулька» и руководил им во 2-й и нашей экспедициях. Кроме того, у нас он вел музыкальный кружок, и если я умею играть на фортепиано и читать ноты, то это, безусловно, только его заслуга. Сам он отменно играл и на пианино, и на аккордеоне, баяне, мандолине, домре, скрипке, даже барабане.

Саша Смирнов. Мой друг, с которым так чудесно мы жили на о. Дригальского.

Дважды судьба словно предупреждала его. Первый раз — много месяцев назад, в Мирном. Он генерировал водород для радиозонда. Генератор взорвался. Лицо обгорело, только чудом уцелели глаза. И второй раз на о. Дригальского, через полтора месяца после моего отъезда. Вспыхнул бензин и опять обжег его лицо. Сашу вывезли досрочно.

Собственно, в ту трагическую ночь Саша должен был находиться еще у докторов, но Кричак попросил помочь в работе. Саша остался ночевать и остался навсегда.

О Саше можно бы писать и писать. Это был (ужасное слово «был») настоящий товарищ, на которого можно было надеяться как на самого себя, и даже больше. Не забуду никогда наших долгих разговоров под вой пурги. О жизни вообще, о друзьях, о наших планах после возвращения... Закроешь глаза — и видишь его лицо

с горящими, черными, очень острыми глазами... Трудно писать о Саше. Да и о ком легко?

Леша Дергач. На редкость жизнелюбивый человек. Человек, трудом прокладывающий себе путь в науку. Аккуратный до придиристичности, разносивший нас в пух и в прах за небрежную запись в экспедиционной книжке. Трижды пытался попасть в Антарктиду.

Олдржих Костка. Большой ученый. Начальник аэрологической службы Чехословакии. Глубоко образованный, владеющий несколькими языками. Прекрасный, чуткий товарищ, умеющий быть с людьми каким-то особенно деликатным. Увлечательно рассказывал, но очень увлечательно и слушал (он был, по-моему, единственным человеком из нашего английского кружка, которого заинтересовал мой рассказ о «ядершине»). А его трудолюбию, когда он ночами просиживал над составлением прогнозов, мог позавидовать любой.

Какая жестокая судьба у Дергача и Костки! Они просидели сто бурных опасных утомительных дней на выносной станции «Дружба» (Западный шельфовый ледник). Вернулись в Мирный — и на следующий день погибли.

Христиан Попп. Научный сотрудник Потсдамской геофизической обсерватории. Умный товарищ, отличный знаток всякой техники. Помню, как совсем недавно мы все вместе праздновали день его рождения. Кричак подарил тогда новорожденному немецко-русский словарь с забавным русско-немецким стихотворением для «виновника». Как только я преподнес ему платиновый термометр сопротивления, у нас тотчас же завязался разговор о термисторных автоматических измерителях и прочей премудрости. С гордостью он показывал свою технику.

И ведь какой парень! Зная, что погибает, нашел в себе силы взять портфель с документами и результата-

ми полугодовой работы группы немецких товарищей и, прикрыв своим телом, спас от огня. Такому самообладанию можно лишь позавидовать.

Белоликов Толя. Младший научный сотрудник, синоптик. Молодой парень и, как все молодые, горячий. Для солидности отрастил здесь усы, но подчас что-то детское так и проглядывало сквозь всю его солидность. Очень любил свою жену и, скрывая это, говорил о ней нарочито небрежным тоном. С ребятами держался как-то чуточку настороже, как бы ожидая шутки (а может, еще не совсем вошел в коллектив, ведь он только в марте прилетел со станции Лазарев).

Попов Игорь. Инженер-аэролог. Впервые заметил его в Ленинградском порту. Не заметить трудно, он всего на один сантиметр ниже меня. Тогда он рассказывал нам об Антарктиде, о Мирном. Он уже был здесь во 2-й экспедиции, но ничуть не важничал. Позднее мы узнали от него, что он одессит (единственный в экспедиции). Он любил рассказывать, как горячо встречала Одесса корабли 2-й экспедиции, любил мечтать о доме, сынишке, жене. Увлекался фотографией, в последнюю нашу встречу показал свои цветные диапозитивы. В прошлом году он окончил заочный Ленинградский политехнический институт (электромех) и даже жил в нашем студгородке.

Погибло восемь человек. Восемь человек за один день, за один час. Аэрометеорологический отряд как таковой перестал существовать. Остались в живых из отряда только Боря Дерюгин, Миша Калихман (жившие с нами на о. Победа — какое счастье, что нас не сняли раньше, ведь они тоже жильцы несчастного дома), Гюнтер Скайб (в этом тоже его счастье, его хотели снять днем 2 августа, но вылет самолета был отменен из-за урагана).

Иоганн Колбич может считать, что родился второй

раз. Ведь в ту трагическую ночь он был со всеми остальными в метеодоме, но в час ночи, несмотря на бешеный ветер и настойчивые уговоры всех друзей остаться переночевать, ушел сделать наблюдения и заночевал в домике Шапошникова, в 200 метрах от метеодома.

Настроение в Мирном подавленное.

Надо ли говорить, что такого еще не знала история этого материка. Вот уже три дня в Мирном стоит ужасный балок, в котором доктора производят вскрытия. Я стараюсь подальше его обходить. Я не хочу увидеть мертвых ребят. Пусть в моей памяти они останутся такими, какими я их видел всегда, какими видел их в последний раз.

Дуглас Моусон:

«Я лежал в спальном мешке рядом с моим мертвым товарищем, раздумывая о том, как при новых условиях я один буду действовать, когда придется сниматься с лагеря или раскладывать палатку. По-видимому, мало было надежды добраться до дома, до которого оставалось еще сто миль. Было удобно спать в мешке, но погода была ужасающая. Трудно было переносить бездействие. Я взял себя в руки и решил с честью выйти из борьбы.

Если мне и не удалось бы дойти до дома, то все же следовало попытаться достигнуть какого-нибудь выдающегося пункта, который могла бы заметить наша спасательная партия. Там можно было бы спрятать наши дневники. Итак, я начал приспособлять сани и лагерное оборудование, чтобы они отвечали новым условиям.

Небо продолжало быть затянутым, но ветер стих на несколько часов.

Я воспользовался возможностью начать работу над саними, распилив их пополам карманной пилой и выбросив задний конец. Мачта была сделана из одной перекладины, которая была уже больше не нужна, а поперечный брусок вырезан из другой. Наконец, и весь груз был урезан до минимума, так как я исключил все, кроме самого необходимого. Грустно сказать, но пришлось выбросить все оставшиеся снятые нами фотографические пластинки.

Поздно вечером 8 января я вынес из палатки тело Мерца, все еще оставшееся в спальном мешке, завалил его глыбами снега и водрузил грубый крест, сделанный из двух брошенных половинок санных полозьев.

9 января погода была пасмурная, и сильный ветер до 50 миль в час гнал густой снег. Так как у меня оставались еще некоторые дела, а шансы на то, что мне удастся поставить вновь палатку, если я снимусь с лагеря, были сомнительны, я решил отложить отъезд.

10 января встретило меня шумом ветра и густой снежной метелью. Отъезд мой снова был отложен. Я потратил часть времени на то, чтобы пересчитать оставшиеся продукты и приготовить кушанье из остатков собачьего мяса.

К концу дня ветер стих, и солнце выглянуло между облаками как раз в тот момент, когда я был в самом разгаре своей деятельности, заклеывая и связывая ломаную лопату.

11 января выдался тихий солнечный день. Я двинулся в путь по гладкой поверхности с легким уклоном вниз...»

21 августа

Сегодня хоронили ребят. В молчании шла вся экспедиция за трактором с саними, на которых стояло восемь гробов. По припаю траурная процессия дошла до «Острова вечной зимовки». Я впервые увидел этот остров мертвых. Он представляет собой крутой холм с уступами по склонам и почти отвесным пиком в центре. На этих уступах — каменные обелиски. Первый памятник поставлен Ивану Хмаре. Сам он, погибший первым, лежит на дне моря, на рейде Мирного. И почти все — молодые ребята: их возраст 18—30 лет. Лишь Кричаку и Самушкову за пятьдесят.

Был короткий траурный митинг, дали три залпа из карабинов и молча разошлись.

24 августа

Все последние дни работал так, как не работал в дни разгрузки «Оби»: восстанавливал установки, сгоревшие в метеодоме. Для этого нужно было протянуть 30-жильный кабель на 200 с гаком метров, провести его через дорогу. Для последнего пришлось пробивать траншею на дороге (пытался использовать и химию: $\text{NaOH} + \text{Al} + \text{снег}$, но малоэффективно), одевать на дорожную часть кабеля трубы и т. д. В промежутке между этими работами пришлось собирать из старья и налаживать одно- и трехточечные электронные потенциометры для оставшихся метеорологов (в качестве технического шефства). Здорово устал. Но доволен — основное сделано. Теперь осталось только подключить датчики.

30 августа

Несколько дней назад видел сосульку. И солнышко вроде бы стало чуть греть. Но это одна только видимость. Сегодня, например, типично зимняя погода: морозище и ветер. Бр-р-р! Нет, до весны еще надо дожить. А все-таки приятно: завтра оторвем лист календаря и будет 1 сентября.

Вчера ездили к провалившемуся в трещину АТТ. (А я-то на Победе надеялся, что его вытащат за время нашего отсутствия и нам не придется участвовать в этой мелодраме.) Были приняты некоторые предосторожности: когда въехали в зону трещин, тракторист вылез из машины и трактор повели под уздцы (привязали две веревки к рукоятке газа). Предосторожности

были не лишни: не дойдя 150 метров до АТТ, наш трактор ухнул в трещину. Придержала его только волокуша, нагруженная бревнами. Дыра такая, что холодок пробежал по коже, когда мы заглянули в эту лохань. Пока долетишь, можно целую прощальную речь сказать.

Но главная неприятность в том, что снежный мост всего сантиметров сорок, так что троих вместе он уже вряд ли выдержал бы. Мы же, глупцы, не захватили даже веревок для связки. Однако все обошлось без ЧП. Более того, по всем этим местам ходили, бегали и даже вручную таскали бревна without any unpleasant emotions *. Привыкли.

Еще день усилий, и завтра будет запущена вторая установка.

7 сентября

Да, сегодня уже седьмое. За эти дни многое сделано. Запущена вторая установка, запущена с великими муками. Приходилось часами (!) лежать на снегу при сильной поземке и даже метели и голыми пальцами подключать контакты. Слава аллаху, все это уже позади. Но здешняя хитрая природа приготовила мне неприятный сюрприз. Мой 200-метровый кабель при ветерке со снегом приобретает такой электростатический заряд, что все мои отсчеты ползают. И никакими мерами пока это не удастся устранить.

Все дни — гнуснейшая погода. Каждый день пурга. Весна это или нет, в конце концов!

Может, это погода, а может, просто конец зимовки, и у людей подрастались нервишки, а скорее — и то

* Без каких-либо неприятных эмоций (англ.).

и другое, но у нас стали часто вспыхивать ссоры. Ссорятся из-за мелочей, по пустякам, но все проходит бурно, чуть ли не до драк. У меня было все тихо и спокойно. Было. Потому что сейчас нет. Сейчас не разговариваю с И., стараюсь не иметь с ним ничего общего. Но это трудно, ведь он начальник нашего отряда и дел общих до черта. Началось по мелочи, из-за паршивой двери в тамбур, открытой ветром. А кончилось тем, что он отрезал электропроводку в мою лабораторию и оставил все приборы без питания. Нет худа без добра: потратив полтора суток, я сменил проводку на свинцовый кабель (а так когда бы я взялся за это дело!). Но отношения с ним весьма крупно испорчены. Кажется, теперь он втихомолку раскаивается в содеянном, пытается заговорить, но дудки! И глупо, и ничего не поделаешь*.

Все это тем более печально, что вопрос о поездках может считаться уже решенным, и мне с И. придется работать в поезде со станции Лазарев. Перелет туда намечается на середину октября, но, видимо, как всегда, проекты будут нарушены. Например, в эти дни по плану мы должны были лететь на Западный шельф и Победу, но погода вносит свои поправки (два дня назад было опять 60 м/сек.).

* Австралийский ученый Ф. Лоу, изучавший особенности жизни в длительных антарктических экспедициях, писал: «Я знаю немногих людей, которые не получили бы значительной пользы от года, проведенного на антарктической станции. Большинство людей при соприкосновении один на один с величественной природой испытывают минуты душевного прозрения и находят некоторые философские принципы, которыми могут руководствоваться при возвращении к обычной жизни». Однако, по мнению Ф. Лоу, жизнь «изолированного общества», каким является каждая зимовка в экспедиции, отличается повышенным психологическим напряжением. Психологическое напряжение усугубляется физиологическими факторами, вызванными изменениями того, к чему привык организм в умеренных широтах. Серьезное воздействие на психику оказывают постоянные ветры, борьба с холодом. В этих условиях даже небольшие индивидуальные странности могут вызвать растущее раздражение, а безобидные поступки повлечь серьезные обиды...»

Только что закончилось партийно-комсомольское собрание. На повестке дня стоял вопрос о «весенних полевых работах». Дебаты развернулись ожесточеннейшие. Расскажу коротко суть дела.

Гвоздь полевых работ — санно-тракторные гусеничные поезда. Они предполагаются быть следующими: первый поезд в составе трех АТТ с горючим идет через Комсомольскую на Восток. Там эта старая, отслужившая свои ресурсы техника бросается, и отряд пересаживается на две «Харьковчанки» и один АТТ, вернувшиеся с Южного полюса во времена 4-й КАЭ. Из Востока поезд отправляется в направлении Полюса относительной недоступности, имея как идеал цель — через ПОН пройти в Лазарев.

Навстречу этому поезду из станции Лазарев через горы Земли Королевы Мод должен выйти второй поезд в направлении ПОН. Где-то в глубине Антарктиды должна произойти встреча поездов...

Задачи страшно трудные. Восточный поезд идет на старой технике, Западный (с Лазарева) на новой, но у АТТ нет уширителей, и они вязнут. Кроме того, лазаревскому поезду надо пройти (а предварительно отыскать проход) через зону гигантских трещин и пересечь горный хребет с высотой около трех тысяч метров, то есть пройти там, где никто никогда не ходил и, может быть, ходить нельзя.

Но не это вызвало разногласия. Физических трудностей и лишений люди не боятся. Дело в том, что авиация берется поддерживать поезда только до гор, ибо сразу же за горами купол имеет высоту свыше четырех тысяч метров и наши ЛИ-2, сев на купол, уже не смогут взлететь. Таким образом, поезда остаются факти-

чески без поддержки на расстоянии около двух тысяч километров. Что это значит, все мы представляем довольно ясно: несколько случаев острого приступа аппендицита уже было в нашей экспедиции. Есть еще одна опасность — заболеть пневмонией из-за обмороживания легких. Как правило, при походах внутри континента (советских и иностранных) не только заболевших воспалением легких участников, но людей с каким-либо признаком этой болезни немедленно вывозят самолетом. Немедленно, ибо на такой высоте болезнь проходит скоротечно и всегда с печальным исходом.

Все отлично сознают эту ситуацию, и собрание раскололось. Одни считали: выбросить из похода неконтролируемый переход Восток — Лазарев, другие, в том числе и начальник экспедиции, считали, что без риска в Антарктиду нечего было и ехать. Я придерживаюсь того же мнения и с удовольствием принял бы участие в этом походе, но думаю, что Короткевич сдастся и изменит планы, ибо происшедшая трагедия заставляет с большим уважением относиться к технике безопасности.

Боюсь, что мы начинаем впадать в другую крайность.

Сегодня удалось вытащить из трещин провалившиеся АТТ и трактор. Сие произошло без моего участия: я отсыпался после ночного дежурства. Правда, ночь не пропала даром, так как я устроил грандиозную стирку.

12 сентября

Только здесь бывает так: с утра дул штормовой со-рокаметровый ветер, так что я мирно спал до десяти, а к обеду стих, и погода превратилась из разъяренного дикого зверя в кроткое домашнее животное. Ясное, голубое небо, тишина и жгучий мороз.

Воспользовавшись чудесным деньком, мы с Вовкой Максаковым решили навестить пингвинов. (Ибо что ж это такое! Московское радио передает, что в Антарктиде новая колония пингвинов, а мы, так сказать, местные жители, еще не видели ее.)

Е. С. Короткевич составил описание фауны и флоры Антарктиды, в частности, района Мирного. Животный мир представлен здесь довольно скудно и однообразно: пять видов тюленей и одиннадцать видов птиц, в том числе императорские пингвины. Это довольно крупная птица, высотой около метра и весом до сорока килограммов. Колонии императорских пингвинов велики, до десяти тысяч птиц. Императорские пингины были открыты Ф. Беллинсгаузеном в 1820 году. По мнению Е. С. Короткевича, «императорский пингвин — наиболее интересная птица не только Антарктиды, но и всего земного шара».

Возможно, в этом заявлении больше страсти профессионального полярника, нежели точности научных формулировок орнитолога. Но так ли это важно? «Пингины служили никогда не иссякавшим источником забавы и интереса, — писал Дуглас Моусон. — Большим развлечением было провести полчаса среди них в одной из ближайших колоний. Эти смешные маленькие создания (Д. Моусон пишет о пингвинах Адели), драчливые до крайности и всегда игнорирующие человека, несколько не боялись его, а, напротив, приближались к нему, решительно и дружески поклевывая его в ноги. »

Оказалось, что идея навестить пингвинов блеснула не только в наших умах, так что пингины рассматривали и обсуждали на своем птичьем языке целую делегацию из восьми двуногих.

Радио не обмануло: колония «императоров» почти удвоилась.

Эти маленькие пингвинята ничуть не менее интересны, чем их солидные родители (правда, они сейчас потеряли свою бочкообразность: нелегко провести долгую антарктическую зиму, пользуясь только старыми запасами). Пингвинята, как и положено малышам, одеты менее строго, чем их чопорные, всегда готовые к свет-

скому рауту папы и мамы. Вместо фраков и манишек на них этакие балахончики голубого, дымчатого цвета, и, как положено в Антарктиде, весной и летом — темные очки. Устроились они недурно — каждый в кожаном мешке папы (или мамы), как у кенгуру.

Взрослый пингвин осторожно передвигается на пятках своих лап, придерживая носками мешок с птенцом. Когда птенец захочет есть, он высовывается и начинает орать. Нежный родитель сразу же затыкает своему отпрыску рот отрыгнутой пищей. Иногда птенец вываливается или удирает от папы и мамы. Тогда на этого осиротевшего ребенка наваливается толпа любвеобильных взрослых из числа не имеющих птенцов, и каждый старается запихнуть его в свою сумку. Иногда такая свалка оказывается печальной для ее виновника.

Но иной раз эти взрослые проявляют поразительное равнодушие к своему детищу. Мы видели, как взрослый пингвин, потеряв птенца, уходил от него, не оглядываясь, оставляя его на морозе. Но птенец не пропадал, находилась добрая душа, заменявшая ему родителей.

Под конец прогулки мы с Вовкой забрались на айсберг. Обратно спускались, используя метод, предложенный (для определения покатости земли) В. В. Маяковским. Когда уже шли по припаю, на айсберге что-то ухнуло, видимо, образовалась новая термическая трещина. В общем, день прошел интересно и приятно, не считая помороженной щеки у Володьки.

13 сентября

Сегодня разорвалась бомба: стало известно, что Короткевич получил из Ленинграда новые указания. Вечером после кино собрался весь наш отряд (без Гила, ему

решили пока не говорить). Начальство предписывает нашей экспедиции, ввиду слабой технической обеспеченности (авиации и транспорта), полностью закрыть Западный научный поезд (со станции Лазарев) и поезд с Востока. Вместе с тем нам вменяется в обязанность полностью на весь следующий год обеспечить Восток горючим (для чего придется гнать туда поезд), пригнать в Мирный с Востока «Харьковчанки», оставленные там четвертой КАЭ. В районе станции Лазарев отыскать новое место для переноса туда станции с учетом аэродрома для самолетов типа ИЛ-18, ТУ-104, «Украина» и т. д., а также наземный проход к новой станции.

Все эти новые указания в корне подрывают наши прежние планы.

Короткевич заявил, что не согласен с радиограммой, будет бороться и отстаивать прежние планы. Лично я думаю, что из этого ничего путного не выйдет.

На собрании мы выдвинули ряд мер, которые бы могли смягчить нанесенный нам удар (ведь почти все мы хотели принять участие во внутриконтинентальных походах, да это и записано в программах наших работ). Мы предложили оставить работы по изучению лазаревского шельфа (они будут вестись тремя людьми на вездеходе ГАЗ-47), а на этом побережье пустить два поезда: один транспортный с горючим, идущий на Восток, повезет с собой гравиметриста и магнитчика; в это же время отправится с Востока в Мирный поезд из «Харьковчанок». Люди в него будут заброшены на Восток самолетом из Мирного. Это будет наш основной научный поезд, он пройдет в стороне на несколько сот километров от прежних маршрутов. Этот поезд под большим сомнением, ибо в рдо предусматривается «наука» только с Комсомольской, но все-таки он реален. Для меня хорошо то, что если этот поезд состоится, то в нем

пойду и я. По прежнему плану предполагалось, что меня пошлют в район Лазарева, но «восточные» варианты всегда привлекали меня в большей степени.

17 сентября

Вот уж скоро месяц, как нет рдо.

22 сентября

Через семь с половиной часов солнце войдет в плоскость экватора. И с послезавтрашнего дня оно перейдет в наше южное полушарие, и дни станут длиннее, чем ночь. Все это несколько абстрактно, но приятно.

А в жизни — обычные будни. Непрерывно дует пурга. Не сильная, не слабая, всего баллов под восемь, она тем не менее срывает сентябрьский график работ, портит людям настроение своим зимним завыванием. Вот уже несколько раз переносится дата вылета геологов на Лазарев, сорваны наши планы относительно Западного шельфа и острова Победы, ставится под угрозу снабжение горючим станции Восток, не делается аэрофотосъемка.

А снег все летит, летит, и нет ему никакого дела до людских программ и треволнений.

Что еще процветает в Мирном, кроме обычных стационарных наблюдений, — это авралы. Они почему-то участились и стали более надоедливыми. Недавно мне пришлось целый день провозиться с АТТ. Но нет худа без добра. Водитель этой машины стал обучать управлению. Таким образом, первым из движущихся агрега-

тов, коим я стал управлять (не считая велосипеда), была махина в пятьсот лошадиных сил. Путные люди начинают с мотоцикла и кончают машиной. Если начал с АТТ, то чем же я кончу?

Затянувшаяся, нелегкая зимовка сказывается на здоровье людей. Половина Мирного сосет валидол, у многих шалют нервы. У моего соседа Миши какие-то спазмы по ночам, он задыхается и иногда этим сильно пугает меня.

У меня пока все отлично. Правда, побаливает левое запястье (у многих из участников нашей КАЭ было неблагополучно с суставами в первые же дни антарктической жизни), но уверен, что все скоро пройдет.

Получил пару рдо. Очень удивила одна из них, подписанная неизвестными мне «друзьями-москвичами». Приедем в Союз — разберемся.

Уже шел сентябрь, стояла антарктическая весна, полярники готовились к походам в глубь континента.

Для многих участников экспедиции эти походы были главной научной целью, или, точнее, главным средством решения научных задач на ледовом континенте. Каждый шаг, каждый километр по белому безмолвию открывал Неизведанное.

Павла Кутузова увлекал вперед еще и азарт молодости, неукротимое стремление увидеть своими глазами дикие просторы таинственной страны, описанной антарктическими путешественниками с яростным темпераментом.

Вспомните Эрнста Шеклтона:

«Мало кому из людей выпадает на долю увидеть землю, которой никогда еще не видал глаз человека; поэтому не только с захватывающим интересом, но и не без некоторого внутреннего трепета наблюдали мы эти новые хребты гор, возникавшие среди великой и неведомой страны, расстилавшейся впереди. Это были могучие пики, покрытые вечными снегами у основания и высоко поднимающиеся к небу. Кто скажет, что еще откроется нам на пути к югу, какие чудеса могут там таиться. Воображение разыгрывалось вовсю, пока какое-нибудь препятствие на пути, острое чувство голода или

ощущение физической усталости не возвращали нас к непосредственным нуждам действительности. Когда день за днем перед нами вырисовывались в мрачном величии все новые и новые горы, нас все сильнее охватывало сознание собственного ничтожества. Мы были всего лишь крохотным черным пятнышком, медленно и с трудом ползущим по белой равнине, напрягая свои слабые силы в попытке исторгнуть у природы ее тайны, сохраненные неприкосновенными в веках. Все же стремление узнать, что лежит дальше, не остывало, и долгие монотонные дни пути по поверхности барьерного льда были наполнены впечатлениями от постоянного появления новой горной страны на юго-востоке...»

**ТЕТРАДЬ
ТРЕТЬЯ**

25 сентября

Вот уже два дня стоит чудесная погода. Стихли метели, яркое, довольно высокое солнце, голубое небо, голубой лед.

Вчера мы с Мишей отправились по припаю на вездеходе. Задача довольно нудная — промеры льда, но с далеким прицелом. Данные этой разведки необходимы для «Оби». Правда, к тому времени, когда она будет пробиваться, толщина льда изменится, но все-таки незначительно. Сейчас толщина льда около 170 сантиметров, и говорят, что это аномально мало.

Сегодня улетел самолет на Лазарев. Вместе с экипажем — геологический отряд, всего 15 человек. Но в Мирном сразу стало пустынное. Полевые весенние работы начались, а до прихода корабля осталось около трех месяцев, или семь бань (не считая сегодняшней).

27 сентября

Сегодня второй День мира *.

В Мирный пришла масса заказов от всяких газет, журналов, разных уважающих себя организаций на информацию об этом дне. А как назло, день совершенно заунывный, никаких даже псевдогероических дел. Я, например, до обеда продолжал возиться с приборами для метеотряда, а после обеда сражался с Володией Максимовым in chess. Счет 5:1 в мою пользу. Но, вероятно, это не будет отмечено ни в каких летописях.

* Первый был проведен 27 сентября 1935 года по инициативе А. М. Горького.

Погода склонялась к пурге* (кстати, сейчас она уже задула), и герои-полярники отсыпались в преддверии своих подвигов.

Вечером состоялось открытое партсобрание (продолжение последнего) на тему о задачах нашей экспедиции. Многие изменилось в наших планах с тех пор. В частности, уже утверждены и стали руководством к действию все те изменения, о которых я, кажется, уже писал в дневнике. Утверждены составы. Я улетаю в Лазарев. Нельзя сказать, что особенно радуюсь этому, меня более привлекал бы Восток, но возможность прожить без шефа оставшееся до кораблей время является чрезвычайно привлекательной.

Сроки грузового поезда до Востока и обратного с «наукой» очень напряжены, так что могут оказаться блефом все разговоры о научном поезде. К тому же на Лазареве есть возможность пробраться к горам Земли Королевы Мод и, возможно, участвовать в выборе места для новой станции. Все это интересно. But, it's possible, that i shall do nothing**.

Сегодняшний, в общем, не столь уж дурной день, омрачен известиями от Барабанова.

Его самолет вылетел из Моусона, держа курс на Сёву. Через полтора часа полета в трехстах километрах от Моусона у ЛИ-2 вышел из строя мотор. Самолет сел на вынужденную на припай. После осмотра и починки пытались взлететь. Не получилось. Последние, двухчасовой давности новости: слив 300 килограммов бензина, Барабанову удалось подняться, и он вернулся назад в Моусон.

* И опять пурга вне зависимости от смены времен года. Такова Антарктида. Дуглас Моусон отмечал: «Мы поселились на краю неизмеримого материка, где ледяное дыхание большой полярной пустыни, увеличивая сокрушительную силу вечной пурги, гнало морские волны к северу. Мы открыли проклятую страну. Мы нашли царство пурги и ветров».

** Но возможно, что я ничего не сделаю (англ.).

На душе смутно. Уже давно не было радиogramм с Большой земли. Создается впечатление, что всеми забыт, и это обидно. Хуже всего, что падает настроение, а с ним — и желание работать. Но главное — не вешать носа и помнить, что до Нового года осталось меньше трех месяцев, а там — и на корабль, а там — и дома (правда, до последнего «там» еще полгода!).

Ближе к лету антарктическая природа как бы расцветает, набирает сильные и сочные краски. Тут бывают такие закаты, что невозможно ни написать, ни описать. Недавно был закат с пурпурными облаками на зеленом небе — все зимовщики застряли перед каюткомпанией.

Сегодня был аврал по заготовке пельменей для похода. По радио было объявлено: «Принимают участие все желающие. На собственную потребу идет десятая часть от общего числа приготовленных. После аврала — торжественный ужин».

Я не собирался принимать участие в добровольном аврале, так как сыт по горло и обязательными. Так думал не только я один. Но как-то так получилось, что, оставшись в кают-компании после ужина, просто из любопытства принял участие в этом предприятии. Собралось нас человек тридцать, работа (если так можно назвать) шла весело, дружно. Необязательный труд куда привлекательнее обязательного! Наша отважная семерка вылепила больше 1000 пельменей. Поначалу это были какие-то аляповатые уроды, но потом многие из нас стали проявлять «скульпторское дарование». Ну а потом торжественный ужин с разбавленным спиртом, а на закуску — пельмени.

11 октября

Второй день работаем на Западном шельфе. И уже два дня стоит идеальная погода. На небе ни облачка. Живем, как и раньше, на станции Дружба. Правда, в марте мы жили в палатке КАПШ-1, теперь же разбогатели, живем в КАПШ-2 (она вдвое больше). Правда, раньше мы работали всемером, теперь же нас летает на точку четверо. Пятый остался в лагере и обрабатывает результат, двое (Гил и Евстигнейч) летают на «Аннушке» с гравикой и магниткой.

Нагрузка очень велика. Вчера сделали одну точку, сегодня — две. Несмотря на мороз, работаем в одних свитерах, причем рубашки не просят. Летаем на работу сразу двумя самолетами: АН-2 и ЛИ-2.

Сегодня ЧП — в полете отказал двигатель у АН-2. Пришлось совершить вынужденную в районе трещин. Обошлось благополучно. Опять же сегодня, при растягивании сейсмокося Гил и один из авиаторов провалились в трещину. И опять же благополучно.

18 октября

Прилетели с Западного по настойчивому вызову начальства: поезд обещает быть вне Мирного с 20 октября. Да и толку от нас было маловато. После двух дней работы погода испортилась, и пять дней мы сидели в палатках.

Между прочим, именно в эти дни у нас установился хороший контакт с летчиками. И они оказались очень неплохими людьми. Особенно интересна личность Пименова, начальника авиаотряда. Интересны его трансконтинентальные перелеты во время войны.

В Мирном сплошные авралы, поезда готовятся к походу. Короткевич проявляет твердость. Я занимаюсь косой. Почти готова. Завтра улетаем на остров Победу. Собираемся ненадолго, но как там получится, ведает лишь здешний бог.

У радиোগрамм с Большой земли изменился тон. В них не хватает самого важного. Причина может быть только одна.

19 октября

Сегодня мы были подняты со своих постелей в начале пятого. Но летчики перестраховались: вылетели только в шесть.

Прибыли на Победу около девяти. Станция почти полностью занесена снегом. Сделали сейсмику и собрались взлететь. Не тут-то было! Чрезвычайно рыхлый снег не отпускал самолет, и его скорость при разбеге не превышала 70 км/ч. Перегрелись моторы, мы встали. Оставалось только одно: облегчить самолет. Выбросили все что было можно, слили часть горючего. После поистине мучительных попыток (вспомнили о Дригальского, когда пришлось садиться в самолет на ходу) оторвались.

От дальнейших работ на Победе пришлось отказаться: очень мало бензина, и небо в облаках. Полетели домой.

20 октября

Ни поезд, ни «Обь» в этот день не вышли. Кажется, все перенесено на двадцать пятое. На этот же день назначен и вылет самолета на станцию Лазарев, а значит: «Прощай, Мирный!»

Завтра летим на Победу. Без И. Так лучше. Опять же завтра (вероятно, в самолете) у меня будут принимать экзамен по взрывному делу (теорию), а непосредственно на сейсмостойке пройдем и одновременно сдадим практику.

Вчера экипаж Зотова на ИЛ-12 летал на Восток для сброса продуктов. Слетали удачно, сбросили неудачно.

Еремеич (штурман) плохо рассчитал поправку на ветер, и контейнер отнесло на несколько километров от станции. Пока искали, восточники сожгли две бочки горючего (а у них и без того оно практически кончилось), поморозились (ведь мороз около минус 60 градусов).

Сидоров прислал разгромную радиограмму Короткевичу и экипажу.

21 октября

Утром поднялись и полетели на Победу. Ну до чего ж каверзный остров! Опять над ним, и только над ним, нет погоды. Нет погоды — это значит, что просто не видно солнца. В таком случае совсем не видно снежной поверхности, то есть видна только матовая белизна, а сколько до нее, метр или сто метров, не видно. Полагаться же на радиовысотомер в Антарктиде совершенно нельзя, ибо он врет здесь на сотни метров.

Повернули назад к Мирному. В воздухе получили указания лететь на Западный шельф, в район горы Гаусс. Там сделали пару точек, причем мне пришлось начать практику взрывника (какие только специальности здесь не приобретешь!). Затем завернули и сели на старый, знакомый купол (выносная станция Дружба).

Итак, за день проделан путь туда и обратно на 800 километров от Мирного по обе его стороны. Итого

1600. Планы на завтра прежние: пробиваться к Победе. Если не получится, послезавтра. Если опять не получится — после послезавтра. И если опять не получится — все. Так наша экспедиция и не узнает, остров ли это или гигантский айсберг!

23 октября

Вчера удачно слетали на Победу. Нет, остров по-прежнему был закрыт, но местами облака были тоньше и поверхность была видна. На самом острове сделали две комплексные точки. Я был уже в новом ампула.

Затем слетели с острова на морской лед, пытались сделать гидрологический промер и «привязать» его к сейсмике. Засадили на глубине четырех метров американский керновый бур. Механические попытки вытащить ни к чему не привели.

Тогда вылили в скважину ведро авиационного бензина и подожгли. Забавно видеть горящий снег. Бур вытащили. Чтобы загасить пламя из скважины, Вовка Максаков прямо сел на нее. Ничего, только немного пожег кожу штанов.

Вернулись в Мирный, сходили в баньку (сделали специально в субботу для походников).

Сегодня на вторую половину дня намечался выход поезда. Теперь уже совершенно точно известно, что я в нем не участвую. Вчера И. разговаривал с Короткевичем на тему о моем участии в поезде. Короткевич лестно отзывался, но отклонил предложение («нужны и в Лазареве»).

Поезд сегодня не вышел. Это и правильно. Ребята сумеют хоть немного отдохнуть от подготовки. Я сегодня осматривал все три АТТ. Сколько сделано за эти

дни. И балки и сани! Все масштабно и монолитно. Можно с уверенностью сказать, что нет в Мирном человека, который бы хоть немного не приложил рук к этому делу.

Завтра в 10.30 три АТТ с тремя санями и двумя балками отправятся в глубь Антарктиды...

24 октября

Утром проводили ребят в поход.

Мирный совсем опустел, в столовой нет привычного шума, «козлятники» не ждут своей очереди сесть за стол, в кино приходит лишь кучка рьяных любителей.

Наконец-то сегодня определилось, кто едет со мной в Лазарев. И в лучшем для меня варианте: со мной летит Нарцисс. Более того, стало известно, что вторым, точнее третьим, по общему счету самолетом в Лазарев летит и Безукладников. Таким образом, из всего нашего отряда в Мирном остается лишь Миша.

Причина эта стала ясна из высказываний Короткевича.

Оказывается, он собирается в обход присланных директив все-таки организовать Западный поезд, то есть поезд со станции Лазарев. И даже предполагает пройти от старой станции через новую и далее через горы Земли Королевы Мод... Всего около 500 километров, расстояние сравнительно небольшое, но трасса чрезвычайно сложная, изобилующая трещинами и гигантскими разломами.

Что ж, все это меня только радует.

Днем Безукладников предложил мне в оставшиеся до отлета дни полетать с ним на «Аннушке». Он займется гравикой, я магнитными наблюдениями. Я согласил-

ся, но, возможно, наши планы сорвет погода: кажется, со стороны Западного шельфа идет циклон.

А вообще-то в последнее время стоит просто великолепная, типично весенняя, даже летняя, погода. Люди ходят без «каэшек» и шапок, и все немилосердно обгорают. Антарктическое солнце гораздо злее на загар, чем экваторское. Стоит день пробыть на улице, как лицо становится красным как кирпич, и от него, как от печки, несет жаром. На Лазареве будет еще хуже. Я вспоминаю свое первое знакомство с этим солнышком там же. Помнится, я с трудом мог есть, ибо мои губы были сожжены.

26 октября

Уже второй день живем как-то непривычно спокойно — чем хочешь, тем и занимаешься. И честно говоря, работа ничуть не страдает.

Вчера опять летали на Победу. Впервые я видел этот остров открытым со всех сторон. Ясное, чистое небо. Даже сверху это очень интересное место. Ближе к северной части острова имеется куполок, окруженный со всех сторон ложбиной. Примерно в центральной части остров пересечен гигантской трещиной, вернее, это даже разлом. Остров большой, на его территории уместилось бы десятка полтора «дригальских» островов, так что его открытие — немалый плюс для нашей экспедиции.

Правда, во всем этом деле есть одно смущающее обстоятельство. Сейсмика установила, что, по крайней мере, в двух местах имеется граница Лед — Грунт, без прослойки воды. Когда же вчера мы с Евстигнеевым (он с гравикой, я с магниткой) прилетели туда на «Аннушке», то убедились, что во многих местах (а нами было сделано 15 точек), пузырьки в уровнях (да и шкалы

приборов) колеблются, как если бы мы находились на шельфовом леднике. Видимо, значительная часть этого острова все-таки плавает.

Окончательный ответ, что это такое, может дать более тщательная отработка результатов сейсмоки и гравитики. Скорее всего это гигантский айсберг, отколовшийся от ледника Шеклтона и севший на мель. Менее вероятно, что это ледяной остров, имеющий свой собственный шельфовый ледник.

На обратном пути впервые сел за штурвал самолета. Правда, лишь на месте второго пилота и под неустанным контролем Сани Сафонова, но все ж немного вел самолет.

К посадке, конечно, не допустили.

28 октября

Утром мы с Нарциссом должны были лететь на актинометрический разрез атмосферы и разведку погоды. Дело в том, что на время перелета Мирный — Лазарев начальник метеотряда Боря Дерюгин прочит Нарика и меня в актинометристы (вообще-то, правильно, что ж просто лететь пассажирами), и сегодняшний полет был задуман как наша тренировка.

Перед полетом у нас было препоганое настроение. Когда мы спускались с барьера на припай (туда сейчас перенесен аэродром), увязавшаяся за нами Пулька (она же Лэди) ухнула в трещину. Мы знали, что вчера примерно в том же месте провалились две собаки: соседский пес Пират и Пурга (она была с нами на Победе). Пирата удалось достать, Пурга же погибла. Самолет ждал нас, и нам ничего не оставалось делать, как сообщить в Мирный о случившемся и улететь.

Мы так и сделали. Чтобы были приняты все меры, мы позвонили Короткевичу. Когда вернулись, настроение приподнялось: Пулька была благополучно извлечена.

Наш полет выглядел совсем как увеселительная прогулка. Да, собственно, так и было. Работать пришлось всего каких-то пару часов (из семи), да и то у прибора были по очереди, ведь нас было трое. Остальное время летали на бреющем над айсбергами, рассматривали их, пингинов и тюленей, затем сели на припай.

Наблюдали интересные картины, создаваемые миражем. Откуда-то появлялись купола, даже горы, айсберги превратились в остроконечные средневековые крепости с башнями, некоторые из них висели в воздухе и были созданы из математических знаков больше — меньше (<<<< >>>>). Затем поднялись на три тысячи метров. Там мы увидели под собой (меж самолетом и снежной поверхностью) ложное солнце. Видимо, оно образовалось из преломленных и разложенных дисперсией на легких облаках солнечных лучей, отраженных от поверхности снега.

29 октября

Уходящая зима дает бой, видимо, последний. Но этот бой превосходит своей ожесточенностью многое уже виденное мною.

Еще в полдень, несмотря на плотно закрытое небо, ничего нельзя было сказать о надвигающемся урагане. Даже барометры вели себя спокойно. Но погода в Антарктиде характерна тем, что разные изменения ее могут происходить буквально в течение получаса. Так и сегодня.

Ураган буквально ударил по Мирному. Ветер про-

должает крепчать и сейчас. Только что окончилось кино, и расходиться было чрезвычайно трудно: ветер валит с ног, к тому же на расстоянии руки уже ничего не видно.

Наш тамбур впервые за все время своего существования не выдержал. Преодолев сопротивление двери (вдвоем!) и войдя внутрь, мы убедились, что все забито снегом, просочившимся через какие-то микроскопические щели.

С иностранных станций по обе стороны от Мирного сообщают, что у них тоже очень сильная пурга.

2 ноября

Как приятно, что уже ноябрь. Но как-то не чувствуется здесь приближения праздников, нет такого приподнятого, немного ждущего настроения. Собственно, мы ждем не только праздников, но и выхода «Оби». Официальные каналы молчат, а неофициальные — перенесли срок с 20 октября на 2 ноября, переносят далее на пятое, а некоторые и вовсе на послепраздничные дни.

Все эти дни дует непрерывный ветер, плюется мокрым снегом, температура поднялась до -3 , -1°C . Уж пусть лучше был бы мороз, чем такая гнилая погода.

Вывесили приказ по экспедиции. Нескольким ребятам (и мне в том числе) выносятся благодарности за работы по подготовке Восточного поезда. Без ложной скромности могу заявить, что, ей же богу, я этого не заслужил, ибо меньше, чем кто-либо, участвовал в этой подготовке: сначала в самый разгар работ был на За-

падном шельфе, а потом возился с термокосою для Виталия Цукерника.

Моя лаборатория превращена в магазин без продавца. На всех приборах развесил бирки с обозначением, что это за прибор. Это для шефа, чтобы он при передаче не спутал гальванометр, к примеру, с термометром. Со дня на день собираемся улетать в Лазарев, но погода...

Поезд не дошел еще и до 250-го километра. Если он сохранит свою «молниеносность», то только один конец займет не менее трех месяцев.

5 ноября

Вчера мы с Нариком и Мишей отправились на вездеходе по припаю. Вел его неизменный Никанорыч. Уехали за 18 километров от Мирного. Погода стояла настолько чудесная, что я не выдержал и стал загорать. Вероятно, это было довольно забавное зрелище: полуголая фигура в сапогах, трусиках и меховой шапке на фоне айсбергов и пингвинов. Однако моему примеру последовал и Нарик, хоть и не столь рьяно. Лишь к вечеру, когда задул ветерок, мы облачились и стали опять нормальными антарктическими жителями.

К сожалению, бесов сын Нарцисс запорол фотопленку с этими видами при проявлении; пожадничаив, стал проявлять в одной бачке две пленки и сложил их эмульсиями вместе.

Вчера же вечером нам сообщили, чтобы к утру мы были готовы лететь на Победу.

Сегодня утром нас разбудили в 4.30. Пришли на аэродром. Нас было четверо: мы с Нариком, Евстигнеев и Короткевич. Влезли в «Аннушку». Не тут-то было.

АН закапризничал (в последнюю пургу весь его двигатель забило снегом, и в карбюраторе оказался лед), и пришлось нам возвращаться в поселок не солоно хлебавши.

Только я пристроился спать и, кажется, даже увидел первый сон, звонок: АН починили, можно лететь. И в прежнем обществе полетели.

Сделали точку на северной оконечности шельфа Шеклтона, произвели гидрологический промер (по счастью, сели около трещины, так что бурить скважину не пришлось). Затем перелетели на припай непосредственно у самого острова. Там самолет оставил нашу троицу: Нарика, меня и Короткевича — и улетел на гравику.

Место, где мы были высажены, представляет собой, если так можно выразиться, арену борьбы различных титанических сил природы. Огромные айсберги, трещины, провалы, передувы и снежные карнизы. Все это создает какой-то фантастический лунный пейзаж и чрезвычайно впечатляет. Я не знаю, могут ли быть еще где-нибудь, кроме Антарктики, такие картины, ведь даже в горах вряд ли возможны такие сочетания воды и льда.

Но у нас была конкретная задача: промерить глубину моря в этой обители дьявола. Еще с самолета мы видели здесь трещину с водой, но на поверхности все ведь сложнее. Поэтому прежде всего мы отправились ее искать. Предусмотрительно связались веревкой и правильно сделали, ибо то один, то другой влетал в трещину.

Нашли трещину с водой и, преодолев все Сен-Готарды, подтянули туда лебедку. Это был воловий и небезопасный труд, ибо он невыполним в связке.

К сожалению, он пропал даром, так как, промучившись несколько часов, едва не засадив намертво груз,

мы убедились в невозможности опустить груз глубже 40 метров в той смеси снега и влаги, что называется морской водою. Тогда мы отправились осматривать ледяные разломы.

Эх, видел бы нас в те минуты главинженер экспедиции Виктор Иванович Венедиктов, которому мы давали подписку по правилам техники безопасности, когда мы стояли под ледяной стеной, нависшей над нами хуже скалы «Пронеси, господи», и вырубали из нее образцы льда. Но и тут, как уже неоднократно, счастье сопутствовало нам. В заключение, используя народный опыт и свои кожаные штаны, мы благополучно спустились с двадцатиметрового передуга.

Следующая наша посадка была у стада огромных тюленей-белух, многие из которых обзавелись потомством. Теперь мне понятно высказывание «ревет, как белуха». У тюленей крупные, почти человечески глаза (чуть побольше и помутнее). Когда белуха обижена, из ее глаз катятся крупные слезы, и она издает совсем человечески звуки, стонущие, протяжные и грустные.

После того как мы окончили работу у трещины (время от времени из нее доносилось фыркание и появлялась курносая голова), мы убедились, что проработали, стоя над 460-метровой бездной. Нас отделяли от нее только 40 сантиметров снега, пропитанного водой, и ни одного сантиметра льда. Сделав это открытие, мы поспешили удалиться, и как можно быстрее.

Взлетев, взяли курс на чистую воду у северо-запада Победы. Не долетев до воды, сели на пушистый заснеженный припай. Но, странное дело, как только мы с Нариком выскочили из самолета, то убедились, что под 30 сантиметрами снега стоит вода. Памятуя о предыдущем открытии, ринулись назад в самолет.

Летчики переполошились.

Но у «науки» любопытство взяло верх, решили посмотреть, что все-таки под снегом: оказалось — лед! Правда, немного, всего 40 сантиметров, и удивительно, как он выдержал и держит машину. Но раз он это делает, то решили попробовать успеть замерить глубину моря, прежде чем наш АН ухнет вниз. Эту точку мы замерили с молниеносной быстротой, невозможной в иных условиях.

Завернув по пути на основную базу — на остров Победы, полетели в Мирный. Над аэродромом были в 22.30. Уже не было видно поверхности, и лишь мастерство Сани Софронова позволило посадить машину.

С аэродрома отправились в баню. Тут же нам сообщили новости за день. При попытке перелететь с припая на материковый аэродром потерпел аварию ЛИ-2 (старая знакомая № 70). Машину вел Пименов. У самолета обломилась нога, и при посадке он ударился о лед, сел на плоскости и погнул винты. С Пименовым, Вечтомовым и Карнаевым благополучно. Но, когда их отправились снимать с самолета, произошел еще один неприятный случай. Идя по трассе, по которой еще вчера мы лихо мчали на вездеходе, провалился и ушел на дно моря трактор. Тракторист успел выскочить из кабины. Да, все-таки нашей экспедиции поразительно «везет».

Есть и другие новости. Официально объявлено, что завтра, 6 ноября, «Обь» выходит в Антарктику и что смена зимовщиков Мирного будет проведена в середине марта.

8 ноября

Поселок разукрашен флагами СССР, ГДР, ЧССР. Была намечена экскурсия на о. Хасуэлл, но, как уже

происходило много раз, внесла свои поправки антарктическая погода, а точнее, непогода.

Получил много радиogramм от друзей и родных. Ей же богу, Антарктида вполне сносное место, если приходят радиogramмы!

Омрачало настроение сообщение из поезда. У Вовки Максакова приступ аппендицита. Пытались снять его «Аннушкой», но она опять подвела: отказал мотор, еле вернулась.

Утром меня с постели поднял звонок: вызывал Короткевич. Оказывается, получена радиogramма от шефа с требованием: первым же самолетом направить меня в поезд. Я ответил, что работа моя здесь выполнена и что я и сам хотел бы быть в поезде. Получив приказ собираться, начал вместо этого возиться с электронным мостом: не вовремя забарахлил. В итоге на сборы осталось менее получаса. Получив на складе оленью куртку и штаны и побросав в мешок все, что под руку попало, я был готов. Полетели на ЛИ-2. Не успел попрощаться с ребятами и дать рдо на Большую землю.

Когда улетали, в Мирном была чудная мягкая погода, теплая, с солнышком. Когда прилетели к поезду, там тоже было солнышко, но погодка резкая, с морозом и ветерком. Как-никак все-таки 2600 метров над уровнем моря! Садились неважно, дали «козла».

Выяснилось, что Вовка здоров или почти здоров. Для профилактики его решили увезти на пару недель в Мирный (даже без операции), потом опять забросят в поезд. Так что отпадала надобность в моем присутствии.

Да, близок был локоть, но так и не укусил.

Понравилось мне, как живут хлопцы. Дружно, весело и хорошо работают.

На десятое был официально назначен вылет в Лазарев. Еще с вечера загрузили ИЛ-12 вещам и оборудованием (дневник тоже был в самолете, и это причина столь длительного перерыва в записях). Но, как всегда здесь случается, десятого вылет не состоялся, ибо испортилась погода.

По Мирному ударила серия сильных вьюг. Это было уже не удивительно. Удивительно то, что, когда спустя несколько дней наступила совершенно ясная погода, лететь все равно было нельзя: видимая буря сменилась невидимой, магнитной.

Обычно магнитные бури проходили за два, максимум три дня. Здесь же она продолжалась около десяти дней и была настолько глубокой, что если бы А. С. Попов вздумал открывать радио именно в такие дни, то он бы разочаровался в своих теориях: эфир молчал. Радиоприемник не передавал даже помех.

Отлет откладывался со дня на день. Сидение на чемоданах угнетающе действовало на нервы. Меня же угнетало хроническое отсутствие радиogramм. По возвращении на Большую землю я с уверенностью могу сказать, что никакие физические и нравственные трудности здесь, в Антарктиде, так не страшны, как вот это безмолвие, с которым ты за 16 тысяч километров ничего не можешь поделать.

Наконец день отлета настал. Это произошло 27 ноября. Все давно было к этому готово, но все-таки даже здесь всемирный «закон бутерброда» ухитрился сработать: буквально за полчаса до назначенного часа испортился мой электронный автоматический мост из термоградиентной установки. Пришлось спешно его чинить.

Наш ИЛ-12 долго бежал по припайному аэродрому и наконец, когда уже возникла реальная опасность удариться о ближайший айсберг, оторвался. Загрузка предельная: сверх восьми тонн горючего еще 16 человек и на 1,5 тонны приборов и оборудования. В иллюминаторе мелькнул Мирный. Прощай, если еще увидимся, то это будет не скоро, только в марте. И я очень рад, что успел перед отлетом обойти все окрестности и облазить все острова...

Вылетели из Мирного при ясной погоде, но спустя несколько часов вошли в зону облаков, началась болтанка. В этом всегда мало приятного, но особенно она была неприятна для Нарцисса и меня, так как мы не могли развалиться в креслах, а вынуждены были проводить в полете актинометрические наблюдения для Бори Дерюгина. После шестичасового и довольно мучительного перелета мы приземлились на припай австралийской антарктической станции Моусон.

Но об этом — в следующий раз.

3 декабря

Впереди нашего самолета рулил крошечный «виллис», похожий на разукрашенный спичечный коробок, — он показывал дорогу через трещины.

Встретили нас очень радушно, несмотря на то, что наши самолеты уже пятый раз здесь приземляются. Сначала затащили к себе летчики, после них я отправился в павильон космических лучей, хозяин его Джон, видимо, из состоятельной семьи, учился в Лондоне, Германии, Нью-Йорке, получил три специальности. А лаборатория действительно хороша. Затем нас при-

гласили в лабораторию ионосферы. Там мы долго и по-настоящему, как друзья, болтали с Терри.

Вечером в кают-компании был дан для нас вечер. Начальники двух соседних экспедиций обменялись то-стами, и веселье началось.

Австралийцы не просто были дружелюбны. Никогда мне не забыть их шуток, их танцев, похожих на наши хороводы, их игры, почти ребячьи игры (в лошадки, как наша чехарда). После вечера — кино, ночевали в кают-компании, удобно устроившись на нейлоновых матрацах.

На следующий день улететь не смогли: Сёва, Бодуэн * и Лазарев не давали погоды. Продолжал знакомиться со станцией. Был у Джорджа в лаборатории полярных сияний, у метеоролога Нейла. С Терри сложились самые хорошие отношения. Обменялись на всякий случай адресами.

Вечерами ребята показывали свои цветные диапозитивы об Австралии.

Позже был интересный разговор о советских книгах, фильмах. Ребята не очень хорошо знают наши фильмы, но смотрят все, что до них доходит. И они очень высокого мнения о них. Приятно, что им нравится «Летят журавли» (они его запросто называют Татьяна, по имени актрисы в главной роли).

На следующее утро погода разошлась, и мы вылетели из гостеприимного Mawson'a. На прощанье фотографировались — и вместе и порознь, приглашали друг друга в гости. Жаль было расставаться с этими симпатичными хлопцами, и даже сейчас, когда я пишу эти строки, мне становится грустно, что, вероятно, уже никогда я не увижу этих хороших веселых ребят.

Девятичасовой перелет от Моусона до Лазарева

* Король Бодуэн — бельгийская антарктическая станция на Берегу Принцессы Рагнхилль (Земля Королевы Мод).

был чрезвычайно тяжелый. Порой летели в сплошном тумане, без малейшей видимости. Притом швыряло так, что вспоминались худшие времена «Оби». Лазарев не удалось взять на радиопривод, а найти в безбрежном белом пространстве черную точку не так легко. С почти сухими баками благополучно приземлились на станции.

5 декабря

Как оказалось, мы едва успели вырваться из Моусона. На следующий день после прилета в Лазарев здесь уже была нелетная погода, а в последующие дни ударила страшная пурга. Ветер был постоянно за 30 м/сек, порывы за сорок, и все это при обильнейшем снегопаде и снежном переносе*, что уменьшало видимость до расстояния вытянутой руки.

Мы живем впятером в небольшом деревянном домике системы Шапошникова. Он недостаточно теплый, так что приходится спать в спальных мешках, но зато он стоит на поверхности, и проблема выхода и входа совсем не проблема (другое дело у хлопцев, которые также прилетели с нами и были поселены в палатке, за-

* Советские ученые К. К. Марков и В. И. Бардин отмечают в монографии «География Антарктиды»: «Одной из важных географических проблем Антарктиды является перенос снега ветром. Антарктида получает на всю поверхность несколько менее 200 миллиметров осадков в год. Таяние и испарение снега и льда, за исключением узкой прибрежной каймы материка, в Антарктиде отсутствуют. В Антарктиде исчезает или совершенно ничтожна самая обычная статья ледникового баланса — таяние. Однако в Антарктиде ветры переносят из центральных районов к краю материка значительные массы снега. Перенос снега начинается при ветре со скоростью около 5 м/сек. С возрастанием скорости ветра в 2—2,5 раза количество переносимого снега возрастает в несколько десятков раз. Особенно часты метели у края и на склоне антарктического ледникового покрова, где стоковые ветры дуют почти непрерывно».

несенной снегом: регулярно, каждое утро мне приходилось их откапывать, чтобы они могли пойти завтракать).

Наконец сегодня к вечеру распогодило, выглянуло солнце, стих ветер, так что завтра, но, вероятнее, послезавтра, покину станцию.

Сегодня днем Короткевич подписал приказ, согласно которому пять человек (в том числе и я) отправляются на вездеходе «Пингвин» к горам Земли Королевы Мод. Задача: обследовать место, предполагаемое для новой станции*, дорогу туда. Всего должны пройти около (поболее) 700 километров. Но вероятно, что в пути нас догонит радиограмма, предписывающая идти за горы и искать выход на купол. Такая задача была бы по душе. Этим еще никто не занимался, а вещь первостепенной важности.

Продуктов пока берем на 25 дней, стало быть, Новый год вряд ли будем встречать на станции. Да оно, видимо, и к лучшему. Жаль только, что через неделю, когда придет «Обь», а с нею письма, посылки, нас здесь уже не будет...

Моя Казань молчит, молчит и молчит. И это молчание настолько ясно, что уже не требуются объяснения.

6 декабря

Ну вот все или почти все готово. Остались пустяки: забросить личные вещи, погрузить детонаторы.

Завтра утром трогаем, если будет соответствующая

* Станцию Лазарев через два года после основания решено было перенести с шельфового ледника на более прочное основание, на скалы. Поисками места для новой станции, впоследствии названной Новолазаревской, и должна была заниматься группа, в которую входил Павел Кутузов.

погода, а она будет. Предполагается ехать днем, а ночью, когда наш «Пингвин» стоит, мы будем проводить работу (сейсмику, гравiku, магнитку, гляциологию, теплофизику). Днем же наша «комплексная тройка» будет спать. Так как в «Пингвине», когда он едет, спать нельзя, то для этой цели мы будем использовать прицепленные к нему небольшие сани. Сегодня мы покрыли их брезентом, получилась комнатка размером 1,5×2,5 м². Этот «Ноев ковчег» повезет не только троих, но еще около 800 килограммов груза: сейсмо- и буроборудование, взрывчатку, продукты и т. д.

Мы уже окрестили наш поезд «кургузым», а самодельное детище «гадким утенком»: уж больно забавный вид у этого сооружения, когда оно плетется за солидным «Пингвином».

Сегодня впервые была установлена прямая радиотелефонная связь с приближающейся «Обью», и мы услышали новые в Антарктиде русские голоса.

9 декабря

Спешно начинаю писать, ибо сейчас последует рывок... и тогда уж не до писанины. Итак, позавчера в первой половине дня наш крохотный поезд тронулся. Этому предшествовали немалые колебания, ибо была такая погода, которая у нас называется «белой тьмой». Но Короткевич...

11 декабря

Вот опять выдалось чуток свободного времени. Итак, продолжаю. Но Короткевич все-таки решил отправить

наш отряд. Некоторое время он сам ехал на вездехо-
дике ГАЗ-47 с летчиками, провожая нас (заодно искал
подъем на шельф). После многочасовых блужданий во
мгле, мы добрались до подъема на шельф. Он имел
уклон ~ 40 градусов. И стоило немалых трудов выта-
щить нашего «гадкого утенка». При этом мы оборвали
все наши тросы, и в дальнейшем была только капроно-
вая связка.

Наконец видимость окончательно исчезла, и мы
были вынуждены остановиться на вершине какого-то
холма (впоследствии с него открылся чудный вид на
припай с айсбергами, на Лазарев, так как станция всего
в 13 километрах). На этом холме вынуждены простоять
пару дней. За это время окончены все приготовления
к сейсмическим работам, и они были начаты.

Всю сейсмику, которую на Большой земле обычно
исполняет бригада в 10—15 человек, здесь проводят
двое: Лев Боканенко (профессиональный сейсмик)
и я. Естественно, что темпы очень замедляются (первую
точку мы делали $1\frac{1}{2}$ суток) и, что самое главное, очень
утомляешься. Здесь я впервые выступил в новом ам-
плуа — взрывника. Ничего получается и даже нра-
вится, особенно когда большие заряды. Правда, име-
ются некоторые антарктические особенности. В част-
ности, неприятно возиться со смерзшимися детона-
торами, а они к тому ж еще картонные, а не металли-
ческие.

На следующий день отправились дальше. Был сде-
лан мучительный переход в 40 километров. Мучитель-
ный, потому что, как положено по графику движения,
мы, трое из нашей пятерки, должны были спать в
«утенке» во время перехода, набирая силу для ночной
работы (благо, солнце светит круглые сутки).

Мы должны были, но не могли. Во время езды наши
санки с такой силой бросало по застругам, что была

совершенно реальная возможность разбить головы о железные борта.

Были и другие неудобства. Мы ехали через трещины и прекрасно представляли, какая судьба ждет наши санки, если нам попадет трещина в 12 метров шириной. «Пингвин» спокойно проскочит через нее (что он однажды и сделал на наших глазах, правда, будучи без саней), наши же короткие санки обязательно уткнутся в нее, капроновая веревка оборвется, и все содержимое саней: аккумуляторы, взрывчатка, люди, буровое оборудование — ухнет на энную глубину.

Так что, учитывая вышеуказанные обстоятельства, вполне понятно, что мы не очень-то выпалились. Однако и вторая сейсмочка была сделана, хотя провозились мы с ней беспрерывно около 17 часов.

Забыл добавить, что пару часов нам удалось все-таки соснуть, и вот как это произошло.

Примерно в первой половине перехода мы лежали в своих спальных мешках, подбрасываемые на полуметровую высоту, в тщетной надежде уснуть. Вдруг после одного особенно сильного толчка движение саней стало более плавным, а звук двигателей «Пингвина» глуше. Пока мы осмысливали эти необычности, наши санки вовсе остановились, а шум тягача уже доносился издалека. В одних трусах с ракетницей в руках (наученные горьким опытом, мы уже имели ее у себя) я выскочил наружу. Вероятно, это было слишком спортивно для Антарктиды, но мне было не до этого: оборвав трос, «Пингвин» уходил все дальше и дальше. Мои ракеты на него не подействовали. Он был в сфере досягаемости разве что межконтинентальных баллистических. Мы остались одни в чистом поле. Тут до нас дошел комизм нашего положения, и если мы не уснули, то только потому, что давились от хохота.

Случайно выглянувший штурман Джамбулыч обна-

ружил пропажу «утенка», и вскоре справедливость была восстановлена. Но ненадолго. Через полчаса история снова повторилась. Теперь мы уж не делали попыток сигнализации, а старались только уснуть, что нам успешно удалось до нового первого толчка.

После второй сейсмочки мы прибыли на место стоянки бывшего западного поезда, законсервированного там с декабря прошлого года. Там уже ожидали нас механики, которые должны были вывести два АТТ и трое саней. Мы принялись за работу. Необходимо было оживить машины, вырвать изо льда и снега сани. Используя тол, удалось без особых повреждений вырвать (в прямом смысле) всю троицу. Кроме этих хозяйственных работ, мы с Львом ночью сделали третью сейсмочку.

Все это привело к тому, что мы страшно выдохлись, и если еще могли ходить, то только из зависти и злобы: из Лазарева нам сообщили, что «Обь» прибыла, и основное занятие лазаревского населения: ананасы, вина, письма...

Но тут нам разрешили оставить все, на одном лишь вездеходике ГАЗ-47 и «Пингвине» без «утенка» прибыть в Лазарев. Путь, на который мы потратили пять дней, был пройден за пять часов.

Прибыли на станцию поздно ночью. Там много новичков из 6-й КАЭ (очень странно было видеть их, каких-то чистеньких, бледных, незнакомых людей, в новенькой необношенной форме). Все «старенькие» были поголовно хмельны в различных степенях и стадиях. Добыли письма. Для меня их было четыре штуки, одно 1959 года выпуска (сравнить с 23 письмами, прибывшими с «Кооперацией» в январе). Часть писем, правда, осталась в посылках на «Оби».

С утра, приведя себя в относительно божеский вид, отправились за посылками. Вид судна был знаком и

приятен для нас. Еще приятнее было встретиться с матросами и штурманами. Все помнят, и, видимо, все радуются встрече.

Познакомились с ребятами из шестой. И хоть многие из них едут сюда не в первый раз (22 человека едут во второй и 11 в третий раз) смотришь на них с каким-то легким превосходством. Глупо, конечно, и, конечно, пройдет. Наши загоревшие, обветренные лица, уже потрепанная одежда явно привлекали внимание. Но это не льстило нашему самолюбию, особенно после того, как в одном месте нас приняли за механиков (но никак не за «науку»).

Мы протолкались два дня на судне, там проспали ночь, но так и не смогли добыть наших посылок. Какой-то остолоп на Большой земле запихнул несколько ящиков с посылками во второй трюм, который здесь откроется в последнюю очередь. Так и улетели с «Оби» без посылок: близок локоть.

Как только мы прилетели в Лазарев, нам дали час на сборы, и мы опять выехали на многострадальном «Пингвине». Наша основная задача по-прежнему найти проход к горе Ширмахер*, где будет установлена новая станция Лазарев. Вместе с нами поехал штурман 6-й КАЭ.

Сейчас, когда пишутся эти строки, наш «Пингвин» стоит уже у места, где были оставлены «утенок», тягачи и сани. Все спят, а мы с Нариком сидим в кабине одного из АТТ и строчим в тетрадах. Через несколько

* Оазис Ширмахера. Оазисом применительно к условиям Антарктиды называются пространства, свободные от покрова льда и снега. Название это впервые предложил в 1938 году А. Стефанссон, участник экспедиции Дж. Риммла на Антарктический полуостров, хотя впервые большие обнаженные пространства скал были обнаружены и описаны гораздо раньше, во время экспедиций Р. Скотта, О. Норденшельда, Э. Дригальского, Д. Моусона. Оазис Ширмахера сравнительно невелик.

часов опять в поход по трещинам. После того как проход к Ширмахеру будет найден, мы отправимся в свободный поиск. Попытаемся пройти через горы.

17 декабря

С каждым днем расширяются мои познания по Антарктиде. Вот сейчас Сергей Захаров, водитель нашего «Пингвина», копаясь в дизеле, бубнит: «Смешно сказать, не поверят: в сотне километров от берега, в Антарктиде, машина захлебнулась водой, переезжая реку». А поверить надо, ибо так и произошло.

В середине дня 15 декабря наш вездеход во главе поезда четырех АТТ и «газика»-47 отправились по направлению к горам Ширмахера, где будет основана новая станция. Но через полтора километра движение поезда остановилось: «Пингвин» впоролся в зону трещин. Сначала показались довольно узкие трещины, и мы проскакивали их с ходу. Но потом движение застопорилось: начали попадаться лохани. Несколько раз под гусеницами вездехода обрушивались мосты.

Обвязавшись веревками, решили провести «рекогносцировку» избранного направления. Результаты были неутешительны. Вернувшись к «Пингвину», около нашего «утенка» я ухитрился одной ногой свалиться в трещину. Ощущения были примерно такими, как если б я наступил на змею (ибо я уже успел освободиться от капрона).

Вызвав самолет (на АНе прилетел Пименов), разведали новый путь. Наш «Пингвин», а за ним и поезд прошли это новое место благополучно, мелкие трещины не помешали. Дальше движение шло нормально, правда, чтобы лучше просматривать дорогу, мы со

Львом «оседлали» «Пингвина», так и ехали ночью; когда до гор осталось всего 20 километров (по карте), все вокруг заволокло туманом. На связи Короткевич приказал нам: после того как мы проведем поезд к месту будущей станции, немного отдохнуть и отправиться назад к старой дороге, чтобы разведать зону трещин.

По мере продвижения к горам (которых мы уже не видели) начали появляться проталины.

18 декабря

На улице старая знакомая — пурга: самое время продолжать записи. Вчера не смог, позвали помочь ребятам из 6-й КАЭ установить домики Шапошникова.

Итак, начали появляться проталины. Что это такое? Я не знаю, в чем причина, видимо, чрезвычайно сильная летом солнечная радиация и экранировка горами холодных южных ветров вызывают сильную снежную (точнее, ледовую) поверхность в предгорном районе. Поверхность здесь состоит из довольно больших льдистых пластин, поставленных под углом. Получается что-то вроде гигантской рыбьей чешуи. И среди таких вот образований попадаются лужи с радиусом два-три метра и глубиной около метра. Сверху они прикрыты тонким льдом. На склонах высот эти лужи (проталины) соединяются хитрыми лабиринтами подледных ручьев. И чем ближе к горам, тем больше этих ловушек.

Даже наши вездеходы чрезвычайно плохо переносят эту дорогу *, не говоря уж об «утенке». Он доста-

* Оазисный эффект. К. К. Марнов и В. И. Бардин описывают его так: «Рассмотрим чрезвычайно интересные климатические условия оазиса Ширмахера. Исключительно велика

вил нам много хлопот. Почти непрерывно при этих бросках и толчках рвался буксирный трос. За какой-нибудь час мы сменили капроновую веревку, несколько стальных тросов, манильский канат толщиной в руку. А горы все еще не появлялись из тумана.

Давно миновали пять часов, а с ними и километры, высчитанные по карте. Карта оказалась неправильной. Испытывая сомнение в штурманской прокладке и измотанные дорогой, решили остановиться и дожидаться лучшей видимости. Так и сделали. Но едва мы с Нарциссом влезли в мешки, как туман начал рассеиваться, и километрах в трех, словно на фотобумаге, начала прорабатываться вся двадцатикилометровая цепь гор.

Было решено продолжить путь, чтобы отдохнуть уже на месте.

Я вылез из мешка и снова занял свое место на водительском смотровом окне, Нарцисс решил остаться в мешке. Но спать ему, несмотря на все его желание и усилия, так и не удалось: дорога была просто ужасной. Я опасался, что «утенок» просто перевернется на одной из колдобин. Нарцисс же впоследствии признался, что боялся только взрыва (на броне «Пингвина» в ящике подвешено около 500 детонаторов, которые имеют шансы взорваться от сильных толчков. А если это произойдет, то сдетонируют и 300 килограммов тола, погруженные в наш «утенок». Что и говорить, техника безопасности не на высоте, но иного выхода у нас нет).

активность процессов летнего таяния в районе оазиса, в то время как в 80 километрах севернее, на берегу открытого моря, в районе станции Лазарев, таяние почти отсутствует. На поверхности шельфового ледника к северу от оазиса талые воды создают систему ручьев от небольших озер-луж до сравнительно крупных водоемов. В летнее время талые воды затрудняют передвижение людей и транспорта...»

Но неприятности были еще впереди.

Мы подошли к горам, но, чтобы достичь места, выбранного для станции, нужно было обогнуть одну из них. И здесь дорогу преградил ручей талой воды. Шириной два метра и глубиной в полтора, он стал для нас непреодолимой преградой.

Напрасно бегали мы со Львом вдоль него (в унтах и валенках по воде) — брода так и не нашли. Водителю надоело глядеть на нас, и он решил форсировать преграду с ходу (благо «Пингвин» — вездеход-амфибия).

Результатом этого решения было то, что лишь с помощью двух АТТ спустя несколько часов наш «Пингвин» был извлечен из этого ручья, причем все его внутренности были заполнены водой. У меня не хватило сил продолжать борьбу, и я завалился спать в нашем «утенке» рядом с Нариком. После столь неприятного купания «Пингвин» тоже не мог продолжать борьбу и был отогнан на километр от злополучного места.

Поезд пошел к станции без нас.

Отоспавшись, мы с Нарциссом пошли к «Пингвину», и спустя час наш вездеход, выливший за это время из своего нутра часть воды, громыхал, огибая гору.

Когда мы подъехали, весь поезд, утомленный двухсуточным непрерывным переходом, уже спал. Сознывая историческую важность момента (ведь в скором будущем новый Лазарев станет базой всех советских антарктических экспедиций), я сделал ряд кадров. Потом отправился бродить по окрестностям. Они довольно живописны.

Эти горы, наподобие наших Уральских, разрушаются, создавая интересные формы выветривания. Рядом со станцией расположены несколько озер (разумеется, замерзших). По пути на одном из склонов подвергся

нападению двух поморников *. Отбился камнями. Будь их больше, были бы основания для испуга.

Когда лагерь проснулся, принялись за строительство. Было построено за один день (в порядке очередности): галюн, три сборных домика Шапошникова (два из них соединили в один), радиодом (просто сняли бало́к с одного из АТТ).

Сегодня утром, несмотря на пургу, все АТТ ушли назад. Они торопятся, так как «Обь», видимо, завтра уйдет. Мы пока остались. Будем делать «науку» в этом районе, но еще не позволяет погода.

20 декабря

По-прежнему находимся в «Нью-Лазареве»: удерживает нас здесь неразлучный друг «Пингвин». Сломался так, что вот уж который день мы не можем починить: вышел из строя котел подогрева. Пытаюсь что-то в нем сделать.

Погода наладилась. Правда, сегодня еще и при ясном небе дул сильный ветер, но к вечеру он затих. Сейчас ночь. Солнце светит не так ярко, как-то чуть притушенно, можно даже без очков ходить. И виды при этом — расчудесные. Будь здесь больший комфорт — и уходить никуда не надо. Какао и консервы надоели до последней степени. С большим аппетитом едим свежий лук и капусту, привезенные 6-й КАЭ.

Вчера вечером устроили баню: протерлись салициловым спиртом (очистились, по крайней мере, морально).

Днем на сеансе радиосвязи Нарикку предложили

* Поморник — птица из отряда чаек.

перебраться в Восточный поезд. Жаль расставаться. Привык я к нему, хотя и не раз случалось с ним спорить. Хороший он человек, а к хорошим всегда привыкаешь. Тем более — здесь, в Антарктиде...

Роберт Скотт:

«Я не нахваляюсь своими товарищами. Каждый исполняет свой долг по отношению к другим: Уилсон, прежде всего как врач, постоянно настороже, чтобы облегчать и исцелять небольшие недомогания и боли, неизбежные при нашей работе... Э. Эванс работник-богатырь, одаренный поистине замечательной головой. Только теперь я уясняю себе, как много мы обязаны ему... Маленький Боуэрс — чудо природы. Он во всем находит наслаждение. Ничем он не тяготится, никакой работой. Великое счастье, что из этих трех человек каждый приспособлен к своей работе, каждый в своей области неопеним. Отс был незаменим при лошадях; теперь он неутомим на ногах, исполняет свою долю лагерной работы... Я и без него не хотел бы обходиться. Лучшего подбора людей не придумать...»

Ричард Бэрд:

«Мои спасители — Поултер, Демас, Уэйт — достойны всяческой похвалы. Они совершили трудное, опасное путешествие, но какое это было непередаваемое мгновение, когда я увидел вдали свет прожектора!

В течение восьми недель моего медленного выздоровления эти три товарища неизменно проявляли ко мне исключительную чуткость и внимание...

Как мне ни хотелось поскорее вернуться в Маленькую Америку, я должен был ждать прибытия самолета, так как совершить путешествие на вездеходе было мне не под силу. Справедливость вынуждает меня признать, что мое отсутствие нисколько не повредило экспедиции...»

Почти ежедневно, кроме своих работ, авралим для новой станции. Так что в будущем сможем сказать, что и «мы пахали».

Казанских радиogramм не поступало уже месяц, а всего за последние три месяца их пришло две штуки. Больше я не жду и, право, не чувствую себя хуже от этого, скорее наоборот. Все ясно, а потому спокойно.

Сегодня с утра продолжали возиться с котлом подогрева. Кажется, сделали. Полностью опробовать не удалось: на «Аннушке» прилетел Короткевич.

С послезавтрашнего дня опять в поход. Значение станций резко возрастает. Последняя часть разведанной нами дороги неудовлетворительна. Слишком трудно. Уже сегодня там в одном из озер застряло два АТТ. Поэтому надо разведать другой, обходной путь.

При одной мысли об этой неприятной дороге становится как-то не по себе.

Короткевич поставил перед нами еще и другую, неизмеримо более трудную, но и важную задачу: найти проход через горы и выйти на купол. Затем путь (правда, около 100 километров только) по куполу. Придется идти по никогда не хоженным путям, преодолевать трещинные поля. Притом все это в одиночку. Только одной машиной, при отсутствии регулярной радиосвязи. Естественно, все это особенно затрудняет переход. Всего нужно пройти 600—700 километров.

Было заявлено, что пойдут добровольцы. Из нашей пятерки отказался только водитель. Повод: не хочет взлететь в воздух, когда сдетонирует на одном из толчков наш тол. Пришлось долго уговаривать его, так как другого водителя на «Пингвин» мы достать не сможем. Уговорились уменьшить запас детонаторов (все меньше шансов на взрыв).

Сегодня Джамбулыч вернулся из Лазарева (старого). «Обь» ушла в Мирный в 19 часов 15 минут. Наши посылки (мои, Боркова, Джамбулыча и Федюхина) ушли вместе с нею. Даже такой гигант, как Федюхин, проводивший все последние дни на корабле, не смог их вызволить. Ну и олухи же те, кто запрятал

их так далеко! Видимо, теперь мы не скоро их получим, возможно, лишь в «мирные» дни.

Самое обидное, что, кажется, в них есть письма.

26 декабря

Наконец наш вездеход был приведен в относительную годность, но, прежде чем мы вышли, нас пригласили принять участие в первом товарищеском ужине на новой станции.

Хоть тосты сильно походили на призывы, ужин прошел весело, песен попели вдоволь.

На следующий день (двадцать четвертого) вышли. Вышли облегченными, оставив «утенка» и Джамбулыча. Решено было совершить западный обход старой дороги.

Уже с первых километров эта проклятая дорога дала себя знать. Я попытался прилечь и тут же раскаялся в этом; ощущение было такое, будто я непрерывно в воздухе и только очень болит бок. Быстро покончил с этим никчемным занятием. Наш водитель Сергей ударился затылком, Нарцисс разбил лоб и расквасил нос.

Но хуже всего перенес эти толчки сам «Пингвин». У одного катка расколот подшипник, и он перестал вращаться, у другого лопнул торсионный вал. И все это с правого борта.

По возвращении на базу, что могли, отремонтировали, но все ж наша «птичка» осталась щербатой. Еще один-два таких перехода, и о горах можно не думать. Даже новые АТТ, привезенные с 6-й КАЭ, чувствуют себя неважно: срезаются болты, крепления двигателей.

В голове немного шумит, но немного. Шумит (но довольно сильно) в ушах: только что выпустил в светлое пасмурное небо десятка два ракет.

Это мой салют в честь конца старого антарктического года и начала нового, в честь родных и друзей, быть может, вспоминающих меня сейчас за десятки тысяч километров. Друзей, помнящих и уже не помнящих. И от последнего чуть грустно даже в этот праздничный день. Да, день, потому что светло, и если бы не тучи, ярко светило бы солнце.

Новый год встречаем на новом Лазареве. Собралось здесь около полусотни, из них только десять из нашей 5-й КАЭ. В тесноте, но далеко не в обиде. Дружно, весело за нашим столом, есть маленькая елка — осколок Большой земли, но не пожалуют на наш «огонек» гости. Далеко до них. Но все радостно встречают Новый год, континент время от времени напоминает о себе (и кто знает, что будет с нами через день).

Несколько дней назад над Моусоном пронесся ураган. Скорость ветра превышала 100 м/сек. Разломаны дома (радиостанция передавала сообщение, когда срывало крышу его дома). Погибли самолеты. Человеческих жертв нет. Начальник станции сломал ногу. Но в поезде, ушедшем от Моусона, тяжелое положение: кончилось горючее и продукты. И нет самолетов, чтобы доставить их...

Эрнст Шеклтон:

«Я ожидал, что будет ветер, и не ошибся. Сегодня пришлось идти сквозь слепящую пургу при морозе в 42° F (—41° C). К счастью, ветер был попутный, и мы продвинулись на 19 миль. Сани с натянутым парусом часто даже перегоняли нас, а иногда внезапно останавливались, врезав-

шись в рыхлый снег. Лямки упряжи, охватывавшие наши пустые желудки, причиняли при этих неожиданных толчках сильную боль. Мы вышли в 6 часов 40 минут и шли до 18 часов. Сегодня ввиду успешного продвижения выдано по три чашки полусваренной конины и шесть сухарей. Всех нас мучают трагические сны, как будто мы получаем еду, но очень редко нам снится, что мы действительно едим. Вчера ночью я почувствовал вкус хлеба с маслом. Сидя за своим скудным обедом, мы невольно наблюдаем друг за другом и чувствуем определенную обиду на того, кому удастся растянуть поглощение своей порции дольше, чем другим. Иногда стараемся приберечь кусочек сухаря для следующей еды, но никак не можем прийти к соглашению, что лучше — сразу ли все съесть или оставить кое-что про запас. Я лично съедаю за завтраком все сухари, а за обедом приберегаю кусочек сухаря, чтобы съесть его в спальном мешке — тогда легче заснуть. Чем меньше остается у нас сухарей, тем вкуснее они нам кажутся...»

Наш самолет вылетит на помощь австралийскому поезду завтра.

С Новым годом, друзья! Пусть он окажется счастливым для всех вас!

*1961 год,
2 января*

Итак, потекли дни нового, уже не антарктического года.

До прихода корабля в Лазарев осталось два месяца. В середине марта предполагается его выход из Мирного и 28 апреля — приход в Ленинград.

Обо всем этом еще рано думать, но думать хочется.

По-прежнему наш «Пингвин» стоит на оазисе Ширмахера. Прочно уселся. Вчера рвал взрывчатку на ска-

лах. Приятно смотреть, как летят вверх камни. Удалась сейсмика.

Нежелание нашего водителя идти в горы приводит к тому, что Короткевич, кажется, вынужден менять планы (об этом он сообщил сегодня по радию). Подробнее скажет, видимо, сегодня вечером, так как Льва и меня вызывают на «Аннушке» в Лазарев. Лететь не очень хочется, ибо сегодня вечером по радио должны выступать родственники, могу опоздать на передачу.

5 января

Передачу прослушать не удалось. Виноваты сами, опоздали. Я даже не знаю, кто выступал.

В Лазареве было очередное (уж какое по счету!) совещание по нашим планам. Трусость нашего водителя сделала свое дело. Похода за горы не будет. Будут работы на шельфе.

Жаль, пропала вся «изюминка» лазаревской жизни.

В Лазареве наслаждался бездельем (относительным, ибо пришлось делать железные сани для отдельной транспортировки детонаторов). Вчера же целый день носился: назначили дежурным по станции.

Вечером опять той же «Аннушкой» были доставлены назад в Ширмахер. И сразу же заварили в «Пингвине» чай с малиновым вареньем. Не случайно. Видимо, с «Обью» к нам завезли грипп (здесь «туземные» микробы отсутствуют по причине неподходящего климата). Мы год ничем не болели, видимо, иммунитет ослаб, и эта пакость прихватила нас всех.

7 января

Чудесный день. И все потому, что чудесный вечер. А он — потому, что из приемника чудесная музыка: Штраус, Моцарт и много знакомых, но безымянных мелодий...

«Мы жили в одной комнате студенческого общежития, — рассказывал Юрий Лобанов. — В ту пору Павел был просто влюблен в Штрауса, часами мог слушать его вальсы, не пропускал ни одного концерта, где они исполнялись. Видимо, эта любовь была настолько сильной, что все мы, живущие в этой комнате (еще было нас трое), загорелись ею. По инициативе Павла мы приобщились к Большому залу Ленинградской филармонии... Кажется, и сейчас я люблю ту музыку, которую полюбил тогда, когда мы ходили на концерты вместе с Павлом Кутузовым...»

Нет, и вправду прекрасные стоят дни. Солнечные, безветренные. Антарктида тает. Бегут ручейки, ручьи и целые реки.

Сегодня мы покинули оазис Ширмахера. Чтобы больше не возвращаться на него. При выезде сразу же завязли так, что пришлось вызывать на помощь АТТ. Затем, форсировав несколько речек и бесчисленное множество ручьев и проталин, уткнулись в непроходимую для нас речку. Решив, что утро вечера мудренее, остановились на ночевку.

12 января

«Пингвин» стал. Случилось самое плохое, что могло случиться. Вездеход стал, и его можно сдвинуть только буксиром.

Собственно, я даже не знаю, огорчаться или радоваться. За последние дни я, видимо, довольно сильно устал. Ко всем прочим обязанностям присоединилась и магнитка. Кроме этого, меня так скрутило, что хожу «глаголем».

Сейчас находимся в 75 километрах от старого Лазарева и в доброй сотне от нового.

В последние дни, точнее вечера, усиленно слушаем музыку. Как-то «оттаиваю». Кроме этого, перед сном внимательно (!) читаю Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это единственная непрочитанная книга (из имеющихся здесь) и к тому же интересная.

Друзья с Большой земли поздравляют с окончанием зимовки, видимо, услышав (или прочитав) сообщение о приходе «Оби» в Мирный. Несколько преждевременно. Только до вывоза нас из Лазарева осталось еще 46 дней.

Вчера после месячного пребывания на Комсомольской поезд пошел дальше к Востоку.

Надо добавить еще несколько нерадостных слов. Плохи дела у моего друга Нарцисса. В последний месяц он начал хвататься за сердце. А тут еще три дня назад от его Киры пришло рдо, из которой ясно, что она уже второй месяц серьезно больна...

14 января

Вчера вечером наш поезд окончательно развалился: весь личный состав был вывезен «Аннушкой» Вали Сысоева.

Перед этим мы день пожарились на солнце в прият-

ном безделье, к вечеру Лева и я сходили на точку «65 км», чтобы взорвать пару ящиков взрывчатки. Взрыв был интересен: на тол мы положили пустую бочку из-под горючего, в надежде насладиться зрелищем, когда она взлетит вверх. Но, увы, ничего подобного не произошло. Зато все окрестности вокруг нас были усеяны мелкими рваными кусками железа.

20 января

Давно уж снег не бил в лицо. И вот сегодня — пурга. Признаться по совести — рад ей. Это наш выходной. Все ясные дни работали непрерывно и немного устал. Надеюсь, что она продлится хотя бы еще пару дней.

За последние дни разбили с Левой профиль рядом со станцией. Вчера и сегодня готовили рации, придется пользоваться ими.

После пурги ожидаем прилета гостей с бельгийской станции Король Бодуэн, прибудет самолет во главе с принцем и начальником станции. Шутя ребята говорят, что на это время запрут меня, чтобы я не попался на глаза, так как своим видом напоминаю негра из Бельгийского Конго. В этих шутках есть доля истины. Загорел я прямо-таки до безобразия черно. И если говорить серьезно, то почти уверен, что в Кейптауне меня примут если не за негра, то наверняка за мулата.

Сегодня «разменяли» последнюю декаду предпоследнего антарктического месяца.

22 января

Пурга все еще свистит, но явно уже пошла на убыль, а, впрочем, за первым фронтом может прийти второй, ведь циклоны ходят стаями. Нашу палатку КАПШ-2 продувает, она не занесена снегом. Но зато, когда за-лезаешь в свой спальный мешок, спится...

Вот уже который вечер после кино остаются побол-тать ребята. Образовался этаким ночной клуб. И чего только здесь не наслушаешься! Ребята рассказывают о жизни, товарищах, женщинах, машинах, рассказы-вают сочно, красочно.

Все это помогает коротать пурговое однообразие на нашей небольшой станции. Игра в шахматы, книги уже не отгоняют мысли о Большой земле и обо всем, что там ожидает. Кино тоже дразнит жизнью, до кото-рой тебе еще три долгих месяца. Я как-то давно уж решил не очень распространяться в дневнике о своих чувствах, мыслях. Но все-таки порой бывает нелегко...

Сегодня в энный раз смотрели Лолиту Торрес.

Итак, спокойной ночи, и да здравствует уже два-дцать третье!

23 января

Уже второй день нам отдана «Аннушка», и уже вто-рой день мы летаем. Вчера сделали одну комплексную точку, сегодня три. Что это за нагрузка, можно пред-ставить, если учесть, что в Мирном работало пять че-ловек, а здесь только мы со Львом. Но дни сейчас лет-ные, и их надо успеть использовать.

Наша станция испытывает бензиновый голод. Кон-

чился авиабензин, и летчики рискуют остаться без работы (а ее еще много). Где-то около станции имеются запасы, завезенные еще 4-й экспедицией, но где точно — никто не знает, снег все занес. Наш экипаж, чтобы обеспечить заправку на эти дни, вчера тайно похитил несколько бочек у летунов 6-й КАЭ.

Я пытался помочь общему горю. В одном из подозрительных мест заснял магнитный профиль. Кривая, как и положено, имела максимум и минимум. Сегодня на этом месте работал бульдозер.

Наука не подвела. Правда, это оказались не бочки, а сломанное водило для саней, но все-таки...

30 января

Сегодня опять выходной день: пурга. Ветер порывами за 40, видимость — нулевая. Все предыдущие дни продолжали летать. Делали сейсмику, магнитку, гравику. Вчера летали в горы.

Два дня назад из Мирного пришла радиограмма: «Обь» приходит к нам в Лазарев на десять дней раньше предполагавшегося срока, то есть 20 февраля. Работы сворачиваются, кое-кто начинает уже паковать ящики. Почти все готово и у геологов, но сегодняшняя пурга сломала оба находившихся у них самолета, сорвала и унесла палатку (к счастью, без людей). Что она наделала у нас, пока неизвестно, мешает отсутствие видимости.

Два дня назад в нашей школе был вечер встречи выпускников. Почему-то в те дни много думалось о школе. Видимо, стареем. Послал туда поздравительную рдо, да, наверное, запоздала. Ну и к лучшему, как-то ведь нескромно.

3 февраля

Пурга не прекращается. Кончилось короткое антарктическое лето. Все чаще метели, все короче разрыв ясных дней между ними — так незаметно приходит зима. Но радостно, что ее мы уже не увидим, до «Оби» — чуть больше двух недель. Но как-то все более напряженной становится жизнь, начинаешь отличать не только сутки, но и часы, в голове непрерывно вертятся мысли о Большой земле.

Я знаю, что, вернувшись домой, испытаю и неприятности и скуку, буду вспоминать (и с сожалением!) о здешней природе, просторах и вольной жизни. Но что поделаешь! Видимо, так уж устроен человек. Сейчас для меня — и для всех, я уверен — нет ближе и роднее Большой земли.

4 февраля

Закат — расплавленное золото. Выше — пурпурная бахрома серовато-синих туч. С противоположной стороны — розовые айсберги плавают в чернильном море, над ними — фиолетовые гроззовые облака. Снег кругом — сиреневый цвет самых различных оттенков. И бесполезно ходить с немym фотоаппаратом. Самая совершенная цветная пленка не передает увиденного. И почему человек не властен над такой красотой, а сам находится в ее власти?

18 февраля

Пишу впотьмах: в нашем домике Шапошникова темно, так как станция бережет энергию (в «живых»

остался только один дизель, и тот вот-вот развалится).

Прежде всего — самая свежая новость. «Обь» придет сюда двадцать четвертого. Накануне всем отъезжающим надо быть в сборе. На станции почти любой разговор начинается или заканчивается упоминанием о сем торжественном событии.

Старая знакомая «Соя» — в заливе Лютцов-Хольм, в районе Сёвы «Обь» встретилась с ней.

22 февраля

Красный кружок, которым мы отмечаем положение «Оби» на карте, приблизился почти к самому Лазареву. На 12.00 сегодня корабль был всего в 120 милях. Сейчас ночь, и, если б не пурга (начавшаяся так некстати), наверное, мы уже видели бы мачты. Но так или иначе, мы завтра будем на корабле, и, следовательно, это будет последняя ночь, проводимая мной непосредственно на антарктическом материке да еще в спальном мешке. Что ж, я об этом не жалею (правда, для искренности добавим «пока») и все-таки должен сознаться, что, видимо, эти дни — счастливые, так как кто-то справедливо заметил, что зачастую ожидание счастья лучше самого счастья. Боюсь, что это так.

Станция Лазарев доживает последние дни, поэтому теперь наш единственный движок гоняется без пощады. Иногда в день смотрим до пяти картин.

26 февраля

Та ночь была не последней: из-за сильной пурги корабль не мог подойти к берегу. На следующий день

немного прояснилось, и, хоть ветер все еще был силен, «Обь» встала к припаю в нескольких километрах от станции. Началось паломничество. Прихватив неизменного «утенка», отправились и мы...

14 марта

Кто сказал, что история не повторяется? Сейчас ночь, я сижу у эхолота и пишу дневник. Как когда-то давно-давно. Только теперь курс корабля не W, а E: сейчас наш д/э * направляется к старому знакомому: острову Победы. А потом — курс к родным берегам.

Троих из нашего отряда (Вовку Максакова, меня и Боба Захарьева) вызвали к начальнику экспедиции и предложили работать в 7-й советской антарктической. Отказался, хоть и было лестно: значит все-таки не зря работал в 5-й КАЭ. Ну там, на Большой земле, видно будет. Но, видимо, не поеду. Хочется заняться наукой.

29 апреля

Всему приходит конец. Приходит конец даже самому длинному путешествию. Видны оба берега, правый и левый. И кажется, они где-то сходятся. Это место люди называли Ленинградом.

Погода холодна, но ясна. Лед. Пришли к северному льду от льда южного.

Записи пора кончать: время. Ну что ж, могу сказать о себе: писал, что видел, и не писал, чего не видел.

* Д/э — дизель-электростанция.

(Так раньше печаталось на наблюдательской книжке метеорологов. Это слова адмирала Макарова.)

Приходит конец антарктическому путешествию. Что можно сказать об Антарктиде вообще?

«Антарктида — не ложе из роз, но и не самое жесткое ложе в мире» — так сказал Ричард Бэрд. И очень хорошо сказал. И я знаю, что мне будет не хватать этой Антарктиды еще долгое время.

Так что же было потом?

«Десять лет назад академик Б. П. Константинов выдвинул гипотезу, для нашего времени довольно смелую, неожиданную и неправдоподобную, — рассказывал Валерий Рылов. — Он предположил, что в околоземном пространстве должно быть антивещество. Именно из него должны состоять метеоры, входящие в метеорные потоки, и кометы. Для проверки этой гипотезы была создана сначала группа энтузиастов — научных работников Физико-технического института Академии наук СССР. В 1962 году группу преобразовали в Астрофизический отдел ФТИ.

Павел Кутузов как раз был одним из энтузиастов, пожелавшим вложить свою лепту в эту работу. Особенностью ее являлась необычность объектов исследования. Если раньше мы имели дело с экспериментами в лабораториях ФТИ, то теперь надо было изучать далекие метеоры и кометы. И естественно, что на первом этапе все мы изучали методы астрономии и материалы по метеорам и кометам. Учитывая, что основное время мы тратили на разработку и изготовление аппаратуры, на знакомство с литературой, времени оставалось в обрез.

Давно известно, что целеустремленный исследователь ради любимой работы способен делать в несколько раз больше, чем «холодный работяга». Павел с большим азартом, интересом выполнял не только свои прямые обязанности, но делал доклады на семинарах групп, на семинарах Астрофизического отдела. В 1963 году, например, Павел сделал обширный доклад о кометах на семинаре отдела, который длился в общей сложности четыре часа. На групповом семинаре Павел делал доклады также на английском языке.

Вместе с Павлом я начал работать с начала 1962 года в группе оптических исследований Астрофизического отдела. В то время в группе разрабатывалась аппаратура по ре-

гистрации метеорных вспышек. Объем работы был очень большой, и каждый из нас занимался разными по значимости вопросами. Павел одинаково хорошо выполнял сложную инженерную работу или скучную обязанность достать что-либо, где-либо и т. д. Дисциплинированность (помимо способностей) играет в таких делах огромное значение, и Павел был тут образцом.

С конца 1962 года группа оптических исследований переключилась на исследование комет, в связи с чем было решено сделать электронный телескоп и электрофотометр и установить их в Симеизе на базе Крымской астрофизической обсерватории. По этой теме Павел получил самостоятельную работу, целью которой было фотометрирование кометных структур с помощью электрофотометра. Наблюдения на электрофотометре в Симеизе Павел начал вести в 1964 году...»

В марте 1966 года в Ленинград приехал на несколько дней Эдуард Степанов. Встретились с Павлом. Он показался Степанову сильно уставшим. Причин тому было много: беспокойство за здоровье отца (Степан Романович в ту пору болел), подходила к концу мучительная работа над диссертацией. «Через пару месяцев все наладится, — говорил Павел, — еще я нагряну к тебе в Менделеево!»

Но больше они не встретились.

2 мая 1966 года Павел погиб во время байдарочного похода на реке Мсте.

На похоронах его говорили о том, каким талантливым ученым мог бы стать Павел Кутузов, если бы не эта нелепая, злая случайность.

Мог бы... О нем уже нельзя было сказать в будущем времени, оставалось только сослагательное наклонение.

И все-таки это не так.

Для Павла Кутузова осталось и настоящее время, и будущее.

Он был, он стал, он есть — талантливый, мужественный, добрый, светлый человек.

Комсомолец.

Наш современник.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Друзья Павла Кутузова принесли его дневники в редакцию, когда автора уже не было в живых.

Дневник воскрешал события двенадцатилетней давности. Я тогда (ноябрь 1960 — апрель 1961 гг.) участвовал в работах геолого-географического отряда 6-й советской антарктической экспедиции в горах Земли Королевы Мод, и мне было столько же лет, сколько Павлу Кутузову. Поначалу я не мог вспомнить, знал ли я Павла. С тех пор прошло много времени. Я побывал в Антарктиде еще не раз.

По мере того как я читал дневник, возникало чувство сожаления, что судьба не свела нас тогда в Антарктиде. Но когда события в дневнике переместились в район станции Лазарев и оазиса Ширмахера, я понял, что мы все-таки, пусть случайно, мельком, но встречались в Антарктиде и уж непременно плыли вместе домой. А увидев фотографию Павла, я тут же вспомнил приветливого статного парня, с которым мы вместе в одной команде играли в трюмах «Оби» в волейбол.

Несмотря на азартность, он был удивительно доброжелателен в игре. Он был лучшим волейболистом среди нас, но никогда не сердился и не покрикивал, если мы допускали ошибки. Тогда, это было 5 марта 1961 года, на корабле по случаю выборов в местные Советы был концерт художественной самодеятельности. Затаяв дыхание мы слушали песни Оскара Кричака, которые в память о нем исполняли зимовщики Мирного. А вечером состоялся волейбольный матч с командой корабля. Мы проиграли хорошо сыгранному морякам. Павел переживал, но сам же утешал нас: «Ничего, в следующий раз выиграем».

Павел Кутузов, и об этом красноречиво свидетельствует его дневник, был человеком незаурядным, человеком большой духовной красоты. Обаятельный образ Павла, двадцатипятилетнего ком-

сомольца-полярника, энтузиаста-исследователя, безотказного товарища, всегда готового помочь, прийти на выручку, несомненно будет служить примером его сверстникам. Хотя сам Павел, если бы ему сказали, что хотят его поставить кому-то в пример, скорее всего рассмеялся бы, не поверил и, конечно же, не согласился бы. Павел Кутузов писал свой антарктический дневник для себя, возможно, для близких друзей на Большой земле. Его деятельная, ищущая натура стремилась к самоусовершенствованию, самовыражению, будь то тяжелая рискованная работа по извлечению провалившегося в трещину вездехода или занятия в кружках по изучению английского, основ музыки и т. д. Он стремился осмыслить увиденное, только что пережитое, и его еще горячие впечатления и мысли ложились на бумагу. В непосредственности, безыскусственности сила записей Павла Кутузова, которые, очевидно, так и не увидели бы свет, если бы их автор был жив. Ведь сам Павел никогда не отнес бы свой дневник в редакцию, ему показалось бы это просто нескромным.

По прочтении дневника невольно возникает чувство благодарности ко всем людям — друзьям и близким Павла, которые сумели довести записи Павла до публикации. Думаю, что и другие читатели согласятся со мной, что было бы досадной потерей, если бы «Антарктический дневник» Павла так и остался бы не прочтенным.

После событий, описанных в дневнике, прошло много лет. Мне довелось побывать в Антарктиде еще дважды. Я участвовал в разведке дороги через горы Земли Королевы Мод от станции Новолазаревской на ледниковый купол — то, о чем мечтал Павел. В 1966 году по этой трассе прошел на «Харьковчанках» внутриконтинентальный санно-гусеничный поезд. А в 1972 году я работал в 17-й антарктической экспедиции, снова возглавляемой Е. С. Короткевичем, с которым Павел зимовал в Мирном. И многие товарищи Павла по той зимовке возвращались вновь в Антарктиду и, конечно, вспоминали его в долгие, порой грустные антарктические вечера, когда за окнами мела пурга.

Сейчас на южнополярном материке действует много новых станций, центр советских антарктических исследований сместился из Мирного на станцию Молодежная. При Павле этой станции еще не было. А в домиках старого Мирного, ушедших глубоко под снег, уже никто не живет. Теперь в Антарктиде сооружаются дома на сваях, и ураганы проносят снег под ними, не занося их. Таким домам, к тому же построенным из негорючего материала, пожары не страшны. И трагедия, которую пришлось пережить Павлу с товарищами в той, на редкость трудной зимовке, надо думать, никогда больше не повторится.

Конечно, Антарктида и сейчас остается Антарктидой со всеми ее трудностями и лишениями, но за эти прошедшие годы условия работы на суровом материке стали более совершенными. Антарктида всегда притягивала и будет притягивать к себе всех, стремящихся к испытаниям и открытиям.

**Владимир Бардин,
старший научный сотрудник Межведомственной
комиссии по изучению Антарктики АН СССР,
кандидат географических наук**

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ